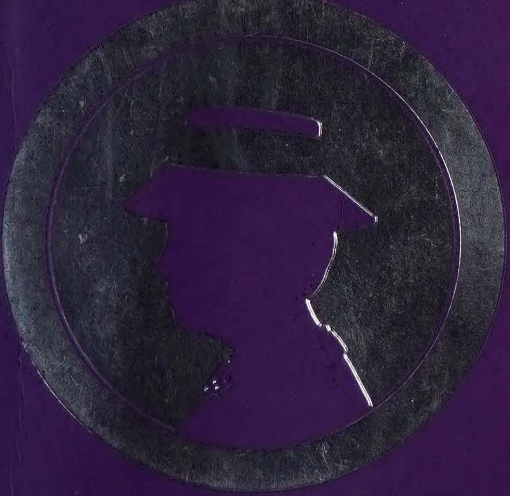
Agatha Christie

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ



Агата Кристи

Партнеры по преступлению

Agatha Christie®

СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Agatha Christie®

Агата Кристи

Партнеры по преступлению

Москва
2016

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie

PARTNERS IN CRIME

Copyright © 1929 Agatha Christie Limited.
All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere. All rights reserved.

Художественное оформление *Андрея Саукова*

Кристи, Агата.

К82 Партнеры по преступлению / Агата Кристи ; [пер. с англ. А.В. Бушуева]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Агата Кристи. Серебряная коллекция).

ISBN 978-5-699-84282-7

«Сладкая парочка» сыщиков — Томми и Таппенс Бересфорд — снова в деле. Им предстоит масса веселых и захватывающих приключений. К тому же каждая глава этого ироничного детектива представляет собой пародию на рассказы о самых популярных литературных сыщиках в истории мирового детектива.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Бушуев А.В., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-84282-7

Глава 1

Фея в доме

Миссис Томас Бересфорд, сидевшая на диване, переменила позу и с тоской выглянула в окно. Вид был не слишком впечатляющим и представлял собой жилой квартал на другой стороне улицы. Женщина вздохнула, затем зевнула.

— Как жаль, — вздохнула она, — что ничего не происходит.

Муж смерил ее укоризненным взглядом.

— Будь осторожна, Таппенс, твоя страсть к вульгарным сенсациям может плохо кончиться.

Таппенс вздохнула и мечтательно закрыла глаза.

— Итак, Томми и Таппенс поженились, — проворковала она, — и жили долго и счастливо. И шесть лет спустя они все так же жили долго и счастливо. Удивительно, как в жизни все отличается от того, о чем ты мечтаешь...

— Глубокая мысль, Таппенс. Но не оригинальная. Выдающиеся поэты и еще более выдающиеся богословы говорили об этом и раньше, и, прошу меня извинить, гораздо лучше тебя.

— Шесть лет назад, — продолжала Таппенс, — я бы поклялась, что, имея в твоем лице мужа и достаточно денег, жизнь будет представляться мне величавой сладкозвучной песней, как некогда сказал один поэт, коего ты, несомненно, знаешь.

— Так что же омрачает твое существование — я или деньги? — холодно осведомился Томми.

— «Омрачает» — не вполне подходящее слово, — великодушно отозвалась Таппенс. — К хорошим вещам привыкаешь быстро, только и всего. Точно так же по достоинству оценить способность дышать носом можно, лишь будучи простуженным.

— Может, мне стоит слегка пренебречь тобою? — осведомился Томми. — Начать прожигать жизнь с другими женщинами по ночным клубам? Что-то в этом роде?

— Бесполезно, — отозвалась Таппенс. — Ты наткнешься там на меня в обществе других мужчин. И мне отлично известно, что ты равнодушен к другим женщинам, в то время как ты не можешь быть абсолютно уверен в том, что я равнодушна к другим мужчинам. Мы, женщины, гораздо наблюдательнее вас.

— Зато по части скромности мужчинам нет равных, — пробормотал ее муж. — Но что с тобою, Таппенс? Почему тебе не сидится на месте?

— Не знаю. Хочу, чтобы что-нибудь произошло. Что-нибудь волнующее и увлекательное. Разве тебе не хотелось бы, Томми, снова заняться поисками немецких шпионов? Вспомни наши былые деньки,

полные опасностей и риска![1] Разумеется, я в курсе, что ты и сейчас имеешь отношение к секретной службе, но ведь это все исключительно кабинетная работа.

— Хочешь сказать, что не стала бы возражать, если б меня отправили в холодную Россию, переодетым в большевика-бутлегера или что-то в этом роде?

— Только не это, боже упаси, — ответила Таппенс. — Мне не дали бы отправиться туда вместе с тобой, я же не привыкла сидеть сложа руки. Мне всегда необходимо чем-то себя занять. Я весь день только это и говорю.

— Удел женщины, — предположил Томми, махнув рукой.

— Двадцать минут уборки после завтрака каждое утро — и квартира в идеальном состоянии. Тебе нет причин сетовать по этому поводу, верно?

— Ты ведешь дом настолько идеально, Таппенс, что беспорядок стал бы приятным разнообразием.

— Приятно слышать, — призналась женщина. — У тебя, конечно, есть твоя работа, — продолжила она, — но скажи мне, Томми, разве ты никогда не испытывал тайного желания, чтобы в жизни что-то происходило?

— Нет, — ответил ее муж. — Во всяком случае, вряд ли. В принципе оно неплохо — чего-то желать.

---

[1] Об этом рассказывается в романе А. Кристи «Таинственный противник».

Вот только это что-то может оказаться весьма малоприятным.

— Как, однако, удручающе благоразумны мужчины, — вздохнула Таппенс. — Неужели тебя никогда не посещало безумное желание жить жизнью, полной любви и приключений?

— Это ты в какой книжке вычитала, Таппенс? — снисходительно осведомился у жены Томми.

— Ты только представь, — продолжала гнуть свою линию женщина. — Раздается стук в дверь, ты идешь открыть, а за ней, шатаясь, стоит мертвец...

— Мертвец не доковылял бы до нашей двери, — скептически заявил Томми.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я, — ответила Таппенс. — Они, прежде чем испустить дух, всегда шатаясь, стоят за дверью, чтобы упасть к твоим ногам и прошептать пару загадочных слов вроде «пятнистый леопард» или что-то в этом роде.

— Тебе не помешал бы целительный курс Шопенгауэра или Иммануила Канта, — не удержался от ехидного совета Томми.

— Они не помешали бы как раз тебе, дорогой, — сказала Таппенс. — Ты становишься записным домоседом. Вон как уже оброс жирком...

— Неправда, — возмутился Томми. — Кстати, это не ты ли делаешь упражнения для похудания?

— Их делают все, — отмахнулась супруга. — Когда я сказала, что ты оброс жирком, я говорила скорее метафорически, чем буквально. Ты стано-

вишься самодовольным, преуспевающим, лощеным и тяжелым на подъем.

— Не понимаю, что на тебя нашло, — произнес Томми.

— Дух авантюризма, — прошептала Таппенс. — В любом случае это лучше, чем тосковать по большой любви. На меня такое временами находит. Я мечтаю о том, что встречу мужчину, настоящего красавца...

— Ты встретила меня, — ответил Томми. — Разве этого не достаточно?

— ...смуглого стройного красавца, ужасно сильного, умеющего скакать верхом и укрощать мустангов при помощи лассо...

— Ага, в ковбойских штанах из овчины и широкополой шляпе, — саркастически добавил Томми.

— ...и живущего в прериях, — закончила фразу Таппенс. — И чтобы он безумно в меня влюбился. Я бы, конечно, как порядочная женщина, его отвергла, сохранив верность брачному обету, но в душе сгорала бы от любви к нему.

— Отлично, — отозвался Томми. — Я только и делаю, что мечтаю познакомиться с красивой девушкой. Девушкой с волосами цвета спелой ржи, которая безоглядно влюбилась бы в меня. Только вряд ли я стал бы отвергать ее... Нет-нет, я бы точно не стал этого делать.

— Это, — заявила женщина, — проявление капризного характера.

— Да что с тобою, Таппенс? — удивленно спросил Томми. — Раньше ты никогда не вела таких разговоров.

— Верно, но это уже давно закипало во мне и искало выхода, — невозмутимо ответила она. — Видишь ли, крайне опасно иметь все, что ты хочешь, включая достаточное количество денег на покупку вещей. Не говоря уже про шляпки.

— У тебя их и без того около четырех десятков, — сказал Томми, — и все похожи одна на другую.

— Шляпки — они такие, — согласилась Таппенс. — На самом деле они не похожи. Каждая обладает индивидуальностью. Кстати, сегодня утром я видела прелестную шляпку у «Виолетты».

— Если тебе больше нечем заняться, кроме покупки шляпок, которые тебе не нужны, то...

— Верно, — снова согласилась Таппенс. — Об этом я и говорю. Будь у меня что-то поинтереснее!.. Может, заняться благотворительностью? О, Томми, как бы я хотела, чтобы произошло нечто волнующее. Мне кажется... я чувствую, это было бы хорошо для нас обоих. Если бы нам найти фею...

— Удивительно это от тебя слышать, — заметил Томми.

С этими словами он встал, прошел через всю комнату, открыл ящик письменного стола, вытащил небольшой снимок и протянул его жене.

— Так, значит, ты их уже напечатал? — удивилась Таппенс. — Это который? Тот, что ты снял в этой комнате, или тот, что сделала я?

— Тот, который снял я. Твой снимок не получился. У тебя, как всегда, недодержка. Ты неисправима.

— Как мило с твоей стороны думать, что есть что-то, что ты умеешь делать лучше меня, — съязвила Таппенс.

— Неумное замечание, — парировал Томми. — И я на время оставлю его без внимания. Я, собственно, хотел показать тебе вот это.

С этими словами он указал на белое пятнышко на фотографии.

— Царапина на негативе, — сказала Таппенс.

— Вовсе нет, — возразил Томми. — Это, Таппенс, след феи.

— Томми, ты идиот.

— Посмотри сама.

Он вручил ей увеличительное стекло. Таппенс внимательно рассмотрела в него фото. При известной доле фантазии царапину на негативе и впрямь можно было принять за крошечное крылатое создание, сидящее на каминной решетке.

— У нее есть крылья! — воскликнула Таппенс. — Забавно, живая фея в нашей квартире... Может, нам стоит написать Конан Дойлу?.. О, Томми, как ты думаешь, она выполнит наши желания?

— Скоро ты это узнаешь, — пообещал мужчина. — Ты весь день только и делала, что желала чего-то из ряда вон выходящего.

В эту минуту дверь открылась, и высокий юноша лет пятнадцати, явно не решивший для себя, кто он, лакей или паж, учтиво осведомился:

— Вы дома, мадам? Только что позвонили во входную дверь.

Таппенс кивком выразила согласие, и юноша удалился.

— Как жаль, что Альберт пристрастился к кино, — вздохнула Таппенс. — Теперь он изображает из себя дворецкого с Лонг-Айленда. Слава богу, я отучила его спрашивать у людей визитные карточки и приносить их мне на подносе.

Дверь открылась снова.

— Мистер Картер! — торжественно объявил Альберт, как будто к ним пожаловала особа королевской крови.

— Шеф, — удивленно пробормотал Томми.

Таппенс с радостным криком вскочила на ноги, чтобы приветствовать высокого седовласого мужчину с пронзительными глазами и усталой улыбкой.

— Рада видеть вас, мистер Картер!

— Вот и хорошо, миссис Бересфорд. А теперь ответьте на мой вопрос. Как поживаете?

— Неплохо, но скучно, — ответила Таппенс с лукавой искоркой в глазах.

— Все лучше и лучше, — отозвался мистер Картер. — Смею предположить, что сейчас ваше настроение еще больше улучшится.

— Звучит интригующе, — произнесла Таппенс.

Альберт, копируя стиль дворецких с Лонг-Айленда, принес чай. Когда это действо без всяких происшествий свершилось и дверь за ним закрылась, Таппенс вновь дала волю темпераменту.

— Вы что-то хотели сказать, верно, мистер Картер? Вы собираетесь послать нас с заданием в холодную Россию?

— Не совсем так, — уклончиво ответил мужчина.

— Но у вас что-то есть.

— Да, кое-что есть. Думаю, что вы не из тех, кого пугает риск, верно, миссис Бересфорд?

Глаза Таппенс радостно сверкнули.

— Есть некая работа для нашего департамента, и я подумал... просто подумал... что она устроит вас обоих.

— Продолжайте, — попросила Таппенс.

— Я вижу, вы читаете «Дейли лидер», — произнес мистер Картер, беря со столика журнал.

Он открыл страницу с колонкой рекламных объявлений и, указав на нее пальцем, подтолкнул журнал ближе к Томми.

— Прочтите это вслух, — попросил он.

Томми выполнил его просьбу.

— «Международное детективное агентство. Управляющий Теодор Блант. Частные расследования. Большой штат высокопрофессиональных сыщиков. Полная конфиденциальность заказов. Консультации бесплатно. Хейлем-стрит, 118».

Томми вопросительно посмотрел на мистера Картера. Тот кивнул.

— Это детективное агентство какое-то время находилось на последнем издыхании, — негромко произнес он. — Мой знакомый приобрел его за сущие гроши. Мы собираемся снова вдохнуть в него жизнь, для начала месяцев на шесть. И на это время нам понадобится управляющий.

— А как же Теодор Блант? — поинтересовался Томми.

— Боюсь, что мистер Блант был довольно неосмотрителен. Фактически понадобилось вмешательство Скотленд-Ярда. Мистер Теодор Блант сейчас содержится в известном заведении на средства Ее Величества и упорно отказывается сказать нам и половину того, что мы хотели бы знать.

— Понятно, сэр, — ответил Томми. — По крайней мере, кажется, я вас понял.

— Предлагаю вам взять полугодовой отпуск. Причина — поправка здоровья. И конечно же, если вы решите управлять агентством под именем мистера Теодора Бланта, то я здесь совершенно ни при чем.

Томми пристально посмотрел на своего собеседника.

— Какие-нибудь указания, сэр?

— Я полагаю, мистер Блант выполнял поручения за рубежом. Обращайте внимание на голубые письма с русской почтовой маркой. От торговца ветчиной, желающего отыскать свою жену-беженку, которая приехала в нашу страну несколько лет назад. Подержите над паром кон-

верт, Томми, удалите марку, и вы найдете под нею цифру «шестнадцать». Делайте копии с таких писем и присылайте мне оригиналы. Если кто-нибудь придет в агентство и упомянет эту цифру, срочно свяжитесь со мной.

— Понял вас, сэр, — отозвался Томми. — Что еще, кроме этих указаний?

Мистер Картер взял со стола перчатки и приготовился уходить.

— Агентством можете управлять так, как сочтете нужным. Я подумал... — в его глазах зажегся огонек, — вдруг это заинтересует и миссис Бересфорд, и она пожелает попробовать себя в роли сыщика...

Глава 2

Чудо чаепития

Через несколько дней мистер и миссис Бересфорд стали владельцами «Международного детективного агентства». Офисы располагались на втором этаже несколько обветшавшего здания в Блумсбери. В маленькой приемной Альберт снял с себя ливрею дворецкого с Лонг-Айленда и взялся за роль офисного посыльного, которую довел до совершенства. Пакет сладостей, испачканные чернилами руки и взлохмаченные волосы вполне укладывались в созданный им образ.

Из приемной две двери вели во внутренние помещения. На одной двери висела табличка «Клерки», на другой — «Кабинет». Последняя вела в маленькую уютную комнату. Главным ее украшением был огромных размеров канцелярский стол. Здесь же высились груды папок с ярлыками, все как одна пустые, и стояли несколько массивных стульев с обтянутыми кожей сиденьями. За столом сидел мнимый мистер Блант, пытавшийся выглядеть так, будто всю свою жизнь руководил детективным агентством. Разумеется, возле его локтя стоял телефонный аппарат. Они с Таппенс выучили несколько хороших трюков с телефоном. Альберт также получил соответствующие инструкции.

В смежной комнате сидела Таппенс, она же секретарь-машинистка. Мебель здесь была заметно скромнее, нежели в кабинете Большого Начальника, — простенькие столы, стулья и газовая конфорка для кипячения чая.

Нужды не было ни в чем, за исключением клиентов.

Таппенс, в восторге от вживания в роль, лелеяла ряд светлых надежд.

— Это шикарно! — заявила она. — Мы будем охотиться за убийцами, искать пропавшие фамильные драгоценности, находить пропавших людей и выявлять нечистых на руку.

В этот момент Томми счел своим долгом охладить ее пыл.

— Успокойся, моя дорогая, и забудь дешевые книжонки, к чтению которых ты пристрастилась в последнее время. Наша клиентура, если она у нас вообще появится, будет состоять исключительно из мужей, которые хотели бы, чтобы проследили за их женами, и жен, которые будут просить пошпионить за их мужьями. Доказательства неверности как повод для развода — вот он, единственный источник дохода частных сыщиков.

— Уфф! — отозвалась Таппенс и брезгливо сморщила носик. — Нам не следует браться за дела, связанные с разводами. Мы должны высоко держать планку нашей новой профессии.

— Да-а-а, — протянул Томми с явственной ноткой сомнения.

И вот теперь, спустя неделю, они довольно печально обменивались мнениями.

— Три идиотки, чьи мужья уезжают от них в выходные, — вздохнул Томми. — Никого не было, пока я выходил пообедать?

— Какой-то толстяк с неверной женой, — печально вздохнула Таппенс. — Я вот уже несколько лет читаю в газетах, что число разводов неуклонно растет, но до прошлой недели как-то не задумывалась об этом. Мне уже тошно говорить «Мы не беремся за дела, связанные с разводами».

— Мы поместили эту оговорку в рекламные объявления, — напомнил ей Томми. — Думаю, теперь они перестанут надоедать нам.

— О да, наши объявления звучат соблазнительно, — меланхолично заметила Таппенс. — И все-таки я не собираюсь сдаваться. Если понадобится, я сама совершу преступление, а ты его расследуешь.

— И что хорошего из этого выйдет? Подумай о моих чувствах, когда я буду нежно прощаться с тобою на Боу-стрит или на этой... Вайн-стрит?

— Это ты о своих холостяцких днях? — уточнила Таппенс.

— Нет, я имел в виду Олд-Бейли[1], — ответил Томми.

— И все-таки с этим нужно что-то делать, — решительно заявила его супруга. — Мы здесь попусту растрачиваем наш талант, а ведь как хотелось бы применить его в деле!..

— Мне всегда нравился твой оптимизм, Таппенс. Похоже, ты нисколько не сомневаешься в наличии у себя таланта, который ты могла бы проявить.

— Разумеется, — ответила та, широко распахнýв глаза.

— Но ведь ты отнюдь не специалист по части сыска.

— Неправда. Я прочла все до единого детективные романы, вышедшие за последние десять лет.

— Я тоже, — признался Томми. — Но у меня такое чувство, что это не слишком нам поможет.

---

[1] Олд-Бейли — здание Центрального уголовного суда в Лондоне, находящееся на одноименной улице.

— Ты всегда был пессимистом, Томми. Вера в себя — великая вещь.

— У тебя с этим все в порядке, — заметил ее муж.

— Все в порядке бывает лишь в детективных рассказах, — задумчиво произнесла Таппенс. — В них все можно прокрутить назад. Я имею в виду, что если вам известно решение, то вы легко можете подобрать нужные улики. Хотелось бы знать...

Она замолчала, наморщив лоб.

— Что? — спросил Томми.

— Мне в голову пришла одна мысль, — сообщила Таппенс. — Ну, не совсем пришла, я ее еще не до конца осознала. — Она решительно встала. — Думаю, что мне нужно пойти и купить ту самую шляпку, о которой я тебе рассказывала.

— О боже! — отозвался Томми. — Еще одна шляпка!

— Она очень миленькая, — с достоинством заявила Таппенс.

Из комнаты она вышла с выражением решимости на лице.

В последующие дни Томми пару раз осведомлялся у нее относительно идеи. Супруга лишь качала головой и отвечала, что всему свое время.

Затем одним прекрасным утром появился первый клиент, и все было забыто.

В дверь их бюро постучали. Альберт, который только что сунул в рот кислый леденец, невнятно крикнул: «Войдите». И тотчас же от радости и удив-

ления его проглотил. Похоже, к ним наконец пожаловал Настоящий Клиент.

В дверях стоял, не решаясь войти, высокий молодой мужчина, дорого и со вкусом одетый.

— Этакий щеголь, — сказал себе Альберт. Его суждения в таких вопросах всегда отличала точность.

На вид посетителю было года двадцать четыре. Тщательно прилизанные набриолиненные волосы, слегка покрасневшие веки и почти полное отсутствие подбородка.

Охваченный экстазом, Альберт нажал кнопку у себя под столом. В ответ из комнаты с табличкой «Клерки» немедленно раздалась пулеметная очередь пишущей машинки. Это Таппенс мгновенно заняла свое рабочее место. Целью этой серии производственных звуков было внушить молодому посетителю еще больший благоговейный ужас.

— Послушайте, — произнес он. — Это ведь то самое агентство... Как его там? «Блестящие сыщики Бланта»? Оно самое? Верно?

— Вы, сэр, пришли поговорить с самим мистером Блантом? — осведомился Альберт, как будто сомневался, что такое возможно.

— В общем-то, да, дружище, была у меня такая мыслишка. Это можно сделать?

— Вы ведь предварительно не договаривались о встрече, не так ли?

Посетитель, похоже, с каждой минутой смущался все больше.

— Боюсь, что нет.

— Я бы советовал вам, сэр, заранее звонить по телефону. Мистер Блант — человек занятой. В данный момент он разговаривает по телефону. Ему только что позвонили из Скотленд-Ярда. Хотят о чем-то проконсультироваться.

На молодого человека это явно произвело впечатление.

Альберт доверительно понизил голос:

— Кража документов из правительственного учреждения. Дело крайне серьезное. Они хотят, чтобы мистер Блант взялся за расследование.

— Да вы что! Похоже, он тут у вас нарасхват...

— Он босс, сэр, — поправил его Альберт, — ни убавить, ни прибавить.

Молодой человек сел на стул, даже не догадываясь о том, что в данный момент в хитроумные отверстия его внимательно разглядывают две пары глаз — Таппенс, в промежутках между пулеметными очередями пишущей машинки, и Томми, ждавший подходящего момента.

Затем на столе Альберта яростно прозвенел звонок.

— Босс освободился. Пойду выясню, сможет ли он вас принять, — сказал парень и исчез за дверью с надписью «Кабинет».

Через пару секунд Альберт вернулся в приемную.

— Прошу вас, сэр, — сказал он, распахивая перед посетителем дверь кабинета.

Навстречу с кресла встал молодой рыжеволосый мужчина с приятным лицом и энергичными манерами.

— Садитесь. Желаете получить консультацию? Я мистер Блант.

— Желаю. Неужели? Послушайте, вы ведь ужасно молоды!

— Дни стариков прошли, — взмахнул рукой Томми. — Кто затеял войну? Старики. Кто в ответе за нынешний уровень безработицы? Старики. Кто в ответе за все беды, что на нас свалились? И я снова отвечу вам: старики.

— Пожалуй, вы правы, — согласился посетитель. — Я знаю одного человека, он поэт, по крайней мере утверждает, что он поэт... Он всегда говорит так.

— Позвольте сказать вам, сэр, среди моего высокопрофессионального персонала нет никого старше двадцати пяти лет даже на один день. Это правда.

Поскольку высокопрофессиональный персонал состоял лишь из Таппенс и Альберта, то это заявление абсолютно соответствовало истине.

— А теперь — факты, — произнес «мистер Блант».

— Я хочу найти некоего пропавшего человека, — пролепетал посетитель.

— Понятно. Не могли бы вы сообщить подробности?

— Видите ли, тут все не так просто. То есть я хочу сказать, что это ужасно деликатное дело... Она, должно быть, жутко сердита. Я хочу сказать... это чертовски трудно объяснить...

Посетитель беспомощно посмотрел на Томми, который неожиданно разозлился. Он как раз собирался отправиться на обед. Увы, было понятно, что выудить нужные сведения из посетителя будет долгим и утомительным делом.

— Она исчезла сама или вы подозреваете, что ее похитили? — требовательно спросил он.

— Не знаю, — признался молодой человек. — Я ничего пока не знаю.

Томми потянулся за блокнотом и карандашом.

— Прежде всего, — произнес он, — назовите мне свое имя. Наш ассистент приучен не спрашивать имен. Таким образом, все консультации носят абсолютно конфиденциальный характер.

— Ловко придумано! — воскликнул молодой человек. — Меня зовут... э-э-э... меня зовут Смит.

— О нет! — решительно заявил Томми. — Мне нужно знать ваше настоящее имя.

Посетитель испуганно посмотрел на него.

— Э-э-э... Винсент, — сказал он. — Лоуренс Сент-Винсент.

— Вы не поверите, — заметил Томми, — как мало людей на самом деле носят фамилию Смит. Тем не менее девять человек из десяти, которые желают скрыть свое настоящее имя, называют себя Смитом. Я как раз пишу монографию на эту тему.

В следующее мгновение прозвенел звонок на его столе. Что означало, что Таппенс хотела бы взять клиента на себя. Томми, поскольку торопился на обед и к тому же успел проникнуться острой антипатией к мистеру Сент-Винсенту, обрадовался возможности уступить ей штурвал.

— Простите, — сказал он и поднял телефонную трубку.

На его лице быстро сменили друг друга удивление, испуг, восторг.

— Не может быть! — театрально воскликнул он. — Сам премьер-министр? Конечно, в таком случае я срочно выезжаю.

Положив трубку на аппарат, он повернулся к посетителю.

— Уважаемый сэр, приношу мои глубочайшие извинения. Срочный вызов. Если вы изложите суть вашего дела моей секретарше, она займется вами.

С этими словами он шагнул к соседней двери.

— Мисс Робинсон!

В комнату вошла Таппенс — скромное платье с белым воротничком и манжетами, скромная гладкая прическа. Отдав ей соответствующие указания, Томми удалился.

— Насколько я понимаю, мистер Сент-Винсент, особа, к которой вы неравнодушны, исчезла, — произнесла Таппенс нежным голосом и, сев на стул, взяла в руки карандаш и блокнот мистера Бланта. — Молодая особа, верно?

— О да, — ответил мистер Сент-Винсент. — Молодая, ужасно симпатичная и все такое.

Таппенс сделала серьезное лицо.

— О боже, — пробормотала она, — надеюсь, что...

— Вы думаете, с нею могло что-то случиться? — испуганно спросил Сент-Винсент.

— Будем надеяться на лучшее, — заявила Таппенс с фальшивым воодушевлением, чем повергла мистера Сент-Винсента в уныние.

— Послушайте, мисс Робинсон, вы должны что-то сделать. Я готов хорошо заплатить. Я не допущу, чтобы с нею что-то случилось. Похоже, вы мне сочувствуете. Поэтому признаюсь честно: я просто боготворю ту землю, по которой ступает эта девушка. Она восхитительна, она удивительное создание...

— Пожалуйста, назовите мне ее имя и расскажите о ней, все что знаете.

— Ее имя Джанет и... фамилии я не знаю. Она работает в шляпном магазине мадам Виолетты на Брук-стрит, но девушка она порядочная. Она постоянно отчитывала меня... вчера я пришел туда... ждал, когда она закончит работу... все остальные девушки вышли, а она — нет... Тогда я выяснил, что она утром не пришла на работу... и ничего не сообщила о своем отсутствии... Мадам Виолетта была в бешенстве.

Я узнал ее адрес и поехал туда. Мне сказали, что накануне вечером она не пришла ночевать, и никто

не знал, где она. Я просто потерял голову. Хотел обратиться в полицию, но знал, что Джанет жутко разозлится, если я это сделаю. Вдруг выяснится, что с ней все в порядке и она просто уехала куда-то по своим делам. Затем я вспомнил, что она показывала мне рекламное объявление вашего агентства. Она еще сказала, что одна из женщин, покупавших у них шляпки, была в восторге от ваших талантов, такта и тому подобного. И тогда я отправился прямо к вам.

— Понятно, — отозвалась Таппенс. — Какой у нее адрес?

Молодой человек назвал улицу и дом.

— Ну, хорошо, — задумчиво произнесла «мисс Робинсон». — То есть я хотела сказать... насколько я понимаю, вы помолвлены с этой молодой особой?

Сент-Винсент покраснел до самых ушей.

— Видите ли... не совсем так. Я ей ничего не говорил. Но поверьте мне, я намерен просить ее стать моей женой, как только снова увижу ее... если я когда-нибудь снова увижу ее.

Таппенс отложила блокнот.

— Вы желаете заказать нашу специальную услугу «двадцать четыре часа»? — спросила она деловым тоном.

— Простите? — не понял ее клиент.

— В этом случае гонорар удваивается, ведь мы привлекаем к расследованию весь наш персонал. Мистер Сент-Винсент, если ваша девушка жива, я скажу вам, где она, уже в это же время завтра.

— Что? Боже, это замечательно!

— На нас работают лишь самые опытные агенты, и мы гарантируем результаты, — решительно заявила Таппенс.

— Да-да, у вас, должно быть, первоклассный персонал.

— О да, еще какой! — ответила Таппенс. — Кстати, вы не дали мне описание внешности вашей молодой особы.

— У нее самые восхитительные на свете золотистые волосы. Я бы назвал их волосами цвета заката. Да-да, именно так, цвета заката. Знаете, я до недавнего времени не думал о таких вещах, как закат. Поэзия... в окружающем мире ее гораздо больше, чем мне раньше казалось.

— Рыжие волосы, — сухо произнесла Таппенс и сделала пометку в блокноте. — Какой, по-вашему, рост у молодой леди?

— О, она довольно высокая; кроме того, у нее потрясающие глаза, темно-голубые, я полагаю. И еще у нее решительные манеры, иногда это даже приводит в замешательство мужчин.

Таппенс написала в блокноте еще несколько слов, затем закрыла его и встала.

— Если вы позвоните мне завтра в два часа, я, пожалуй, смогу вам что-нибудь сообщить, — сказала она. — Всего доброго, мистер Сент-Винсент. До свидания.

Вернувшись, Томми застал Таппенс за изучением одной из страниц «Дебретта»[1].

— Я выяснила все подробности, — коротко сообщила она. — Лоуренс Сент-Винсент — племянник и наследник графа Шеритона. Если мы справимся с этим делом, нам гарантирована известность в самых высоких кругах.

Томми ознакомился с ее записями

— Как ты думаешь, что на самом деле случилось с этой девушкой? — спросил он.

— Думаю, — ответила Таппенс, — что она убежала, движимая зовом сердца, чувствуя, что любит этого молодого человека слишком сильно и потому рискует потерять голову.

Томми недоверчиво посмотрел на нее.

— Знаю, как поступают в книгах, — сказал он, — но в обычной жизни первый раз об этом слышу.

— Разве? — удивилась Таппенс. — Впрочем, пожалуй, ты прав. Но смею думать, что Сент-Винсент проглотил бы подобный ответ. Сейчас он полон романтических иллюзий. Кстати, я гарантировала ему решение его проблемы ровно через сутки с оплатой по специальному тарифу.

— Таппенс, ты в своем уме? Зачем ты это сделала?!

---

[1] «Дебретт» — ежегодный справочник дворянства, издается с 1802 г.

— Просто эта идея неожиданно пришла мне в голову. Я сочла ее вполне здравой. Не беспокойся. Предоставь это мамочке. Мамочка лучше знает.

Она вышла, оставив Томми в расстроенных чувствах.

Вскоре он встал, вздохнул и вышел следом за ней, чтобы сделать то, что было в его силах, мысленно ругая жену за излишне пылкое воображение.

Когда через полчаса Томми вернулся, усталый и измученный, то обнаружил, что Таппенс извлекает из тайника, устроенного среди папок с бумагами, пакетик с печеньем.

— У тебя взмыленный вид, — заметила она. — Чем ты занимался?

— Обходил больницы с описанием этой девушки, — простонал Томми.

— Разве я не велела тебе оставить это дело мне? — возмутилась Таппенс.

— Тебе не отыскать эту девушку в одиночку до двух часов завтрашнего дня.

— Это почему же?.. Более того, я *уже* нашла ее!

— Ты? Нашла? Что ты хочешь этим сказать?

— Все очень просто, Ватсон. Элементарно.

— Где она сейчас?

Таппенс указала себе за спину.

— В моем кабинете.

— Что она там делает?

Таппенс рассмеялась.

— Старая дружба, — сказала она, — чайник, газовый рожок и полфунта чая — вот и все чудо. Ви-

дишь ли, — продолжила Таппенс, понизив голос, — мадам Виолетта владеет магазином, в котором я покупаю шляпки. Недавно я встретила среди тамошних продавщиц мою давнюю знакомую. Когда-то мы с ней вместе работали в госпитале. После войны она ушла оттуда, открыла шляпный магазин, разорилась и пошла работать к мадам Виолетте. Мы с нею обтяпали это дело. Она привлекла внимание молодого Сент-Винсента к нашему объявлению, а затем исчезла. «Блестящие сыщики Бланта». Для них нет ничего невозможного. Хорошая реклама для нас — и повод для молодого Сент-Винсента поскорее сделать ей предложение. Джанет уже отчаялась услышать от него столь желанные слова.

— Таппенс, — произнес Томми. — Ну, ты даешь! У меня нет слов. Это же верх безнравственности! Ты нарочно подтолкнула молодого человека к женитьбе на девушке иного социального класса...

— Чушь! — отрезала Таппенс. — Джанет — замечательная девушка. Просто удивительно, что она любит этого жалкого бездельника. С первого полувзгляда видно, что нужно его семейству. Им нужна здоровая свежая кровь. Джанет — именно то, что им требуется. Она будет заботиться о нем, как мать, избавит его от привычки пить коктейли и шляться по ночным клубам, заставит вести здоровую жизнь истинного сельского джентльмена. Иди познакомься с ней.

Таппенс открыла дверь соседней комнаты. Томми вошел следом за ней.

Высокая девушка с красивыми рыжими волосами и приятным лицом поставила на стол чайник, из носика которого все еще шел пар, и одарила их ослепительной белозубой улыбкой.

— Надеюсь, ты не будешь ругать меня, медсестра Коули... то есть миссис Бересфорд. Я подумала, ты непременно захочешь выпить чашку чая. В свое время в госпитале ты частенько готовила для меня чай в три часа утра.

— Томми, позволь мне представить тебе мою старую подругу, медсестру Смит.

— Смит, ты сказала? Как интересно! — всплеснул руками Томми. — Что? О, ничего... небольшая монография, которую я собирался написать.

— Держи себя в руках, Томми!

Она налила ему чашку чая.

— Ну а теперь давайте все вместе выпьем чаю. Выпьем за успех «Международного детективного агентства». За «Блестящих сыщиков Бланта»! Пусть им всегда сопутствует удача!

Глава 3

Дело розовой жемчужины

— Господи, что это ты делаешь?! — требовательно спросила Таппенс, входя в святая святых Международного детективного агентства Теодора Бланта, иначе «Блестящие сыщики Бланта». Ее хозяин

и повелитель лежал на полу кабинета в окружении книжных куч.

Увидев ее, Томми кое-как поднялся на ноги.

— Пытался расставить эти книги на верхней полке шкафа, — пожаловался он. — А чертов стул меня не выдержал.

— Кстати, а какие именно? — спросила Таппенс, поднимая с пола том. — Хмм, «Собака Баскервилей»... Я бы с удовольствием перечитала ее.

— Ты поняла мою идею? — спросил Томми, осторожно стряхивая с себя пыль. — Полчаса с Великими Мастерами Своего Дела... что-то в этом духе. Знаешь, Таппенс, я не могу отделаться от ощущения, что мы с тобой пока любители... в некотором смысле мы не можем не быть ими, но не будет вреда, если мы, так сказать, постараемся постичь азы. Эти книги — детективные романы ведущих мастеров жанра. Было бы неплохо испробовать разные стили и сравнить результаты.

— Хм, — отозвалась Таппенс. — Я часто задумываюсь о том, как эти сыщики жили бы в реальной жизни. — Она взяла в руки другую книгу. — Боюсь, тебе будет нелегко стать Торндайком[1]. Ты ничего не смыслишь в медицине, не говоря уже о юридических знаниях. И вообще, точные науки никогда не были твоей сильной стороной.

---

[1] Доктор Джон Торндайк — герой романов и рассказов британского писателя Ричарда Остина Фримена (1862–1943), сыщик-любитель.

— Пожалуй, — согласился Томми. — В любом случае я купил хорошую фотокамеру и буду делать снимки следов, увеличивать негативы и все такое прочее. А теперь, мой друг, задействуй-ка клеточки серого вещества... что это, по-твоему?

Он указал на нижнюю полку шкафа. На ней лежали футуристической расцветки халат, турецкая туфля и скрипка.

— Элементарно, мой дорогой Ватсон, — ответила Таппенс.

— Именно, — подтвердил Томми. — Антураж Шерлока Холмса.

Он взял скрипку и неспешно провел смычком по струнам. Таппенс издала стон.

В следующую секунду зазвонил звонок на столе. Это означало, что в приемную вошел посетитель и сейчас с ним разговаривает Альберт. Томми торопливо положил скрипку на место и ногой затолкал книги за письменный стол.

— Особой спешки, вообще-то, нет, — заметил он. — Альберт займет его рассказом о том, что я в данный момент общаюсь по телефону со Скотленд-Ярдом. Возвращайся в себе, Таппенс, и начинай печатать на машинке. Ее стук придаст нашему агентству атмосферу активной деятельности. Впрочем, нет, я передумал: лучше ты будешь стенографировать мои указания. Давай, прежде чем Альберт введет жертву в мой кабинет, посмотрим, кто это.

Он приник к «глазку» в стене, позволявшему наблюдать за приемной Альберта.

Посетителем оказалась девушка примерно того же возраста, что и Таппенс, с довольно осунувшимся лицом и презрительным взглядом.

— Одета дешево и броско, — прокомментировала Таппенс. — Впускай ее, Томми.

Через минуту посетительница за руку поздоровалась с прославленным «мистером Блантом». Таппенс сидела, скромно опустив глаза, с карандашом в руке и раскрытым блокнотом.

— Моя секретарша мисс Робинсон, — представил ее Томми взмахом руки. — Можете спокойно говорить при ней.

Сказав эти слова, он откинулся на спинку кресла и, с минуту посидев с закрытыми глазами, устало произнес:

— Должно быть, утомительно добираться сюда автобусом в это время дня.

— Я приехала на такси, — ответила девушка.

— О! — с досадой воскликнул Томми и укоризненно посмотрел на голубой автобусный билет, торчавший из ее перчатки. Девушки проследила за его взглядом и, улыбнувшись, вытащила билет.

— Вы имеете в виду это? Я подобрала его на мостовой. Моя маленькая соседка собирает билеты. Это для нее.

Таппенс покашляла. Томми бросил на нее испепеляющий взгляд.

— Давайте перейдем к делу, — быстро произнес он. — Вы нуждаетесь в наших услугах, мисс...

— Кингстон-Брюс, — ответила девушка. — Мы живем в Уимблдоне. Вчера вечером одна леди, которая гостит у нас, потеряла очень дорогую розовую жемчужину. С нами также ужинал мистер Сент-Винсент, он упомянул ваше агентство. Сегодня утром моя мать послала меня спросить у вас, не возьметесь ли вы расследовать это дело?

Девушка говорила хмуро, едва ли не грубо. Было ясно как божий день, что никакого согласия между нею и матерью нет и в помине, а сюда она пришла не по своей воле.

— Понятно, — чуть озадаченно ответил Томми. — Вы не обращались в полицию?

— Нет, — ответила мисс Кингстон-Брюс. — Не обращались. Было бы глупо позвонить в полицию, а потом найти эту идиотскую жемчужину за камином или куда там она еще могла закатиться.

— О! — воскликнул Томми. — Значит, жемчужина все-таки потерялась?

Мисс Кингстон-Брюс пожала плечами

— У людей привычка устраивать шум из-за ничего, — пробормотала она.

Томми откашлялся, прочищая горло.

— Конечно, — произнес он с сомнением в голосе, — в данный момент я чрезвычайно занят...

— Я вас понимаю, — сказала девушка, вставая со стула. В ее глазах блеснула довольная искорка, что не ускользнуло от Таппенс.

— ...тем не менее, — продолжил Томми, — я думаю, что смогу съездить в Уимблдон. Назовите мне ваш адрес.

— Дом «Под Лаврами», Эджуорт-роуд.

— Запишите, пожалуйста, мисс Робинсон.

— Тогда мы будем вас ждать. До свидания, — не слишком любезно произнесла мисс Кингстон-Брюс, помолчав.

— Странная особа, — сказал Томми. — Лично на меня она произвела смешанное впечатление.

— А не могла она сама похитить жемчужину? — задумчиво произнесла Таппенс. — Давай, Томми, уберем эти книги, найдем машину и съездим туда. Кстати, в чьем стиле ты станешь работать — по-прежнему Шерлока Холмса?

— Думаю, мне не помешала бы практика, — ответил Томми. — С билетом я дал маху, тебе не кажется?

— Верно, — согласилась Таппенс. — На твоем месте я бы не пыталась на нее давить... Она умна и остра на язык. И в то же время несчастна, бедняжка.

— Похоже, ты уже знаешь о ней все, — не без сарказма отозвался Томми. — Причем все твои суждения сделаны исключительно на основании формы ее носа.

— Я скажу тебе, что, по-моему, мы обнаружим под этими лаврами, — сказала Таппенс, пропустив мимо ушей его колкость. — Семейство снобов, озабоченных желанием попасть в высшее общество.

Отец — если там есть отец — наверняка имеет воинское звание. Девушка изнемогает от такой жизни и презирает себя за то, что так живет.

Томми напоследок бросил взгляд на книги, теперь уже аккуратно расставленные на полке.

— Думаю, — задумчиво произнес он, — сегодня побуду Торндайком.

— Вот уж не думала, что в этом деле присутствует нечто медико-юридическое, — заметила Таппенс.

— Может быть, и нет, но должен же я, наконец, опробовать мой новый фотоаппарат! — заявил Томми. — В нем самый лучший из всех объективов! Таких линз нет больше ни в одном!

— Знаю я эти линзы, — возразила Таппенс. — К тому моменту, когда ты настроишь затвор и выберешь нужную экспозицию, твой мозг откажется тебе повиноваться и ты захочешь аппарат попроще, вроде «Брауни».

— «Брауни» — это для простачков, готовых довольствоваться малым.

— Спорим, я добьюсь этим жалким фотоаппаратом лучших результатов, чем ты — твоим.

Томми пропустил мимо ушей этот вызов

— Мне понадобится «Спутник курильщика»[1], — произнес он. — Интересно, где его можно купить?

— Зачем? У тебя ведь есть прекрасный патентованный штопор, который тетушка Араминта пода-

---

[1] «Спутник курильщика» — набор для курения трубки, включающий в себя подставку, ершик, ложку и тому подобное.

рила тебе на прошлое Рождество, — посоветовала Таппенс.

— Верно, — согласился Томми. — Забавного вида приспособление редкой разрушительной силы — таким мне тогда показался этот штопор. Довольно веселый подарок от стопроцентно непьющей тетушки.

— В таком случае я – Полтон[1], — сообщила Таппенс.

Томми смерил ее презрительным взглядом.

— Тоже мне Полтон! Ну и ну, на что ты замахнулась... Даже не мечтай.

— Это почему же? — возразила Таппенс. — Я могу довольно потирать руки. Этого будет вполне достаточно. Надеюсь, ты сделаешь гипсовые слепки следов?

Томми был вынужден замолчать. Взяв штопор, они спустились в гараж, выехали из него на машине и покатили в сторону Уимблдона.

«Под Лаврами», внушительного вида особняк, был увенчан коньками и башенками. Похоже, стены его были недавно покрашены, а сам он со всех сторон окружен аккуратными клумбами, пламеневшими алой геранью.

Не успел Томми позвонить в звонок, как дверь открыл высокий мужчина со щеточкой седых усиков и нарочитой военной выправкой.

---

[1] Полтон — герой романов Р.О. Фримена о сыщике — докторе Торндайке.

— Я поджидал вас, — поспешил объяснить он. — Мистер Блант, если не ошибаюсь? Я полковник Кингстон-Брюс. Прошу вас пройти в мой кабинет.

С этими словами он провел гостей в маленькую комнату в задней части дома.

— Юный Сент-Винсент рассказывал о вашем агентстве удивительные вещи. Я и сам обратил внимание на рекламу в газете. Гарантия расследования в течение суток... это высший класс. Именно то, что мне нужно.

Томми мысленно отругал Таппенс за столь безответственное заявление, а вслух ответил:

— Именно так, полковник.

— Это крайне неприятное дело, сэр. Крайне неприятное.

— Надеюсь, вы любезно поделитесь со мной фактами? — деликатно намекнул Томми с ноткой нетерпения в голосе.

— Разумеется... прямо сейчас. В данный момент в нашем доме гостит наша старая приятельница, леди Лора Бартон. Дочь покойного графа Кэрроуэя. Ее брат, нынешний граф Кэрроуэй, недавно произнес в Палате лордов поразительную речь. Как я уже сказал, она старая наша знакомая, и мы ее очень любим. Мои американские друзья, мистер Гамильтон Беттс и его супруга, которые недавно приехали посмотреть нашу страну, очень хотели с нею познакомиться. «Нет ничего проще, — ответил я. — Она сейчас гостит у меня. Приезжайте на

уик-энд». Вы же знаете, как американцы относятся к титулам, мистер Блант.

— Иногда не только американцы, полковник Кингстон-Брюс.

— Увы! Совершенно верно, мой дорогой сэр. Терпеть не могу снобов. Как я сказал, Беттсы приехали на уик-энд. Вчера вечером... мы играли в бридж, как вдруг у миссис Беттс сломалась застежка кулона. Поэтому она сняла его и положила на небольшой столик, намереваясь забрать его, когда пойдет наверх, в свою спальню. Однако она забыла это сделать. Должен объяснить, мистер Блант, что кулон представлял собой два небольших бриллиантовых крылышка, между которыми была вставлена крупная розовая жемчужина. Сегодня утром кулон был найден там, где миссис Беттс вчера его оставила, однако жемчужина — очень дорогая жемчужина — исчезла.

— Кто нашел кулон?

— Горничная... Глэдис Хилл.

— Есть основания подозревать ее?

— Она работает у нас вот уже несколько лет, и ее всегда отличала безупречная честность. Но конечно, невозможно знать наверняка...

— Именно. Вы можете охарактеризовать ваших слуг и назвать тех, кто присутствовал вечером в доме во время ужина?

— Есть кухарка... она у нас всего два месяца, но, как правило, не выходит из кухни... то же самое можно сказать и про ее помощницу. Затем горнич-

ная, Элис Каммингс. Она у нас тоже не первый год. И еще служанка леди Лоры. Француженка.

Полковник Кингстон-Брюс произнес эти слова с внушительным видом. Томми же, нисколько не впечатленный национальностью служанки, сказал:

— Понятно. А кто присутствовал на ужине?

— Мистер и миссис Беттс, мы — моя жена и дочь — и леди Лора. С нами также ужинал юный Сент-Винсент, а после ужина к нам заглянул ненадолго мистер Ренни.

— Кто такой мистер Ренни?

— Растленный тип, отъявленный социалист. Симпатичный, разумеется, и, главное, наделен редким даром убеждения. Но из тех, скажу вам честно, кому нельзя верить ни на грош. Опасный, можно сказать, тип.

— То есть вы подозреваете именно мистера Ренни, — сухо заключил Томми.

— Верно, мистер Блант; я уверен, принимая во внимание взгляды, которые он исповедует, что этот тип вообще не обременен никакими принципами. Что могло быть легче для него, чем тихонько прикарманить жемчужину в тот момент, когда мы все были поглощены игрой? Было несколько напряженных моментов... удвоение ставки без козырей, а также неприятный спор, когда моя супруга имела несчастье объявлять ренонс при наличии требуемой масти.

— Воистину, — произнес Томми. — А как отнеслась к пропаже миссис Беттс?

— Она хотела, чтобы я позвонил в полицию, — неохотно признался полковник Кингстон-Брюс. — То есть после того как мы все обыскали, в надежде на то, что жемчужина куда-то закатилась.

— Но вы отговорили ее?

— Мне бы очень не хотелось огласки, и жена и дочь меня поддержали. Затем моя жена вспомнила, как за ужином юный Сент-Винсент сказал, что ваше агентство способно решать проблемы за одни сутки.

— Да-да, — с тяжелым сердцем подтвердил Томми.

— Видите, в любом случае вреда не будет. Если мы позвоним в полицию завтра, всегда можно сказать, что мы решили, будто жемчужина просто куда-то закатилась, и мы пытались ее найти. Кстати, этим утром я всем запретил выходить из дома.

— За исключением вашей дочери, конечно, — уточнила Таппенс, впервые подав голос.

— Верно, за исключением моей дочери, — подтвердил полковник. — Она выразила желание съездить к вам и изложить суть дела.

Молодой человек встал.

— Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы вы остались довольны, полковник, — сказал он. — Я хотел бы осмотреть гостиную и стол, на котором лежал кулон, а также задать несколько вопросов миссис Беттс. После этого я поговорю со слугами... или точнее, это сделает моя помощница, мисс Робинсон.

При мысли о том, что он должен допрашивать слуг, «мистеру Бланту» стало немного не по себе.

Полковник Кингстон-Брюс распахнул дверь и повел их через вестибюль. При этом из открытой двери комнаты, к которой они шли, донесся обрывок фразы. Голос же принадлежал девушке, которая приходила к ним утром.

— Ты прекрасно знаешь, мама, — сказала она, — что она принесла домой ложку в муфте.

Через минуту их представили миссис Кингстон-Брюс, капризной даме с томными манерами. Ее дочь удостоила гостей лишь коротким кивком. Ее лицо было мрачнее тучи.

Миссис Кингстон-Брюс оказалась особой говорливой.

— ...но я знаю, кто взял ее, — закончила она. — Этот ужасный молодой социалист. Он любит русских и немцев и ненавидит англичан... что еще от него можно ожидать?

— Он к ней даже не прикасался, — возразила мисс Кингстон-Брюс. — Я наблюдала за ним... все время. Я бы обязательно заметила, если б он сделал это.

Сказав эти слова, она с вызовом вскинула подбородок.

Томми поспешил перевести разговор на другую тему, попросив разрешения пообщаться с миссис Беттс. Как только хозяйка дома в сопровождении мужа и дочери удалилась на поиски миссис Беттс, он задумчиво присвистнул и негромко произнес:

— Интересно, кто это прятал чайную ложку в муфте?

— Я тоже об этом подумала, — ответила ему Таппенс.

В комнату, сопровождаемая мужем, влетела миссис Беттс — дородная, громкоголосая особа. Глядя на ее подавленного супруга, можно было подумать, что у него несварение желудка.

— Насколько я понимаю, мистер Блант, вы частный сыщик, знаменитый тем, что проводите расследования с огромной скоростью?

— Скорость, — ответил Томми, — мое второе имя, миссис Беттс. Позвольте мне задать вам несколько вопросов.

Затем события развивались в стремительном темпе. Томми показали кулон и стол, на котором он лежал. Мистер Беттс вышел из состояния немоты и назвал цену похищенной жемчужины в долларах.

Увы, Томми не оставляло неприятное чувство, что здесь что-то не так.

— Я думаю, этого достаточно, — в итоге произнес он. — Мисс Робинсон, будьте так любезны, принесите из холла специальный фотографический аппарат.

Мисс Робинсон выполнила его просьбу.

— Мое маленькое изобретение, — скромно пояснил Томми. — По внешнему виду это всего лишь обычный фотоаппарат.

Он не без удовольствия отметил про себя, что на супругов Беттс это произвело впечатление.

Молодой человек сфотографировал кулон, стол, на котором тот лежал, а также сделал несколько снимков комнат. После этого «мисс Робинсон» была отправлена допрашивать слуг. Заметив на лицах полковника Кингстон-Брюса и миссис Беттс ожидание, Томми понял: самое время сказать несколько веских слов.

— Вывод следующий, — изрек он, — жемчужина или все еще находится в доме, или ее уже здесь нет.

— Именно так, — произнес полковник с бóльшим уважением, нежели того заслуживал только что озвученный вывод.

— Если ее в доме нет, то она может быть где угодно... но если она все еще в доме, то, скорее всего, где-то спрятана...

— И необходимо провести обыск, — прервал его полковник Кингстон-Брюс. — Именно так. Предоставляю вам полную свободу действий, мистер Блант. Обыщите весь дом от чердака до подвала.

— Чарльз! — печально пробормотала миссис Кингстон-Брюс. — Неужели в этом есть необходимость? Слугам это не понравится. Уверена, они пожелают уйти от нас.

— Мы обыщем их комнаты в последнюю очередь, — поспешил успокоить ее Томми. — Вор наверняка спрятал жемчужину в самом неожиданном месте.

— Кажется, я где-то читал о чем-то подобном, — согласился с ним полковник.

— Именно, — подтвердил Томми. — Возможно, вы помните дело «Рекс против Бейли», которое создало прецедент.

— Э-э-э... да, — растерянно подтвердил полковник.

— Самое невероятное место — это комнаты миссис Беттс, — продолжил Томми.

— С ума сойти! Вот это хитрость! — восхищенно воскликнула миссис Беттс.

Без лишней суеты она отвела его в свою комнату, где Томми еще раз воспользовался своим специальным фотографическим аппаратом.

Некоторое время спустя туда вошла Таппенс.

— Надеюсь, миссис Беттс, вы не станете возражать, если моя помощница осмотрит ваш гардероб?

— Отнюдь. Вам еще требуется мое присутствие здесь?

Томми заверил хозяйку комнаты, что необходимости в ее присутствии нет, и миссис Беттс удалилась.

— Мы можем и дальше хитрить и выкручиваться, — сказал Томми, — но я лично не верю, что у нас есть хотя бы крошечный шанс найти пропажу. Черт бы побрал, Таппенс, тебя и твое обещание выдать результат за двадцать четыре часа.

— Послушай, — успокоила его жена. — Я уверена, со слугами все в порядке, но мне удалось

кое-что узнать о служанке-француженке. Когда леди Лора гостила здесь год назад, она пошла на чай к друзьям семейства, а когда вернулась домой, из ее муфты выпала чайная ложечка. Тогда все подумали, что вещь попала в муфту случайно... Кстати, если говорить о подобных кражах, я разузнала кое-что еще. Леди Лора вечно у кого-то гостит. Скорее всего, у нее за душой ни гроша, но она любит пожить с комфортом у тех, для кого титул кое-что значит. Возможно, это совпадение, а может, и нет, но за то время, когда она жила в разных домах, произошло пять краж. Иногда пропадали какие-то мелочи, иногда драгоценности.

— Вот это да! — Томми даже присвистнул. — Не знаешь, где комната этой старой перечницы?

— На той стороне коридора.

— Тогда давай проскользнем в нее и все там осмотрим.

Дверь комнаты напротив была приоткрыта. Сама комната была просторная, с белой лакированной мебелью и розовыми занавесками. Внутренняя дверь вела в ванную. Возле двери стояла стройная смуглая девушка, аккуратно одетая.

— Это Элиза, мистер Блант, — деловито произнесла Таппенс в ответ на удивленное восклицание, сорвавшееся с губ служанки. — Горничная леди Лоры.

Перешагнув порог ванной комнаты, Томми мысленно одобрил ее шикарное современное убранство. И, чтобы развеять подозрение, застыв-

шее во взгляде молодой француженки, принялся за «работу».

— Занимаетесь уборкой, мадемуазель?

— Да, мсье, чищу ванну миледи.

— Надеюсь, вы поможете мне сделать несколько фотоснимков. У меня с собой специальный аппарат, и я снимаю все комнаты в этом доме.

Не успел он договорить, как дверь ванной неожиданно захлопнулась у него за спиной. Элиза даже вздрогнула.

— Что это было?

— Сквозняк, должно быть, — ответила Таппенс.

— Давайте перейдем в другую комнату, — предложил Томми.

Элиза шагнула вперед, чтобы открыть для них дверь, но дверная ручка упорно отказывалась поворачиваться.

— В чем дело? — резко спросил Томми

— Ах, мсье, кто-то, видимо, закрыл ее с той стороны. — Она подхватила полотенце и попробовала еще раз. На этот раз ручка подалась довольно легко, и дверь открылась.

— *Voilà ce qui est curieux*[1]. Должно быть, заело замок, — сказала Элиза.

В спальне никого не было

Томми принес фотоаппарат. Таппенс и Элиза выполняли его распоряжения. Но снова и снова взгляд его падал на дверь ванной комнаты.

---

[1] Как странно (*фр.*).

— Интересно, — процедил он сквозь зубы, — почему вдруг замок заело?

Он внимательно осмотрел дверь и несколько раз открыл и закрыл ее. Замок работал безотказно.

— Еще один снимок, — со вздохом произнес он. — Вы не приподнимете эту розовую занавеску, мадемуазель Элиза?.. Благодарю вас. Просто подержите ее так.

Раздался знакомый щелчок. Томми попросил Элизу подержать стеклянную пластинку. Вручив треногу Таппенс, сам осторожно настроил фотоаппарат и закрыл объектив. Затем под несложным предлогом избавился от Элизы и, как только она вышла из комнаты, схватил Таппенс за руку и быстро заговорил:

— Послушай, у меня возникла идея. Ты можешь задержаться здесь? Осмотри все комнаты, это займет какое-то время. Попытайся разговорить эту старую пташку леди Лору, но только не спугни ее. Скажи ей, что подозреваешь горничную. И ни за что не позволяй ей выйти из дома. Я съезжу кое-куда на автомобиле. Вернусь как можно раньше.

— Хорошо, — отозвалась Таппенс. — Но не будь слишком самоуверенным. Ты кое-что забыл.

— Что именно?

— Девушку. Дочь полковника. В ней есть что-то странное. Кстати, я выяснила, в котором часу она утром ушла из дома. Чтобы добраться до нашего

агентства, у нее ушло два часа. Это же абсурд. Куда она заходила, прежде чем пришла к нам?

— В этом что-то есть, — признал ее муж. — Знаешь что? Иди по следам любой своей версии, но следи за тем, чтобы леди Лора никуда не выходила... Что это?

Его чуткое ухо уловило еле слышный шорох снаружи, на лестничной площадке. Он бросился к двери, выглянул, но никого не увидел.

— Итак, до встречи, — сказал Томми. — Вернусь как можно раньше.

Глава 4

Дело розовой жемчужины
(продолжение)

Томми уехал на машине. Таппенс проводила его взглядом. Ее не отпускало неприятное предчувствие. Томми был сама уверенность, чего не скажешь о ней самой. Пара вещей была ей не вполне понятна.

Она все еще стояла возле окна, глядя ему вслед, когда внезапно увидела, как какой-то человек шагнул из ворот дома напротив, перешел дорогу и позвонил в звонок входной двери.

В мгновение ока Таппенс выскочила из комнаты и сбежала вниз по лестнице. Из задней части дома появилась служанка по имени Глэдис Хилл, но

Таппенс властным жестом остановила ее. Затем сама подошла к входной двери и открыла ее.

На крыльце стоял молодой человек, долговязый и худой, в скверно скроенном костюме и с живыми темными глазами.

Он на мгновение замешкался, а затем спросил.

— Мисс Кингстон-Брюс дома?

— Может быть, вы войдете? — предложила Таппенс.

Она отступила в сторону, впуская его, затем закрыла дверь.

— Мистер Ренни, я полагаю? — учтиво поинтересовалась она.

Молодой человек бросил на нее быстрый взгляд.

— Э-э-э... да.

— Будьте добры, пройдемте со мной.

Она открыла дверь кабинета. В комнате было пусто. Таппенс впустила гостя, вошла вслед за ним и закрыла за собой дверь. Мистер Ренни обернулся и хмуро посмотрел на нее.

— Я хотел бы увидеть мисс Кингстон-Брюс.

— Я не вполне уверена, что это возможно, — спокойно ответила Таппенс.

— Послушайте, кто вы, черт вас возьми? — грубо произнес мистер Ренни.

— Международное детективное агентство, — лаконично ответила Таппенс.

Мужчина невольно вздрогнул.

— Прошу вас садиться, мистер Ренни, — продолжила она. — Начнем с того, что мы в курсе, что

сегодня утром мисс Кингстон-Брюс нанесла вам визит.

Это было сказано наобум, но, как видно, удачно. Заметив его испуг, Таппенс решительно продолжила:

— Для нас крайне важно найти жемчужину, мистер Ренни. Никто в этом доме не заинтересован в огласке. Разве мы не можем прийти к некоему соглашению?

Молодой человек пристально посмотрел на нее.

— Интересно, что именно вы знаете, — задумчиво произнес он. — Дайте подумать...

Он уткнулся лицом в ладони, а через секунду задал неожиданный вопрос:

— Послушайте, это правда, что молодой Сент-Винсент обручен?

— Истинная правда, — ответила Таппенс. — Я знакома с его избранницей.

Мистер Ренни неожиданно пустился в откровенность.

— Это был кошмар, — признался он. — Они пытали его здесь все утро, весь день и вечер... пытались навязать ему Беатрису. И все потому, что в один прекрасный день он унаследует титул. Если бы я мог по-своему...

— Давайте не будем говорить о политике, — поспешила оборвать его Таппенс. — Вы можете ответить мне, мистер Ренни, зачем, по вашему мнению, мисс Кингстон-Брюс взяла жемчужину?

— Я... я так не считаю...

— Неправда, вы так считаете, — спокойно возразила Таппенс. — Вы ждете, когда детектив уедет, и, убедившись, что его нет, приходите и спрашиваете, где она. Это очевидно. Если б вы сами взяли жемчужину, то не были бы даже вполовину так расстроены, как сейчас.

— Она так странно вела себя, — признался молодой человек. — Пришла ко мне утром и рассказала о краже, объяснила, что собралась в детективное агентство... Похоже, она хотела в чем-то признаться, но так и не решилась.

— Видите ли, — сказала Таппенс, — мне нужна лишь жемчужина. Вам лучше поговорить с ней.

Однако в следующую секунду дверь открылась, и на пороге вырос полковник Кингстон-Брюс.

— Ланч подан, мисс Робинсон. Надеюсь, вы перекусите вместе с нами. Я...

Он не договорил и смерил гостя недобрым взглядом.

— Все ясно, — сказал мистер Ренни. — Мне никаких приглашений не положено. Хорошо, я ухожу.

— Возвращайтесь чуть позже, — еле слышно шепнула ему Таппенс, когда он проходил мимо.

Что-то ворча себе под нос о тлетворной наглости некоторых людей, полковник Кингстон-Брюс повел за собой Таппенс в просторную столовую, где уже собралась вся семья. Из присутствующих лишь одно лицо было ей незнакомо.

— Леди Лора, это мисс Робинсон, которая любезно согласилась помочь нам.

Леди Лора наклонила голову, затем пристально посмотрела на Таппенс сквозь стекла пенсне. Это была высокая худощавая женщина с печальной улыбкой и нежным голосом. Таппенс ответила на ее взгляд, и та опустила глаза.

После ланча леди Лора в манере доброжелательного любопытства завязала с ней разговор. Как продвигается расследование? Таппенс сочла нужным сделать акцент на подозрении в адрес горничной, однако в эти мгновения ее мысли были заняты отнюдь не леди Лорой. Она могла прятать в одежде ложки и прочие мелочи, однако Таппенс была абсолютно уверена: розовую жемчужину она не брала.

После этого молодая женщина продолжила поиски пропажи. Между тем время шло. Томми пока не было видно, и, что было для Таппенс гораздо важнее, не было видно и мистера Ренни. Выйдя из одной из спален, она неожиданно столкнулась с Беатрисой Кингстон-Брюс — та спускалась по лестнице, причем в верхней одежде.

— Боюсь, вам сейчас нельзя выходить из дома, — сообщила ей Таппенс.

Беатриса смерила ее высокомерным взглядом.

— Выходить мне из дома или нет — это не ваше дело, — холодно ответила она.

— Зато мое дело — обращаться в полицию или нет, — парировала Таппенс.

Лицо Беатрисы тотчас сделалось пепельно-серым.

— Вы не смеете... не смеете... я никуда не пойду... только не делайте этого! — Она умоляюще схватила Таппенс за руку.

— Моя дорогая мисс Кингстон-Брюс, — с улыбкой сказала Таппенс. — Дело было понятно мне с самого начала... Я...

Договорить ей не дали. Из-за разговора с дочерью полковника Таппенс не услышала звонка в дверь. К ее удивлению, по лестнице поднимался Томми, а внизу, в холле, какой-то дородный мужчина снимал с головы шляпу-котелок.

— Детектив-инспектор Мэрриот из Скотленд-Ярда, — с улыбкой представился он.

Беатриса Кингстон-Брюс с криком отпустила руку Таппенс и бросилась вниз по лестнице. В следующий миг входная дверь открылась снова, и на пороге снова вырос мистер Ренни.

— На этот раз победитель ты, — с обидой в голосе констатировала Таппенс.

— Что? — не понял Томми и поспешил в комнату леди Лоры. Там он зашел в ванную комнату, схватил большой кусок мыла и, держа его в руке, вышел в коридор. Инспектор уже поднимался по лестнице.

— Сдалась без сопротивления, — объявил он. — Она — стреляный воробей и знает, как себя вести, когда игра кончена. А что с жемчужиной?

— Предполагаю, — ответил Томми, протягивая ему кусок мыла, — что вы найдете ее вот здесь.

В глазах инспектора вспыхнуло одобрение.

— Старый трюк, причем неплохой... Разрезаешь кусок мыла пополам и выковыриваешь в одной половинке ямку для драгоценности. Затем складываешь вместе обе половинки и, размочив мыло горячей водой, заглаживаешь стык. У вас зоркий глаз, сэр.

Томми с достоинством принял комплимент. Вместе с Таппенс они спустились по лестнице вниз. Полковник Кингстон-Брюс бросился к нему и с горячностью встряхнул его руку.

— Мой дорогой сэр, любые слова бессильны выразить мою признательность. Леди Лора также хочет поблагодарить вас...

— Я рад, что вы остались довольны, — ответил Томми. — Но боюсь, что я не могу задержаться. Срочная встреча с членом парламента.

Он поспешил к автомобилю и буквально запрыгнул в него. Таппенс заняла место рядом.

— Но Томми, — воскликнула она, — разве они не арестовали леди Лору?

— О, неужели я не сказал тебе? — удивился Томми. — Они арестовали не леди Лору. Они арестовали Элизу. Видишь ли, — продолжил он, видя ее замешательство, — я сам не раз пытался открыть дверь намыленными руками. Сделать это невозможно — руки скользкие. Поэтому я задумался —

что такого Элиза могла делать с мылом, чтобы у нее оказались такие скользкие руки. Ты помнишь, что она взяла полотенце, чтобы на дверной ручке не оставались следы мыла?

А еще мне пришло в голову: если ты профессиональный вор, нет ничего удобней, чем устроиться служанкой к пожилой даме, которую подозревают в клептомании и которая часто проживает в чужих домах. Я сумел сфотографировать Элизу, а также комнату, затем сунул ей в руки стеклянную фотопластину, после чего метнулся в старый добрый Скотленд-Ярд. Элизу там давно знают. Полезное все-таки место, этот Скотленд-Ярд.

— И подумать только, — сказала Таппенс, наконец обретя голос, — что эти два юных идиота подозревали друг друга, как обычно бывает в книгах... Но почему ты не сказал мне, куда собрался, когда неожиданно сорвался с места и уехал?

— Прежде всего я заподозрил, что Элиза подслушивает на лестничной площадке, а во-вторых...

— Что?

— Мой ученый друг забывает, — сказал Томми, — что Торндайк никогда ничего не рассказывает до самой последней минуты. Кроме того, Таппенс, ты и твоя подружка Джанет Смит до последней минуты держали меня в неведении. Так что мы с тобою квиты.

Глава 5

Приключение зловещего незнакомца

— Какой чертовски скучный день! — произнес Томми и широко зевнул.

— Пора пить чай, — сказала Таппенс и тоже зевнула.

Деятельность международного детективного агентства шла довольно вяло. Долгожданное письмо от торговца ветчиной еще не прибыло, а настоящих дел не предвиделось.

В комнату вошел посыльный Альберт с запечатанной бандеролью, которую он положил на стол.

— Загадка запечатанной бандероли, — пробормотал Томми. — Что в ней? Сказочные жемчуга великой княгини из России? Или же там адская машина, которая разнесет «Блестящих сыщиков Бланта» в клочья?

— По правде сказать, — произнесла Таппенс, разрывая обертку бандероли, — это мой свадебный подарок Фрэнсису Хэвиленду. Симпатичная вещица, не правда ли?

С этими словами она протянула ему серебряный портсигар.

Томми взял его и прочел выгравированную на крышке надпись, имитировавшую ее почерк: «Фрэнсису от Таппенс». Томми открыл портсигар, закрыл и одобрительно кивнул.

— Ты разбрасываешься деньгами, Таппенс! — заметил он. — В следующем месяце у меня будет такой же — правда, из золота — на мой день рождения. Это надо же! Выбросить такие сумасшедшие деньги на подарок для Фрэнсиса Хэвиленда, который всегда был и до конца своих дней останется самым редкостным болваном из всех, созданных Господом Богом...

— Ты забываешь, что я возила его во время войны, когда он был генералом... О, это были золотые деньки!

— О да, были, — согласился Томми. — Красивые женщины обычно приходили ко мне в госпиталь и пожимали руку. Это я помню. Но я же не посылаю им всем свадебные подарки. По-моему, Таппенс, невесте будет все равно, что ты ему подаришь.

— Он красив, и изящен, и идеально помещается в кармане, — гнула свою линию Таппенс, пропустив мимо ушей фразы мужа.

Томми сунул портсигар себе в карман.

— Идеально, — одобрительно подтвердил он. — А вот и Альберт с дневной почтой. Не исключаю, что сама герцогиня Пертширская поручает нам найти ее любимца пекинеса.

Вместе они перебрали стопку писем. Неожиданно Томми протяжно свистнул и поднял одно из них над головой.

— Голубой конверт с русской почтовой маркой. Помнишь, что сказал шеф? Нужно обращать внимание вот на такие письма.

— Как здорово! — воскликнула Таппенс. — Наконец-то что-то произошло. Открой его и посмотри, что там написано. Если я правильно помню, это должен быть торговец ветчиной... Минуту. Какой же чай без молока? А его нам утром забыли принести. Сейчас отправлю Альберта за молоком.

Отправив посыльного выполнять поручение, она вернулась в кабинет, где застала Томми с листом голубой бумаги в руке.

— Как мы и думали, Таппенс, — сообщил он. — Почти что слово в слово, как говорил шеф.

Таппенс взяла у него из рук письмо и прочла.

Написано оно был на старомодном, ходульном английском неким Грегором Федоровски, который справлялся о своей жене. «Международное детективное агентство», говорилось в нем, может не ограничивать себя в расходах в деле ее поисков. Сам Федоровски в данный момент не может выехать из России по причине кризиса в торговле свининой.

— Хотела бы я знать, что это на самом деле означает, — заявила Таппенс, разглаживая письмо на столе.

— Наверное, это какой-то шифр, — предположил Томми. — Впрочем, нас это не касается. Наше дело — как можно быстрее передать письмо шефу. Главное для нас — отклеить над паром марку и посмотреть, нет ли под нею цифры шестнадцать.

— Верно — согласилась Таппенс. — Но мне кажется...

Она не договорила. Удивленный ее неожиданным молчанием, Томми поднял глаза и увидел крупного мужчину, загородившего собой весь дверной проем.

Незваный гость был человек внушительной наружности — коренастый, с круглой головой и сильной нижней челюстью. На вид ему можно было дать лет сорок пять.

— Приношу свои извинения, — произнес незнакомец, входя в комнату и снимая шляпу. — Я увидел, что у вас в приемной никого нет, а эта дверь была открыта, вот я и осмелился войти. Это ведь, если не ошибаюсь, «Международное детективное агентство Бланта»?

— Да-да, оно самое.

— А вы, по всей видимости, мистер Блант? Мистер Теодор Блант?

— Да, я мистер Блант. Желаете получить консультацию? Это мой секретарь, мисс Робинсон.

Таппенс грациозно склонила голову, продолжая разглядывать незнакомца из-под опущенных ресниц. Интересно, как долго он простоял перед открытой дверью и что мог увидеть и услышать? От нее не ускользнуло, что, разговаривая с Томми, мужчина то и дело косился на голубой листок бумаги у нее в руках.

Голос Томми, с его резкой, предостерегающей ноткой, вернул ее в реальность.

— Мисс Робинсон, прошу вас делать соответствующие записи. А теперь, сэр, не будете ли вы так

любезны изложить суть дела, в отношении которого вам требуется моя консультация?

Таппенс потянулась за карандашом и блокнотом.

Корпулентный незнакомец хрипловатым голосом начал свой рассказ.

— Мое имя Бауэр. Доктор Чарльз Бауэр. Я живу в Хэмпстеде, там у меня медицинская практика. Я пришел к вам, мистер Блант, так как в последнее время имели место несколько странных случаев.

— Каких, доктор Бауэр?

— За последнюю неделю меня дважды срочно вызывали по телефону к больным, и дважды вызовы оказывались ложными. В первый раз я решил, что это просто розыгрыш, но когда вернулся домой после второго случая, то обнаружил, что мои личные бумаги лежат не на своих местах и не в том порядке. Думаю, у меня есть все основания полагать, что и в первый раз было то же самое.

Основательно все осмотрев, я пришел к выводу, что мой письменный стол подвергся тщательному обыску, после чего документы были в спешке положены, куда попало.

Мистер Бауэр умолк и пристально посмотрел на Томми.

— Итак, мистер Блант?

— Итак, мистер Бауэр, — ответил с улыбкой Томми.

— Что вы об этом думаете?

— Прежде всего я хотел бы знать факты. Какого рода документы вы храните в своем письменном столе?

— Мои личные бумаги.

— Понятно. Что это за бумаги? Какую ценность они могут представлять для обычного вора... или для какого-то конкретного лица?

— Для обычного вора, на мой взгляд, они вообще не представляют никакой ценности. А вот мои заметки о некоторых малоизвестных алкалоидах наверняка были бы интересны любому, кто обладает научными познаниями в этой области. Я изучаю их вот уже несколько лет. Эти алкалоиды представляют собой смертоносные яды, и, главное, их невозможно обнаружить. Ибо способы их обнаружения еще неизвестны.

— Значит, эта тайна стоит денег?

— Для беспринципных личностей — да.

— И вы подозреваете... кого?

Доктор Бауэр пожал мощными плечами.

— Судя по тому, что замок не был взломан, тот, кто вошел в дом, попал в него свободно. Что, в свою очередь, указывает на кого-то из моих близких, во что верится с трудом. — Доктор Бауэр внезапно умолк и нахмурил брови. — Мистер Блант, я вынужден безоговорочно довериться вам. Я не рискну в данном случае обращаться в полицию. В троих моих слугах я почти полностью уверен. Они давно и преданно мне служат. Впрочем, я могу ошибаться. Кроме них, со мной живут два моих племянника,

Бертрам и Генри. Генри славный юноша... можно сказать, образцовый, он ни разу не доставил мне хлопот, прекрасный, трудолюбивый молодой человек. Бертрам, к моему сожалению, полная ему противоположность... необузданный, импульсивный, экстравагантный и неисправимо ленивый.

— Понятно, — задумчиво отозвался Томми. — Вы подозреваете вашего племянника Бертрама в том, что он может быть к этому причастен? Но я не согласен с вами. Я подозреваю славного юношу Генри.

— Но почему?

— Традиция. Прецеденты. — Томми махнул рукой. — По личному опыту могу сказать, что подозрительные типы всегда невинны и наоборот, мой дорогой сэр. Да-да, я самым решительным образом подозреваю Генри.

— Извините, что перебиваю вас, мистер Блант, — сказала Таппенс, почтительно встревая в их разговор. — Если я правильно поняла мистера Бауэра... эти самые записи касательно... э-э-э... малоизвестных алкалоидов... хранятся в его столе вместе с другими бумагами?

— Они хранятся в моем столе, моя дорогая юная леди, но в потайном ящике, о котором известно мне одному. Таким образом, искавшие так и не обнаружили их.

— И чего именно вы хотите от меня, мистер Бауэр? — уточнил Томми. — Вы ожидаете, что ваш стол вновь подвергнется обыску?

— Именно так, мистер Блант. У меня есть все основания так полагать. Сегодня днем я получил телеграмму от моего пациента, которого я несколько недель назад направил в Борнмут. В телеграмме говорится, что мой пациент находится в критическом состоянии и умоляет меня срочно приехать к нему. Памятуя о подозрительном характере событий, о которых я вам только что поведал, я лично отправил этому пациенту телеграмму с оплаченным ответом. Так вот, выяснилось, что он пребывает в добром здравии и не посылал мне никаких телеграмм. И я подумал: если я притворюсь, будто поверил в экстренный вызов и, как и рассчитывал загадочный отправитель телеграммы, уеду в Борнмут, мы воспользуемся возможностью и попробуем поймать злоумышленников. Они... или он... наверняка дождутся, когда в доме все лягут спать, чтобы снова пробраться ко мне в кабинет и продолжить поиски. Предлагаю встретиться в одиннадцать часов вечера рядом с моим домом и вместе расследовать это дело.

— Рассчитываете поймать их с поличным? — подытожил Томми, задумчиво постукивая по столу ножом для разрезания бумаг. — Ваш план представляется мне разумным, мистер Бауэр. Я не вижу в нем никаких изъянов. Одну минутку, назовите мне ваш адрес...

— «Под Туями», Висельный переулок... это довольно безлюдное место. Зато у нас будет великолепный обзор.

— Безусловно, — согласился Томми.

Посетитель встал.

— Тогда я буду ждать вас сегодня вечером, мистер Блант. У моего дома, скажем так, без пяти минут одиннадцать, чтобы немного подстраховаться. Договорились?

— Разумеется. Без пяти минут одиннадцать. До свидания, мистер Бауэр.

Томми встал, нажал кнопку звонка на столе. В комнату, чтобы проводить посетителя до входной двери, вошел Альберт. Доктор Бауэр вышел, заметно прихрамывая, что, однако, нисколько не умаляло его внушительного вида.

— Проблемный клиент, — пробормотал Томми себе под нос. — Итак, старушка Таппенс, что ты об этом думаешь?

— Отвечу одним словом, — сказала женщина. — Косолапый!

— Что?

— Я сказала «косолапый». Мое знакомство с классиками не прошло зря. Томми, это явно подсадная утка. Какие-то малоизвестные алкалоиды... вся эта история шита белыми нитками.

— Знаешь, мне тоже так показалось, — признался Томми.

— Ты заметил, что он не сводил глаз с письма? Томми, он точно из этой шайки. Они знают, что ты не настоящий мистер Блант, и жаждут нашей крови.

— В таком случае, — сказал Томми, открывая боковой шкаф и любовным взглядом изучая ряды

книг, — нашу роль несложно выбрать. Мы — братья Оквуды[1]. И я — Десмонд, — решительно добавил он.

Таппенс пожала плечами.

— Хорошо. Как скажешь. Тогда я буду Фрэнсисом. Он был более умным из них двоих. Десмонд же вечно вляпывается в разные истории. Фрэнсис всегда бывал тут как тут, например, под видом садовника, и спасал ситуацию.

— Да ладно! — воскликнул Томми. — Я буду супер-Десмондом. И когда приеду под эти самые туи...

Таппенс бесцеремонно оборвала его.

— И ты сегодня вечером поедешь в Хэмпстед?

— Почему бы нет?

— И, зажмурив глаза, угодишь прямо в западню?

— Нет, моя старушка, в западню я попаду с открытыми глазами. Это большая разница. Думаю, наш друг доктор Бауэр будет слегка удивлен.

— Мне это не нравится, — заявила Таппенс. — Ты знаешь, что происходит, когда Десмонд не подчиняется приказам шефа и действует на свой страх и риск. Полученные нами приказы предельно ясны. Немедленно передавать такие письма дальше и докладывать обо всех подозрительных случаях.

---

[1] Десмонд и Фрэнсис Оквуды — братья-сыщики, герои приключенческих книг американского писателя Валентайна Уильямса (1883–1946). Таппенс имела в виду его книгу «Косолапый незнакомец» (1918).

— Ты не совсем точно их поняла, — возразил Томми. — Мы должны немедленно доложить, если клиент упомянет цифру «шестнадцать». Но пока этого не было.

— Не придирайся ко мне, — стояла на своем Таппенс.

— И ты не спорь. Обожаю действовать самостоятельно. Моя славная Таппенс, со мною все будет в порядке. Я отправлюсь туда вооруженный до зубов. Подумай сама: я буду настороже, они же об этом знать не будут. Шеф похлопает меня по спине за хорошо проделанную ночную работу.

— И все же мне это не нравится, — призналась Таппенс. — Этот тип силен, как горилла.

— Подумай лучше про мой вороненый автоматический пистолет.

В следующий момент дверь в кабинет открылась, и на пороге возник Альберт. Закрыв за собой дверь, он шагнул к ним с конвертом в руке и доложил:

— К вам некий джентльмен. Когда я, как и положено, сказал ему, что вы разговариваете со Скотленд-Ярдом, он ответил, что он в курсе. Сказал, что сам из Скотленд-Ярда! И даже что-то написал на визитной карточке, которую положил вот в этот конверт.

Томми взял у него конверт и открыл. А когда прочел написанное на визитке, по его лицу скользнула улыбка.

— Сей джентльмен позабавился на твой счет, Альберт, сказав правду, — заметил он. — Попроси его войти.

Он сунул визитку в руки Таппенс. На карточке значилось имя детектива, инспектора Димчерча, и от руки карандашом написано: «Знакомый Мэрриота».

Через минуту в кабинет Томми вошел детектив из Скотленд-Ярда. Внешне инспектор Димчерч был копией инспектора Мэрриота: невысокий, коренастый, с проницательным взглядом.

— Добрый день! — жизнерадостно поздоровался он. — Мэрриот сейчас в Южном Уэльсе, но перед отъездом он просил меня присмотреть за вами и за вашей конторой в целом. Доброго вам здоровья, сэр, — продолжил он, когда Томми явно собрался перебить его, — мы всё знаем. Это не наша, так сказать, епархия, и мы не вмешиваемся. Но недавно стало известно, что дело обстоит немного иначе. Сегодня к вам приходил некий джентльмен. Не знаю, как он себя назвал и как его звать на самом деле, но кое-что о нем мне известно. Достаточно, чтобы возникло желание узнать больше. Прав ли я в своем предположении, что сегодня вечером он назначил вам встречу в некоем условленном месте?

— Совершенно верно.

— Я так и думал. Вестерхэм-роуд, шестнадцать, Финсбери-парк? Угадал?

— Вот тут вы ошиблись, — улыбнулся Томми. — Глубоко ошиблись. «Под Туями», Хэмпстед.

Димчерч, похоже, искренне удивился. Он явно не ожидал такого ответа.

— Не понимаю, — пробормотал он. — Должно быть, это новое место. «Под Туями», Хэмпстед, вы сказали?

— Да. Я должен встретиться с ним там в одиннадцать вечера.

— Не делайте этого, сэр.

— Именно! — выкрикнула Таппенс.

Томми покраснел.

— Если вы думаете, инспектор... — пылко начал он.

Но полицейский жестом велел ему успокоиться.

— Я скажу вам, что думаю. Сегодня вечером в одиннадцать часов вы будете у себя в кабинете.

— Что?! — изумленно вскричал Томми.

— Да-да, в вашем кабинете. Неважно, откуда я это знаю, дела наших департаментов иногда пересекаются... Сегодня вы получили так называемое «голубое» письмо. Этот самый, как там его там, охотится за ним. Он заманивает вас в Хэмпстед, устраняет вас поздно вечером, когда в соседних домах пусто и тихо, приходит сюда, чтобы в свое удовольствие перерыть здесь все вверх дном.

— Но почему он должен считать, что письмо здесь? Скорее, он решит, что оно у меня или передано дальше, куда следует?

— Прошу прощения, сэр, но именно этого он не знает. Возможно, он догадался, что вы никакой не мистер Блант, но при этом полагает, что вы некий

джентльмен, купивший агентство. В таком случае письмо поступило как обычная корреспонденция и было соответствующим образом зарегистрировано.

— Понятно, — произнесла Таппенс.

— Именно в этом мы и должны его убедить. Мы захватим его здесь, прямо на месте преступления.

— Значит, у вас такой план?

— Именно. Это наш единственный главный шанс. Кстати, который час?.. Шесть. Во сколько вы обычно уходите домой, сэр?

— Около шести.

— Сделайте вид, будто уходите с работы, как обычно. Но на самом деле мы как можно быстрее тайком проберемся в дом. Вряд ли они появятся здесь раньше одиннадцати часов, но все может быть. Если вы не возражаете, я сейчас обойду дом кругом, посмотрю, нет ли за нами слежки.

Димчерч вышел, и Томми вступил в пререкания с Таппенс. Спор вышел довольно долгим, жарким и язвительным. В конечном итоге женщина неожиданно капитулировала.

— Хорошо, — согласилась она. — Сдаюсь. Я поеду домой и буду сидеть там, как послушная девочка, пока ты будешь ловить мошенников и водить дружбу с детективами... но погоди! Я сведу с тобой счеты за то, что ты лишил меня этого удовольствия.

В этот момент вернулся Димчерч.

— Вроде бы никого, — сообщил он. — Хотя я бы не стал зарекаться. Вам лучше уйти в своей обычной

манере. Как только вы покинете дом, они снимут слежку за ним.

Томми позвал Альберта и велел запереть все двери.

После они вчетвером вышли в гараж, где «мистер Блант» обычно оставлял автомобиль. Таппенс села на место водителя, Альберт уселся рядом с ней. Томми и детектив из Скотленд-Ярда сели сзади.

Вскоре они застряли в пробке. Таппенс обернулась через плечо и кивнула. Томми и детектив открыли правую дверь и вышли прямо на середину Оксфорд-стрит. Через пару минут Таппенс покатила дальше.

Глава 6

Приключение зловещего незнакомца
(продолжение)

— Будет лучше, если мы зайдем не сразу, а немного подождем, — сказал Димчерч, вместе с Томми спеша по Хейлем-стрит. — У вас есть ключ?

Томми кивнул.

— Не хотите перекусить? Для ужина рановато, но здесь прямо напротив есть неплохое местечко. Сядем за столик у окна и будем наблюдать за домом.

Они неплохо перекусили, как и предлагал детектив. Димчерч оказался приятным собеседником. Его официальные обязанности в основном лежа-

ли в области международного шпионажа, так что у него было что рассказать и чем удивить своего неискушенного слушателя.

Они оставались в ресторанчике до восьми часов вечера.

— Уже стемнело, сэр. Теперь мы сможем проскользнуть в дом незамеченными, — предложил инспектор.

Действительно, было уже темно. Они перешли на другую сторону, быстро оглядели пустынную улицу и, открыв дверь, проскользнули в дом. Здесь поднялись по лестнице, и Томми вставил ключ в замочную скважину двери, что открывалась в приемную.

Не успел он повернуть ключ, как стоявший рядом с ним Димчерч негромко свистнул.

— Кому вы свистите? — резко спросил он.

— Я не свистел, — ответил удивленный Димчерч. — Я подумал, что это вы.

— Значит, кто-то... — начал Томми.

Договорить он не успел. Сильные руки схватили его сзади, и прежде чем он смог что-то крикнуть, к его лицу прижали подушечку с крепким, сладковатым запахом.

Он храбро сопротивлялся, но, увы, усилия его были тщетны. Хлороформ быстро возымел свое действие. Голова закружилась, пол вздыбился и опустился. Задыхаясь, Томми потерял сознание...

В себя он пришел мучительно, однако все чувства были при нем. Хлороформ оставил после

себя лишь слабый запах. Видно, тот понадобился злоумышленникам лишь на короткое время, чтобы они успели заткнуть ему рот.

Придя в себя, Томми обнаружил, что сидит спиной к стене в углу собственного кабинета. Два каких-то человека рылись в ящиках стола и обыскивали полки шкафа, беззастенчиво при этом чертыхаясь.

— Разрази меня гром, хозяин! — хрипло произнес тот, что повыше. — Мы перевернули это чертово место вверх дном. Здесь ничего нет.

— Оно должно быть здесь, — прорычал второй. — В карманах письма нет. Больше ему негде быть, кроме как в этой комнате.

Говоря эти слова, он повернулся к Томми. Тот не поверил собственным глазам: перед ним был не кто иной, как Димчерч. Заметив его удивленное лицо, инспектор улыбнулся.

— О! Наш юный друг пришел в себя, — воскликнул он. — И слегка удивлен... Да-да, слегка удивлен. Но все объясняется просто. Мы давно подозревали, что с «Международным детективным агентством» что-то не так. Я добровольно вызвался выяснить, так это или нет. Если новый мистер Блант действительно шпион, то проявит бдительность. Поэтому я для начала отправил к нему моего старого доброго друга Карла Бауэра. Карлу было велено вести себя подозрительно и поведать невероятную историю. Так он и сделал. После чего на сцене, прикрывшись

именем инспектора Мэрриота, появился я. Остальное — пара пустяков.

Димчерч расхохотался.

Томми с удовольствием сказал бы ему пару слов, но мешал кляп по рту. Он также с удовольствием кое-что сделал бы, главным образом при помощи рук и ног, но, увы, о них тоже позаботились. Он был крепко связан.

Больше всего его поразила перемена, произошедшая с человеком, что высился над ним. Инспектор Димчерч был типичным англичанином. Теперь же любой с первого взгляда признал бы в нем хорошо образованного иностранца, говорящего по-английски без малейшего намека на акцент.

— Коггинс, мой дорогой друг, — сказал лжеинспектор, обращаясь к своему брутального вида сообщнику, — достаньте вашу дубинку и постойте рядом с пленником. Сейчас я вытащу кляп. Надеюсь, вы понимаете, мой дорогой мистер Блант, что с вашей стороны было бы преступной глупостью кричать? Но я уверен, вы даже не станете пытаться это сделать. Для вашего возраста вы вполне сообразительный юноша.

Ловким движением он вытащил кляп и отступил назад.

Томми расслабил затекшие челюсти, провел языком во рту, два раза сглотнул, но ничего не сказал.

— Поздравляю вас с проявленным самообладанием, — сказал лжеполицейский. — Вижу, вы

правильно оцениваете обстановку. Вам есть что сказать?

— То, что я хочу сказать, подождет, — процедил Томми. — От ожидания мои слова не испортятся.

— Вот как! А то, что желаю сказать я, не терпит ожидания. Говоря простыми словами, мистер Блант: где письмо?

— Не знаю, мой дорогой друг, — бодро ответил Томми. — У меня его нет. Вы это знаете так же хорошо, как и я. На вашем месте я продолжил бы поиски. Я с удовольствием понаблюдаю за тем, как вы с Коггинсом станете играть в прятки.

Димчерч помрачнел.

— Вам нравится говорить дерзости, мистер Блант... Видите вон ту квадратную коробку? Это скромный набор Коггинса. Внутри находится купорос... да, купорос... и щипцы. Их можно раскалить на огне докрасна и...

Томми печально покачал головой.

— Ошибка в диагнозе, — пробормотал он. — Мы с Таппенс неверно назвали это приключение. Это не рассказ о «Косолапом». Это что-то из похождений Бульдога Драммонда, а вы — неподражаемый Карл Питерсон[1].

— Что за чушь ты несешь? — прорычал второй громила.

---

[1] Персонажи детективных произведений английского писателя Сэппера (наст. Г.К. Макнейл, 1888–1937).

— А! — произнес Томми. — Я вижу, вы не знакомы с классикой жанра. Какая жалость.

— Вы отдаете отчет в своих действиях? Вы сделаете то, что вам говорят, или нет? Или мне приказать Коггинсу достать его инструменты и приступить к делу?

— Проявите терпение, — сказал Томми. — Конечно, я сделаю то, что вы хотите, но только скажите, что вам от меня нужно. Или, по-вашему, я мечтаю быть нарезанным на ломтики, как филе морского языка, и зажаренным на решетке? Я плохо переношу боль.

Димчерч смерил его презрительным взглядом.

— *Gott!*[1] Какие все-таки трусы эти англичане.

— Здравый смысл, мой дорогой друг, обычный здравый смысл. Оставьте купорос в покое и давайте поговорим серьезно

— Мне нужно письмо.

— Я уже вам сказал: его у меня нет.

— Это мы знаем... как и то, что оно должно быть у вас. Девушка.

— Вполне возможно, что вы правы, — сказал Томми. — Она могла унести его в сумочке, когда ваш приятель Карл напугал нас.

— О, вы не отрицаете... Весьма разумно. Отлично, вы напишете этой самой Таппенс, как вы ее называете, и велите ей немедленно принести письмо сюда.

[1] Боже! (*нем.*)

— Я не могу сделать этого... — начал Томми.

Лжеинспектор оборвал его, не дав договорить.

— Что? Не можете? Что ж, посмотрим. Коггинс!

— Не торопитесь! — остановил его Томми. — Дайте договорить. Я хотел сказать, что не смогу этого сделать, пока вы не развяжете мне руки. Я не из тех ловкачей, что умеют писать носом или локтями.

— Значит, вы ей напишете?

— Конечно, напишу. Разве не об этом я толкую все время? Я готов сделать так, как вы хотите. Вы ведь не причините вреда Таппенс, верно? Я уверен, что не причините. Она такая славная девушка...

— Нам нужно только письмо, — произнес Димчерч с противной улыбочкой и кивнул. Коггинс тут же опустился рядом с Томми на колени и развязал ему руки. Пленник встряхнул занемевшими кистями.

— Так намного лучше, — жизнерадостно произнес он. — Не принесет ли добрый Коггинс мне ручку? Думаю, она на столе, среди прочих моих мелочей.

Одарив его злобным взглядом, громила принес ручку и лист бумаги

— Думайте, что пишете, — пригрозил Димчерч. — Мы не заставляем вас писать под диктовку, но если напишете что-то не то, вас ждет смерть... причем смерть медленная.

— В таком случае, — ответил Томми, — я сделаю все, что в моих силах.

Подумав минуту-другую, он принялся что-то быстро писать.

— Так подойдет? — спросил он, передав законченную записку.

Дорогая Таппенс!

Ты не могла бы срочно прийти на работу и захватить голубое письмо? Мы хотим расшифровать его здесь и сейчас. Поторопись.

Фрэнсис

— Фрэнсис? — удивленно поднял брови лжеинспектор. — Разве она называла вас этим именем?

— Поскольку вы не присутствовали при моем крещении, — сказал Томми, — то вряд ли можете знать мое настоящее имя. Однако портсигар, который вы достали из моего кармана, является хорошим доказательством того, что я говорю правду.

Коггинс шагнул к столу, взял в руки портсигар, прочел надпись «Фрэнсису от Таппенс», ухмыльнулся и положил его на прежнее место.

— Я рад, что вы ведете себя разумно, — похвалил он. — Коггинс, передай эту записку Василию. Он караулит снаружи. Пусть немедленно отнесет ее по указанному адресу.

Следующие двадцать минут тянулись медленно, а еще десять минут — и того медленнее. Димчерч расхаживал по комнате туда и обратно, и его лицо с каждой минутой становилось все мрачнее. Не-

ожиданно лжеполицейский с угрожающим видом посмотрел на Томми.

— Если вы посмели обмануть нас... — прорычал он.

— Будь у нас колода карт, мы могли сыграть в пике, чтобы скоротать время, — небрежно ответил пленник. — Женщины всегда заставляют нас ждать. Надеюсь, вы не станете обижать малышку Таппенс, когда она придет?

— О, нет, — ответил Димчерч. — Мы сделаем так, чтобы вы с нею вдвоем отправились в одно место.

— Ну, ты и свинья, — буркнул себе под нос Томми.

Неожиданно из приемной донесся какой-то шум. Не знакомый Томми человек сунул голову в дверь и что-то прорычал по-русски.

— Отлично, — потер руки Димчерч. — Она идет... и идет одна.

На мгновение Томми охватила тревога

В следующую минуту до него донесся голос Таппенс:

— Это вы, инспектор Димчерч! Я принесла письмо. А где Фрэнсис?

С этими словами она вошла в дверь, но в то же мгновение на нее сзади набросился Василий и зажал ей рот. Димчерч вырвал у нее из рук сумочку и, открыв, вывалил содержимое на стол.

В следующий миг он издал радостный возглас и торжествующе поднял руку с зажатым в ней

голубым конвертом с русской почтовой маркой. Коггинс тоже хрипло вскрикнул.

В эту минуту триумфа дверь, ведущая в комнату Таппенс, бесшумно открылась, и в кабинет вошли инспектор Мэрриот и еще двое, вооруженные револьверами.

— Руки вверх! — скомандовал Мэрриот.

Сопротивления не последовало. Лжеинспектор и его подручные были в безнадежном положении. Автоматический пистолет Димчерча лежал на столе, двое других были не вооружены.

— Превосходный улов, — одобрительно произнес Мэрриот, защелкнув последнюю пару наручников. — Надеюсь, со временем у нас будет и новый.

Побелев от гнева, Димчерч смерил Таппенс испепеляющим взглядом.

— Ты, чертовка!.. — прошипел он. — Это ты привела их сюда.

— Это была не только моя работа. Должна признаться, мне следовало догадаться еще днем, когда вы упомянули адрес, в котором фигурировала цифра «шестнадцать». Но окончательно решила дело записка Томми. Я позвонила инспектору Мэрриоту, отправила к нему Альберта с копией ключа от входной двери и пришла сюда с пустым конвертом в сумочке. Согласно полученным указаниям, письмо я отнесла куда надо еще днем, сразу после того, как мы с вами расстались.

Одно слово привлекло внимание Димчерча.

— Томми? — переспросил он.

Томми, который только что освободился от пут, шагнул к ним.

— Отличная работа, брат Фрэнсис, — сказал он, обращаясь к Таппенс, и взял ее руки в свои, после чего повернулся к лжеинспектору. — Как я уже сказал вам, дружище, вам действительно не помешает читать классиков.

Глава 7

Перехитрить короля

Была дождливая среда. Сидевшая в кабинете «Международного детективного агентства» Таппенс лениво выпустила из рук номер «Дейли лидер».

— Знаешь, о чем я думаю, Томми?

— Это невозможно угадать, — ответил ей муж. — Ведь ты думаешь о таком множестве вещей, причем обо всех одновременно.

— Я думаю, нам пора сходить куда-нибудь потанцевать.

Томми торопливо поднял газету.

— Наше рекламное объявление неплохо смотрится, — заметил он, склонив голову набок. — «Блестящие сыщики Бланта». Ты понимаешь, Таппенс, что «Блестящие сыщики Бланта» — это

ты, и только? Тебя ждет слава, как сказал бы Шалтай-Болтай[1].

— Я говорила о танцах.

— Знаешь, я заметил в газетах одну забавную вещь. Интересно, ты обращала внимание? Возьми эти три экземпляра «Дейли лидер». Можешь сказать мне, чем они отличаются друг от друга?

Таппенс не без любопытства взяла в руки газеты.

— О, это сделать легко, — съязвила она. — Одна сегодняшняя, вторая — вчерашняя, а эта — позавчерашняя.

— Блистательно, мой дорогой Ватсон. Но я имел в виду другое. Обрати внимание на заглавие — «Дейли лидер». Сравни все три экземпляра. Заметила разницу?

— Не вижу, — честно призналась Таппенс. — Более того, не верю, что она есть.

Томми вздохнул и сложил вместе кончики пальцев, подражая манере Шерлока Холмса.

— Именно. А ведь ты читаешь газеты чаще, чем я. Но я это заметил, а ты — нет. Если посмотришь на сегодняшний номер «Дейли лидер», то увидишь в первом слове, в самой букве «д», крошечную белую точку и еще одну такую же — в букве «л» в том же слове. Но во вчерашнем номере в этом слове никаких белых точек нет. Зато есть две белые точки

---

[1] Шалтай-Болтай — человек-яйцо, герой детского стишка из «Стихов матушки Гусыни», а также персонаж книги английского писателя Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

в букве «л» в слове «лидер». В позавчерашнем номере газеты — снова две точки в букве «д» в слове «Дейли». Получается, что в разные дни точки появляются в разных местах.

— Почему? — удивилась Таппенс.

— Это журналистский секрет.

— Значит, ты тоже этого не знаешь и не можешь догадаться.

— Скажу лишь, что... это распространенная практика во всех газетах.

— Как ты, однако, хитер! — воскликнула Таппенс. — Как ловко умеешь отвлечь мое внимание от главного. Давай лучше вернемся к тому, о чем мы говорили до этого.

— А о чем мы говорили?

— О бале Трех Граций.

Томми застонал.

— Нет, нет, Таппенс. Только не бал Трех Граций. Я уже не так юн. Уверяю тебя, я совсем не так юн.

— Когда я была молоденькой девушкой, — начала Таппенс, — меня воспитывали в убеждении, что мужчины — особенно мужья — распутные создания, обожающие выпивку и танцы и ложащиеся спать далеко за полночь. Нужно быть чрезвычайно красивой и умной женой, чтобы удерживать мужа дома. Увы, исчезла и эта иллюзия! Все жены, которых я знаю, сами жаждут танцев и развлечений и пускают слезы из-за того, что их благоверные носят домашние тапочки и ложатся спать в поло-

вине девятого. А ведь ты так прекрасно танцуешь, дорогой Томми!

— Не переусердствуй с патокой, Таппенс.

— По правде говоря, я хочу на бал не развлечения ради, а по особой причине. Меня заинтриговало это объявление.

Она снова взяла в руки «Дейли лидер» и прочитала вслух:

— Пойти с тройки червей. Двенадцать взяток. Туз пик. Перехитрить короля.

— Дорогой, однако, способ научиться играть в бридж, — прокомментировал Томми.

— Не глупи. Это не имеет никакого отношения к бриджу. Понимаешь, я вчера обедала в клубе «Туз пик» с одной девушкой. Это странное подпольное заведение в Челси, и она сказала мне, что на этих балах сейчас считается модным в течение вечера заехать туда, чтобы поесть яичницу с беконом и их знаменитые сэндвичи... этакая богемная еда. Там у них есть отгороженные кабинки. Довольно крутое место, я бы сказала.

— И что ты этим хочешь сказать?

— Тройка червей означает бал Трех Граций, который состоится завтра вечером. Двенадцать взяток — это двенадцать часов. Туз пик — это «Туз пик».

— А «перехитрить короля»?

— Вот это я и хотела бы выяснить.

— Я не удивлюсь, если ты окажешься права, Таппенс, — великодушно промолвил Томми. — Но

я не вполне понимаю, зачем тебе нужно вмешиваться в любовные дела других людей.

— Я никуда не вмешиваюсь. Я лишь предлагаю интересный эксперимент в области частного сыска. Нам ведь нужна практика.

— Согласен, наш бизнес идет довольно вяло, — признал Томми. — И все равно, Таппенс, для тебя на первом месте этот бал Трех Граций! И ты еще говоришь об отвлекающих маневрах...

Таппенс бессовестно рассмеялась.

— Ну, ладно, не обижайся, Томми! Попытайся забыть, что тебе тридцать два и у тебя в левой брови появились седые волоски.

— В том, что касается женщин, мне всегда была свойственна слабость, — пробормотал ее муж. — Как ты думаешь, я буду очень по-дурацки выглядеть в карнавальном костюме?

— Еще как! Но оставь это мне. У меня возникла одна блестящая идея...

Томми с опаской посмотрел на нее. Блестящие идеи жены всегда внушали ему подозрение.

Когда он следующим вечером вернулся домой, из спальни навстречу ему выпорхнула Таппенс.

— Привезли! — объявила она.

— Что привезли?

— Маскарадный костюм. Пойдем, посмотришь на него.

Томми последовал за ней в спальню. На кровати был разложен костюм пожарного с блестящей каской.

— Боже! — простонал он. — Неужели я принят на работу в пожарную бригаду Уэмбли?

— Попытайся отгадать еще раз, — сказала Таппенс. — Ты так и не уловил мою мысль. Задействуйте клеточки серого вещества, мой друг. Блесните интеллектом, Ватсон. Будьте быком, продержавшимся более десяти минут на арене.

— Минуточку, — перебил ее Томми. — Кажется, я начинаю понимать. В этом есть некая зловещая цель... Что ты сама собираешься надеть, Таппенс?

— Твой старый костюм, американскую шляпу и очки в роговой оправе.

— Грубовато, — заметил Томми, — но идею я уловил. Ты — Маккарти, я – Риордан[1].

— Именно. Я подумала, что нам стоит попрактиковаться в американских дедуктивных методах, а заодно и в английских. Я хотя бы раз почувствую себя звездой, а ты побываешь в шкуре скромного помощника.

— Не забывай, — предостерег Томми, — что Маккарти на путь истинный всегда наставляет невинное замечание скромняги Дэнни.

В ответ Таппенс лишь рассмеялась. Она пребывала в прекрасном расположении духа.

Вечер оказался на удивление удачным. Толпы людей, музыка, фантастические наряды — все это как будто специально было призвано доставить им

---

[1] Тимоти Маккарти и Дэнни Риордан — герои детективных романов И. Острандер (1885–1924).

удовольствие. Томми забыл о том, что он, по идее, скучающий муж, которого силком притащили на бал.

Без десяти минут двенадцать супруги отправились в автомобиле в знаменитый — или сомнительный — клуб «Туз пик». Как и говорила Таппенс, это было подпольное заведение, грязноватое и безвкусное на вид, но тем не менее до отказа забитое парами в маскарадных костюмах. Посетители сидели в кабинках вдоль стен. Томми и Таппенс сумели завладеть одной из них. Они нарочно оставили дверь приоткрытой, чтобы видеть, что происходит в зале.

— Интересно, кто они такие, я имею в виду всех этих людей, — сказала Таппенс. — Что ты скажешь вон о той Коломбине, за которой увивается Мефистофель в красном?

— Лично мне понравился коварный китайский мандарин и леди, которая называет себя Линкором. Правда, я бы назвал ее Крейсером.

— Разве он не остроумен? — спросила Таппенс. — И всего-то после капли спиртного! А это кто в костюме дамы червей?.. Ловко придумано.

Девушка, о которой шла речь, проследовала в соседнюю кабинку в сопровождении «джентльмена в костюме из газеты» из «Алисы в стране чудес»[1]. Оба носили маски, что было в клубе «Туз пик» в порядке вещей.

---

[1] Неточность автора. Господин в белой бумаге (а не в газете) фигурирует в сказке Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

— Мы с тобой сейчас в настоящем притоне, — довольным тоном произнесла Таппенс. — Вокруг так и кипят скандалы. Здесь все постоянно ссорятся.

Из соседней кабинки раздался протестующий крик; впрочем, его тут же заглушил мужской смех. Все вокруг смеялись и пели. Пронзительные женские голоса заглушали басы их спутников-мужчин.

— Что скажешь про пастушку? — спросил Томми. — Вон ту, что с комичным французом. Они могут быть теми, кто нам нужен.

— Это может быть любой, — сказала Таппенс. — Меня это не беспокоит. Самое главное, что нам с тобой весело.

— Мне было бы еще веселей, если б не мой костюм, — проворчал Томми. — Ты даже не представляешь, как в нем жарко.

— Не унывай! — приободрила его Таппенс. — Ты в нем прекрасно выглядишь.

— Я рад, — ответил Томми. — Кстати, ты тоже. Такого забавного коротышки я отродясь не видывал.

— Придержи язык, Дэнни, мой мальчик. Смотри, джентльмен в костюме из газеты оставил свою даму одну... Куда это он собрался, как ты думаешь?

— Думаю, пошел за спиртным, — ответил Томми. — Кстати, я не против последовать его примеру.

— Что-то он задержался, — заметила Таппенс, когда прошло пять минут. — Томми, только не считай меня идиоткой...

Не договорив, она вскочила с места.

— Так и быть, считай меня идиоткой, если хочешь. Я сейчас зайду в соседнюю кабинку.

— Послушай, Таппенс, ты не можешь...

— Что-то здесь не так. Я это нутром чую. Не пытайся остановить меня.

Она стремительно выскочила из кабинки. Томми последовал за ней. Двери соседней кабинки были закрыты. Таппенс распахнула их и вошла внутрь. Томми шагнул следом.

Девушка в костюме дамы червей сидела в углу, привалившись к стене в какой-то странной, неудобной позе. Глаза смотрели в прорези карнавальной маски, но сама она не шевелилась. Платье ее было из красно-белой ткани, в крупный рисунок, но на левом боку он был нарушен. Красного там было намного больше, чем белого...

Таппенс с криком бросилась к ней. Томми одновременно с ней заметил инкрустированную драгоценными камнями рукоятку кинжала, торчавшего чуть ниже сердца «червовой дамы». Таппенс опустилась рядом с девушкой на колени.

— Быстро, Томми, она еще жива! Найди управляющего, пусть он немедленно пошлет за врачом!

— Хорошо. Только смотри, не прикасайся к рукоятке...

— Я буду осторожна. Ступай!

Томми выбежал из кабинки, и, закрыв за собой двери, Таппенс обняла девушку за плечи. Та едва пошевелила рукой, и миссис Бересфорд поняла,

что она хочет снять маску. Таппенс осторожно выполнила ее немую просьбу. Ее взору предстало свежее, как цветок, личико и широко открытые глаза, в которых застыл ужас, страдание и растерянность.

— Дорогая, — ласково спросила она, — вы в состоянии говорить? Скажите, кто сделал это?

Взгляд незнакомки был устремлен ей в лицо. Девушка часто дышала, что было признаком слабеющего сердца. И все же она не сводила с Таппенс глаз. Затем ее губы разомкнулись.

— Это Бинго... — еле слышно прошептала она.

Затем ее тело обмякло, и она навалилась на плечо Таппенс.

В следующий миг в кабинку вошел Томми, с ним еще двое мужчина. Тот, что выше ростом, решительно шагнул к девушке. На нем как будто стояла печать: «доктор».

Таппенс отстранила ее от себя.

— Боюсь, она мертва, — срывающимся голосом сказала она.

Врач бегло осмотрел незнакомку.

— Верно, — подтвердил он. — Медицина здесь бессильна. Надо дождаться прибытия полиции. Как это случилось?

Таппенс довольно сбивчиво объяснила, не вдаваясь, правда, в причины того, что вынудило ее заглянуть в соседнюю кабинку.

— Любопытный случай, — произнес доктор. — И вы ничего не слышали?

— Я услышала крик, а затем мужской смех. Естественно, я не думала...

— Конечно же нет, — согласился с ней доктор. — А на мужчине, как вы говорите, была маска... Вы бы узнали его?

— Боюсь, что нет. А ты, Томми?

— Нет, но его можно узнать по маскарадному костюму.

— Первым делом нужно установить личность жертвы, — сказал врач. — После чего, смею надеяться, дела у полиции пойдут быстрее. Не думаю, что с расследованием возникнут какие-то трудности. А, вот и полиция!

Глава 8

Джентльмен, одетый в костюм из газеты

Супруги вернулись домой лишь в четвертом часу, усталые и подавленные, под тяжким впечатлением происшествия, свидетелями которого они стали. Уснула Таппенс лишь под самое утро. В течение нескольких часов женщина беспокойно ворочалась в постели, видя перед собой кукольное личико с глазами, в которых застыл ужас.

Когда она наконец уснула, в щели жалюзи уже заглядывали первые лучи солнца. Правда, сон был тяжелый, без сновидений. Когда Таппенс проснулась, был уже день. Открыв глаза, она увидела перед

собой Томми. Тот был одет и, стоя возле постели, легонько тряс ее за плечо.

— Посыпайся, старушка. Инспектор Мэрриот и еще один человек хотят тебя видеть.

— Который час?

— Одиннадцать. Попрошу Элис, чтобы она прямо сейчас принесла тебе чай.

— Спасибо. И скажи инспектору, что я буду готова через десять минут.

Через четверть часа Таппенс торопливо вошла в гостиную. Инспектор Мэрриот, серьезный и несокрушимый, как скала, встал с кресла ей навстречу.

— Доброе утро, миссис Бересфорд. Знакомьтесь, это сэр Артур Меривейл.

Таппенс обменялась рукопожатием с высоким худым мужчиной с запавшими глазами и тусклыми волосами.

— Мы пришли по поводу вчерашнего печального события, — произнес инспектор Мэрриот. — Я хочу, чтобы сэр Артур услышал из ваших уст то, что вы рассказали мне... Повторите слова, которые бедняжка произнесла прежде, чем умереть. Сэра Артура очень трудно убедить.

— Я не верю, — сказал спутник инспектора, — и никогда не поверю, что Бинго Хейл способен на такое. Он даже волосу не дал бы упасть с ее головы.

Инспектор Мэрриот продолжил свой рассказ:

— Мы кое-что узнали после вчерашней ночи, миссис Бересфорд. Прежде всего нам удалось

установить личность убитой. Это леди Меривейл. Мы связались с сэром Артуром. Он сразу опознал тело и, конечно же, был вне себя от ужаса. Тогда я спросил его, знает ли он человека по имени Бинго.

— Поймите, миссис Бересфорд, — произнес сэр Артур, — капитан Хейл, известный друзьям как Бинго, — мой лучший друг. Он практически живет у нас. Он находился в моем доме, когда этим утром полиция арестовала его. Я уверен, это какая-то ошибка... моя жена не могла произнести его имя.

— Ошибка исключается, — спокойно произнесла Таппенс. — Она сказала «это Бинго...».

— Вы видите, сэр Артур, — сказал Мэрриот.

Несчастный гость опустился в кресло и закрыл лицо руками.

— Это невероятно. Но какой, о Господи, мог быть мотив? Я знаю вашу версию, инспектор. Вы думаете, что Хейл был любовником моей жены, но даже будь это так — во что я ни на секунду не поверю, — какой ему был резон ее убивать?

Инспектор Мэрриот прокашлялся.

— Мне неприятно это говорить, сэр. Но капитан Хейл в последнее время уделял много внимания некой юной американке... довольно стесненной в средствах. Если б леди Меривейл вдруг обозлилась на него, ей ничего не стоило бы помешать его женитьбе.

— Это возмутительно, инспектор!

Сэр Артур сердито вскочил с кресла. Мэрриот жестом велел ему успокоиться.

— Прошу прощения, я точно это знаю, сэр Артур. По вашим словам, вы с капитаном Хейлом решили побывать на балу. В это время ваша жена была якобы в гостях, и вы не имели представления о том, что она будет там же, где и вы, так?

— Ни малейшего представления.

— Покажите ему рекламное объявление, о котором вы рассказывали мне, миссис Бересфорд.

Таппенс выполнила просьбу.

— Лично мне все ясно. Капитан Хейл нарочно поместил его, чтобы оно попалось на глаза вашей жене. Они заранее договорились там встретиться. Вы же решили отправиться туда лишь накануне. Отсюда необходимость ее предупредить. Этим и объясняется последняя фраза «перехитрить короля». Вы заказали ваш костюм в театральной мастерской накануне бала, а вот костюм капитана Хейла был домашнего изготовления. Он отправился на бал одетый «джентльменом в костюме из газеты». Вы знаете, сэр Артур, что мы нашли в руке мертвой леди? Клочок бумаги, вырванный из газеты. Моим людям приказано отыскать и принести из вашего дома костюм капитана Хейла. Он должен ждать меня в Скотленд-Ярде, когда вернусь. Если в соответствующем месте обнаружится вырванный клочок, в этом деле можно будет поставить точку.

— Вам его не найти, — сказал сэр Артур. — Я хорошо знаю Бинго Хейла.

Извинившись перед Таппенс за то, что побеспокоили ее, гости ушли.

Позднее тем же вечером раздался звонок в дверь, и, к удивлению хозяев квартиры, к ним снова пожаловал инспектор Мэрриот.

— Я подумал, что «Блестящие сыщики Бланта» захотят услышать о том, как развивались события, — сказал он с легкой улыбкой.

— Еще бы, — согласился Томми. — Хотите что-нибудь выпить?

С этим словами он поставил рядом с гостем бокал.

— Случай предельно ясен, — сказал Мэрриот минуту-две спустя. — Кинжал принадлежал убитой... очевидно, кто-то хотел обставить это дело как самоубийство, однако благодаря тому, что на месте преступления оказались вы, уловка не удалась. Мы нашли множество писем — у них явно был давний роман... но сэр Артур даже не догадывался. Потом мы нашли последнее звено...

— Последнее что? — уточнила Таппенс.

— Последнее звено в цепи... этот самый клочок газеты «Дейли лидер». Вырванный из газетного костюма, в который был одет этот тип... Клочок идеально совпадает с местом обрыва. Так что да, случай предельно ясен. Кстати, я принес вам фото и самой газеты, и клочка. Думаю, вам будет интересно взглянуть. Такие абсолютно ясные случаи — вещь редкая.

— Томми, — сказала Таппенс, когда ее муж вернулся, проводив детектива из Скотленд-Ярда до дверей, — как ты думаешь, почему инспектор

Мэрриот постоянно повторяет, что это абсолютно ясный случай?

— Не знаю... наверное, это самодовольство.

— Нисколько. Он нас подзуживает. Как ты знаешь, Томми, мясники превосходно разбираются в мясе.

— Согласен, но при чем здесь это?..

— Точно так же зеленщики знают все об овощах, а рыбаки знают толк в рыбе. Детективы, профессиональные сыщики, знают все о преступниках. Настоящего преступника они узна*ют* с первого взгляда. И ненастоящего тоже. Чутье инспектора Мэрриота подсказывает ему, что капитан Хейл ни в чем не виноват, хотя факты упрямо говорят об обратном. В качестве последнего средства Мэрриот подзуживает нас, надеясь, вопреки всякой надежде, что мы вспомним какую-нибудь мелочь — из того, что случилось вчера вечером... Нечто такое, что прольет новый свет на это дело. Томми, в конце концов, почему это не могло быть самоубийством?

— Вспомни, что она тебе сказала.

— Знаю. Но давай взглянем на это иначе. Да, Бинго виноват... своим поведением он заставил ее покончить с собой. Такое возможно.

— Возможно. Но как в этом случае быть с клочком газеты?

— Давай посмотрим на фотографии Мэрриота. Я забыла спросить его, что говорил о случившемся Хейл.

— Я только что спросил его об этом, когда провожал. Хейл утверждает, что вообще не разговаривал с леди Меривейл на балу. Сказал, что кто-то сунул ему в руку записку. «Не пытайся разговаривать со мною этим вечером. Артур что-то подозревает», — якобы было написано в ней. Он не смог предъявить эту записку, так что это звучит не слишком убедительно. В любом случае мы с тобой знаем, что он был с нею в этом ночном клубе, потому что своими глазами его видели.

Таппенс кивнула и принялась изучать фотографии. На одной был изображен крошечный фрагмент газеты с заголовком «Дейли ли...». Остальные буквы были оторваны. На второй — первая страница газеты «Дейли лидер» с оборванным краем. Фрагмент и оторванный край идеальным образом совпадали.

— Что это за отметины вдоль края страницы? — спросил Томми.

— Стежки, — ответила Таппенс. — Это места, где листы газеты были пришиты один к другому.

— Я подумал, что это новая схема точек, — признался Томми и легонько вздрогнул. — Честное слово, Таппенс, мне не по себе! Подумать только, мы с тобой обсуждаем точки и ломаем голову над объявлением, как будто это какая-то игра...

Женщина не ответила. Томми посмотрел на нее и даже слегка испугался: взгляд ее был устремлен в пространство, губы слегка приоткрыты, а на лице застыла растерянность.

— Таппенс, — мягко произнес он и легонько потряс ее за руку. — Что такое? С тобой сейчас случится удар? Или что-то еще?

Но та даже не шелохнулась.

— Дэннис Риордан, — наконец прошептала она не своим голосом.

— Что? — уставился на нее Томми.

— Как ты только что сказал. Одна простая невинная фраза! Найди мне все номера «Дейли лидер» за эту неделю.

— Что ты задумала?

— Я – Маккарти. Я тут ломала голову и благодаря тебе наконец поняла. Это — первая страница газеты за вторник. Помнится, во вторник в заголовке, в букве «л» слова «лидер» было две точки. В этой же — одна точка в букве «д» в слове «Дейли» и одна в букве «л». Дай мне газеты. Хочу на всякий случай проверить.

Они сравнили номера газеты. Таппенс оказалась совершенно права.

— Видишь? Этот клочок не был вырван из номера газеты за вторник.

— Но, Таппенс, мы не можем этого утверждать. Это могут быть разные издания.

— Может быть, но в любом случае это навело меня на мысль. Я уверена, это никакое не совпадение. Если я права, то это может означать лишь одно. Позвони сэру Артуру, Томми. Попроси его немедленно приехать сюда. Скажи, что у меня для него есть важная новость. Затем найди Мэрриота.

Если он уехал домой, в Скотленд-Ярде знают его адрес.

Сэр Артур Меривейл, заинтригованный приглашением, был в квартире Бересфордов уже через полчаса. Таппенс шагнула ему навстречу.

— Хочу извиниться за то, что отправила за вами в столь категоричной манере, — сказала она. — Но мой муж обнаружил нечто такое, что вам, по нашему мнению, полезно немедленно узнать. Садитесь.

Сэр Артур сел, и Таппенс продолжила:

— Вы, насколько мне известно, очень хотели отвести подозрения от вашего друга.

Меривейл печально кивнул.

— Да, это так, но затем я был вынужден сдаться под напором доказательств.

— Что вы скажете, если я сообщу вам, что волей случая в моих руках оказалась улика, которая наверняка снимет с него все подозрения?

— Буду рад это слышать, миссис Бересфорд.

— Допустим, — продолжила Таппенс, — я случайно вышла на девушку, которая прошлой ночью танцевала с капитаном Хейлом в двенадцать часов, когда он, по идее, находился в клубе «Туз пик».

— Великолепно! — воскликнул сэр Артур. — Я знал, что это ошибка. Бедняжка Вера, она сама лишила себя жизни...

— Вряд ли, — не согласилась с ним Таппенс. — Вы забыли про другого человека.

— Какого?

— Про того, которого мой муж и я видели, когда он выходил из кабинки. Понимаете, сэр Артур, на балу был второй человек, также одетый в костюм из газеты. Кстати, в каком костюме были вы?

— Я? У меня был наряд палача семнадцатого века.

— Весьма уместно, — тихо произнесла Таппенс.

— Уместно, миссис Бересфорд? Что вы имеете в виду под словом «уместно»?

— Уместно для той роли, которую вы сыграли. Рассказать вам, что я думаю об этом, сэр Артур? Костюм из газеты очень легко надеть поверх костюма палача. Чуть раньше в руку капитана Хейла кто-то вложил записку, автор которой просил его не разговаривать с некоей леди. Но сама леди ничего о записке не знала. В назначенное время она отправляется в клуб «Туз пик» и видит человека, которого и ожидала там увидеть. Они заходят в кабинку. Он обнимает ее, я думаю, и целует... это поцелуй Иуды... и, целуя ее, тот самый человек ударяет ее кинжалом. Жертва издает еле слышный крик, который заглушается его смехом. Затем он уходит. Она же, испуганная и растерянная, верит в то, что ее убил любовник.

Но она успела оторвать клочок бумаги от его костюма. Убийца замечает это... он из тех, от кого не ускользнет никакая мелочь. Чтобы отвести от себя подозрения, нужно сделать так, будто этот клочок был оторван от костюма капитана Хейла. Что было бы чрезвычайно трудно сделать, не живи эти двое

под одной крышей. В этом случае все легко и просто. Он отрывает точно такой же газетный клочок от костюма капитана Хейла, а свой костюм сжигает и готовится сыграть роль верного друга.

Таппенс выдержала паузу.

— Итак, сэр Артур?

Меривейл встал и поклонился.

— У очаровательной леди живое воображение. Боюсь, вы читали слишком много книжек.

— Вы так думаете? — спросил Томми.

— И муж, которым жена вертит, как хочет, — добавил сэр Артур. — Неужели вы надеетесь, что кто-то серьезно воспримет подобные россказни?

Он громко рассмеялся. Сидевшая в кресле Таппенс напряглась.

— Я узнала бы этот смех где угодно, — сказала она. — В последний раз я слышала его в клубе «Туз пик». Боюсь, вы заблуждаетесь относительно нас. Бересфорд — наша настоящая фамилия, но мы носим и еще одну.

Взяв со стола визитную карточку, она протянула ее сэру Артуру.

— «Международное детективное агентство»... — Он неожиданно охнул. — Так вот кто вы такие! Вот почему Мэрриот привел меня сюда этим утром. Это была ловушка...

С этими словами он шагнул к окну.

— У вас прекрасный вид, — произнес он. — Весь Лондон как на ладони.

— Инспектор Мэрриот! — выкрикнул Томми.

В мгновение ока тот появился из двери, ведущей в смежную комнату.

Сэр Артур улыбнулся.

— Так я и думал, — сказал он. — Но, боюсь, вам не взять меня на этот раз, инспектор. Я предпочитаю собственный выход.

Схватившись обеими руками за подоконник, он выскочил в окно.

Таппенс вскрикнула и зажала уши, чтобы не слышать звук, который она уже представила, — противный глухой удар тела о землю далеко внизу. Инспектор Мэрриот сердито чертыхнулся.

— Как мы не подумали об окне... — посетовал он. — Хотя, заметьте, было бы трудно доказать его вину. Пойду, спущусь и посмотрю, что там.

— Бедняга, — медленно проговорил Томми. — Если он любил свою жену...

Инспектор фыркнул, не дав ему договорить.

— Любил? Может быть. Он ломал голову над тем, где ему раздобыть денег. У леди Меривейл было огромное состояние, и все ее деньги отошли к нему. Сбеги она с молодым Хейлом, он остался бы без гроша.

— Так вот в чем дело?

— А вы как думали? Я с самого начала учуял, что сэр Артур — подлец, а капитан Хейл ни в чем не виноват. В Скотленд-Ярде мы сразу видим, что к чему. Иное дело, что факты говорят обратное, и их не оспоришь. Я сейчас спущусь вниз... на ва-

шем месте, мистер Бересфорд, я бы налил вашей супруге стаканчик бренди. Она, должно быть, очень расстроена.

— Зеленщики, — тихо произнесла Таппенс, когда за хладнокровным инспектором закрылась дверь. — Мясники. Рыбаки. Детективы. Я была права, так ведь? Он знал.

Томми, поколдовав у серванта, подошел к ней с большим стаканом.

— Выпей.

— Что это? Бренди?

— Нет, это большой коктейль для неподражаемого Маккарти. Да, Мэрриот прав во всем... так все и было. Смелый ход, однако.

Таппенс кивнула.

— Но он не сработал.

— И король вышел из игры, — подытожил Томми.

Глава 9

Дело пропавшей леди

Звонок на столе мистера Бланта («Международное детективное агентство», мистер Блант, управляющий) возвестил о приходе посетителя. Томми и Таппенс мгновенно прильнули каждый к своему «глазку», позволявшему видеть, что делается в приемной. В обязанности Альберта входило при

помощи самых изощренных уловок задерживать перспективных клиентов.

— Я узнаю, сэр, — пообещал он. — Но, боюсь, мистер Блант в данный момент очень занят. Он разговаривает со Скотленд-Ярдом по телефону.

— Я подожду, — произнес посетитель. — У меня нет с собою визитной карточки, но вы передайте, что пришел Габриель Ставанссон.

Этот клиент являл собой великолепный образец мужской породы: более шести футов ростом, лицо бронзовое от загара и обветренное. Удивительные голубые глаза резко контрастировали с коричневой задубелой кожей лица.

Томми моментально принял решение: надел шляпу, взял в руки перчатки и открыл дверь. Затем на мгновение задержался на пороге.

— Этот джентльмен ожидает вас, мистер Блант, — сообщил ему Альберт.

Томми тотчас нахмурился и достал карманные часы.

— Без четверти одиннадцать я должен быть у герцога, — произнес он и пристально посмотрел на посетителя. — Могу уделить вам пять минут, если вас это устроит.

Бронзоволицый мужчина послушно проследовал за ним в кабинет, где скромно сидела Таппенс с блокнотом и карандашом в руках.

— Мой личный секретарь мисс Робинсон, — представил ее Томми. — Ну а теперь, сэр, надеюсь,

вы изложите причину вашего визита? Помимо того, что дело срочное, что вы приехали сюда на такси и недавно побывали в Арктике или, возможно, Антарктике, я ничего о вас не знаю.

Посетитель изумленно воззрился на него.

— Поразительно! — вскричал он. — Я думал, такое бывает лишь в романах! Ваш посыльный даже не сообщил вам мое имя!

Томми укоризненно вздохнул.

— О, все очень просто, — произнес он. — Лучи полночного солнца за Полярным кругом особым образом воздействуют на кожу... актинические лучи обладают особыми свойствами. Я сейчас пишу небольшую монографию на эту тему. Но все это отвлекает нас от главного. Что привело вас ко мне в таком расстройстве чувств?

— Начнем с того, мистер Блант, что мое имя Габриель Ставанссон...

— Да, так зовут известного полярного исследователя, — сказал Томми. — Вы ведь недавно вернулись с Северного полюса, не правда ли?

— Я прибыл в Англию три дня назад. Мой друг, который плавал в северных морях, доставил меня на своей яхте. Иначе я вернулся бы только через две недели. Должен сказать вам, мистер Блант, что перед тем как два года назад отправиться в последнюю экспедицию, я имел великое счастье обручиться с миссис Морис Ли Гордон...

— Миссис Морис Ли Гордон до замужества была... — перебил его Томми.

— ...достопочтенной[1] Гермионой Крейн, второй дочерью лорда Ланчестера, — бойко влезла в разговор Таппенс.

Томми бросил на нее полный восхищения взгляд.

— Ее муж погиб на войне, — поспешила добавить женщина.

Габриель Ставанссон кивнул.

— Совершенно верно. Как я уже сказал, мы с Гермионой обручились. Я предлагал отказаться от экспедиции, но она даже слышать об этом не хотела, да благослови ее Господь! Она — идеальная жена исследователя. Моя первая мысль по приезде была тотчас увидеть Гермиону. Я отправил ей телеграмму из Саутгемптона и первым же поездом поспешил в Лондон. Я знал, что она временно проживает у своей тетушки, леди Сьюзен Клонрей, на Понт-стрит, и потому направился прямо туда.

К моему великому разочарованию, своей невесты я там не застал. Как оказалось, Герми уехала навестить друзей в Нортумберленде. Леди Сьюзен, как только оправилась от удивления, вызванного моим неожиданным появлением, любезно мне это объяснила. Как я сказал вам, моего приезда ожидали лишь через две недели. Она сообщила, что Герми вернется через несколько дней.

---

[1] Достопочтенный (*англ.* The Honourable) — в Англии титулование детей пэров.

Когда же я спросил ее, по какому адресу могу найти мою нареченную, старая леди пробормотала нечто невнятное и... мол, Герми может быть в нескольких разных местах, и она не уверена, в каком порядке та навещает своих друзей. Смею сообщить вам, мистер Блант, что леди Сьюзен и я никогда толком не ладили. Видите ли, она из числа толстух с двойным подбородком. Я же терпеть не могу пышнотелых дам... никогда не мог... толстые женщины и толстые собаки — это мерзость Господня, и, к несчастью, они нередко встречаются вместе! Знаю, это моя идиосинкразия, но что поделать... не выношу я их, и всё!

— Нынешняя мода согласна с вами, мистер Стэнссон, — сухо заметил Томми. — И у каждого есть свои антипатии к домашним животным... к примеру, покойный лорд Робертс[1] терпеть не мог кошек.

— Видите ли, я не утверждаю, что леди Сьюзен напрочь лишена обаяния. Возможно, оно у нее присутствует, но лично мне она никогда не нравилась. В глубине души я догадывался, что она не одобряет нашу помолвку. Более того, готов спорить на что угодно, что, будь у нее такая возможность, она наверняка стала бы настраивать против меня Гермиону... Я рассказываю вам все как есть. Если вам угодно, можете считать это предубеждением.

---

[1] Фредерик Слей Робертс, 1-й граф Робертс Кандагарский (1832–1914) — выдающийся британский военачальник, фельдмаршал (1895), один из наиболее успешных военных деятелей викторианской эпохи.

Прежде чем продолжить рассказ, признаюсь: я — упрямое животное, которое любит добиваться своего. Я ушел с Понт-стрит только после того, как выведал у нее имена и адреса людей, у которых предположительно могла гостить Гермиона. После чего сел в почтовый поезд и поехал на север.

— Вы, как я вижу, человек действия, мистер Ставанссон, — улыбнулся Томми.

— То, что мне сказали, произвело на меня эффект разорвавшейся бомбы, мистер Блант. Никто из этих людей не знал, где Гермиона. Из трех домов ее приезда ожидали только в одном. Леди Сьюзен, по всей видимости, ошиблась в отношении этих двух адресов... Герми отменила свой визит туда, отправив в последний момент телеграмму.

Я, конечно же, тотчас вернулся в Лондон и отправился прямиком к леди Сьюзен. Следует воздать ей должное: она, похоже, была расстроена. Призналась, что понятия не имеет, где находится ее племянница. Тем не менее она воспротивилась моему предложению обратиться в полицию. Мол, Герми — не юная глупая девчонка, а взрослая женщина, и всегда любила самостоятельно строить планы. Вот и сейчас она, возможно, что-то задумала.

Я подумал, что Герми, вполне вероятно, не захотела сообщать тетушке о своих передвижениях. И все-таки я встревожился. Меня не отпускало странное ощущение. Такое обычно бывает, когда что-то не в порядке. Я как раз собрался уходить, когда леди Сьюзен принесли телеграмму. Прочи-

тав, она облегченно вздохнула и протянула ее мне. В телеграмме сообщалось следующее: «Изменила планы еду неделю монтекарло герми».

Томми протянул руку.

— Вы ведь захватили телеграмму с собой, верно?

— К сожалению, нет. Но она была отправлена из Мэлдона, графство Суррей. Я тогда обратил на это внимание и удивился. Что Герми забыла в Мэлдоне? Насколько мне известно, никаких друзей у нее там никогда не было.

— Вам не пришло в голову броситься в Монте-Карло с той же поспешностью, что и на север?

— У меня была такая мысль. Но я передумал. Видите ли, мистер Блант, если леди Сьюзен содержание телеграммы удовлетворило, то меня — никоим образом. Меня поразило то, что Герми отправила телеграмму, а не написала письмо. Пара строчек, написанных ее рукой, развеяли бы мои опасения. Но ведь телеграмму за ее подписью мог отправить кто угодно. Чем больше я думал об этом, тем тревожнее становилось у меня на душе. В конечном итоге я отправился в Мэлдон. Это было вчера днем. Небольшой городок, хорошие поля для игры в гольф и все такое прочее... два отеля.

Я наводил справки во всех мыслимых местах, но нигде не нашел даже следа пребывания там Гермионы. Едучи в поезде, я наткнулся в газете на ваше рекламное объявление и решил обратиться к вам. Если Герми действительно уехала в Монте-Карло, то, во избежание скандала, не стоит отправлять

полицию на ее поиски. Но сам я не намерен сидеть сложа руки. Я останусь в Лондоне... на тот случай, если здесь вдруг что-то нечисто.

Томми задумчиво кивнул.

— Вы что-то подозреваете?

— Не знаю. Но мне кажется, здесь что-то не так.

С этими словами Ставанссон достал из кармана футляр и, открыв его, положил на стол перед Томми.

— Это Гермиона, — пояснил он. — Я оставлю ее вам.

На фотографии была изображена худенькая женщина, далеко не юная, но с очаровательной улыбкой и прелестными глазами.

— Итак, мистер Ставанссон, — произнес Томми, — вы ничего не забыли рассказать мне?

— Вроде бы ничего.

— Никаких подробностей, даже мельчайших, не упустили?

— Вряд ли.

Томми вздохнул.

— Это усложняет задачу, — заметил он. — Вы, должно быть, замечали, мистер Ставанссон, что в детективных романах сыщику, чтобы напасть на правильный след, требуется какая-нибудь мелочь. Я бы сказал, что этот случай имеет свои особенности. Я полагаю, что практически разрешил его. Впрочем, время покажет.

С этими словами Томми взял со стола скрипку и пару раз провел смычком по струнам. Таппенс

стиснула зубы, и даже их посетитель слегка побледнел. Исполнитель снова положил скрипку на стол.

— Несколько тактов из Мосговскенского, — пробормотал Томми. — Оставьте мне ваш адрес, мистер Ставанссон, и я сообщу вам о ходе расследования.

Как только посетитель вышел из кабинета, Таппенс схватила скрипку, торопливо положила ее в шкаф и закрыла дверцу на ключ.

— Если ты вообразил себя Шерлоком Холмсом, — заявила она, — я принесу тебе шприц и пузырек с кокаином, но, ради бога, оставь в покое скрипку. Если только этот славный исследователь не наивен, как дитя, он с первого взгляда тебя раскусил. Ну что, будешь и дальше играть в Холмса?

— Льщу себя мыслью, что я все провернул, как надо, — произнес Томми с легким самодовольством. — Выводы были сделаны удачно, не так ли? Правда, я рисковал, высказав предположение про такси. Но, с другой стороны, это ведь самый удобный способ добраться до нашего дома.

— На твое счастье, я только что прочла о его помолвке в утреннем номере «Дейли миррор», — заметила Таппенс.

— Что, конечно же, пошло на пользу «Блестящим сыщикам Бланта». Это явно случай в духе Шерлока Холмса. Даже ты наверняка обратила внимание на его сходство с делом об исчезновении леди Фрэнсис Карфакс.

— Ты ожидаешь увидеть миссис Ли Гордон в гробу?

— Было бы логично предположить, что история повторяется. А вообще, что ты об этом думаешь?

— Скажем так, — начала Таппенс, — самое очевидное объяснение, которое приходит на ум, это что по той или иной причине Герми, как он называет ее, избегает встречи со своим женихом, а леди Сьюзен ей в этом помогает. Проще говоря, она поняла, что допустила ошибку, и решила от него скрыться.

— Мне тоже так показалось, — признался Томми. — Но я подумал, что лучше заранее лично во всем убедиться, прежде чем предлагать подобное объяснение такому человеку, как Ставанссон. Что скажешь насчет поездки в Мэлдон, старушка? Кстати, было бы неплохо захватить с собой клюшки для гольфа.

Таппенс ответила согласием, и агентство «Блестящие сыщики Бланта» было оставлено на попечение Альберта.

Мэлдон, городок хорошо известный, был, однако, не слишком велик. Томми и Таппенс, расспросив всех, кого только можно, так ничего толком и не узнали. Но по дороге в Лондон миссис Бересфорд осенила блестящая идея.

— Томми, почему на телеграмме местом отправки значился Мэлдон в Суррее?

— Потому, что Мэлдон находится в Суррее, глупая.

— Сам такой. Я не то имела в виду. Если ты получаешь телеграмму, допустим, из Гастингса или Торки, то на телеграмме не указывают название графства. Но если она из Ричмонда, то на ней обязательно укажут Суррей. Это потому, что существуют два Ричмонда.

Томми, сидевший за рулем, сбросил скорость.

— Таппенс, — с чувством произнес он. — Твоя идея не так уж плоха. Давай уточним это вон на той почте.

Они подъехали к небольшому зданию, стоявшему посередине деревенской улицы. Нескольких минут им хватило на то, чтобы узнать о существовании двух Мэлдонов, в Суррее и в Сассексе. Последний — крошечная деревушка, в которой, однако, имеется телеграф.

— Теперь все понятно, — воскликнула Таппенс. — Ставанссон знал, что Мэлдон находится в Суррее, поэтому не посмотрел на слово на букву С, которое стояло после слова «Мэлдон».

— Завтра мы с тобой съездим туда. Интересно взглянуть на этот Мэлдон в Сассексе, — сказал Томми.

Мэлдон в Сассексе оказался даже меньше своего тезки в Суррее. Расположенный в шести километрах от железнодорожной станции, он был совсем крошечным: два паба, две лавки, почта и телеграф, совмещенные с крошечной лавчонкой, в которой продавались сласти и открытки, а также семь небольших домов. Таппенс взяла на себя магазины,

в то время как Томми заглянул в «Петуха и воробья». Они встретились через полчаса.

— Ну, и?.. — поинтересовалась Таппенс.

— Неплохое пиво, — отозвался Томми, — но никакой информации.

— Тебе стоит попытать счастья в «Голове короля», — посоветовала Таппенс. — А я вернусь на почту. Там дежурит угрюмая пожилая дама, но я слышала, как ей крикнули, что ужин готов.

Она вернулась на почту и принялась разглядывать почтовые открытки. Из задней комнаты, продолжая жевать, к ней вышла румяная девушка.

— Я бы купила вот эти, — сказала ей Таппенс. — Вы не подождете, пока я посмотрю и вон те, смешные?

Она принялась перебирать открытки, не закрывая при этом рта.

— Я так расстроилась, когда вы не смогли подсказать мне адрес моей сестры... Она гостит где-то неподалеку, я же потеряла ее письмо и не помню точный адрес. Если что, ее зовут Ли Вуд.

Девушка покачала головой.

— Не помню такой. Писем у нас тут бывает совсем немного. Я бы запомнила имя, если б видела его на конверте. Кроме «Усадьбы», тут почти нет больших домов.

— А что за усадьба? Это чей-то дом? — спросила Таппенс. — Кому он принадлежит?

— Доктору Горристону. Теперь там частная лечебница. По-моему, там лечат нервные болезни.

В основном лечат покоем. Туда приезжают богатые дамы на лечение и отдых. Здесь у нас и впрямь тихо, Господь свидетель, — хихикнула она.

Быстро выбрав несколько открыток, Таппенс расплатилась.

— А это автомобиль доктора Горристона! — воскликнула девушка.

Таппенс торопливо шагнула к выходу. Мимо дома проехал двухместный автомобиль. За рулем сидел высокий темноволосый мужчина с черной бородкой и суровым, неприятным лицом. Машина поехала дальше до конца улицы. Таппенс увидела Томми — тот переходил улицу.

— Томми, кажется, я поняла. Это частная лечебница доктора Горристона.

— Я услышал о ней в пабе «Голова короля» и подумал, что в этом что-то есть. Но, будь у нее нервный срыв или что-то в этом роде, тетушка и ее друзья наверняка были бы в курсе.

— Да, да. Но я имела в виду другое. Томми, ты заметил этого человека в автомобиле?

— Неприятный тип с угрюмым лицом.

— Это был доктор Горристон.

Томми присвистнул.

— Подозрительный господин... Что скажешь, Таппенс? Может, нам съездить и посмотреть на эту «Усадьбу»?

Наконец они нашли то, что искали: большой сельский дом, стоявший на окраине деревни

в окружении пустырей. Позади него протекал быстрый мельничный ручей.

— Малоприятное место, — заметил Томми. — У меня даже мурашки пробежали по спине. Знаешь, Таппенс, мне кажется, дело может оказаться гораздо серьезнее, чем мы предполагали.

— Прекрати немедленно! Главное — не опоздать. Этой женщине грозит опасность, я чувствую это спинным мозгом.

— Мне кажется, у тебя разыгралось воображение.

— Не могу удержаться. Я подозреваю этого человека. Что будем делать? Думаю, будет правильно, если сначала я позвоню в дверь и смело заявлю, что хочу увидеть мисс Ли Гордон. Посмотрим, что мне ответят. Что, если мне скажут правду?

Таппенс осуществила свой план. Дверь открылась практически мгновенно. На пороге ее встретил слуга с бесстрастным лицом.

— Я хочу видеть миссис Ли Гордон, если она в состоянии встретиться со мной.

Ей показалось, что ресницы стоявшего перед ней человека слегка дрогнули, тем не менее ответ у него нашелся сразу.

— У нас нет дамы с таким именем, мадам.

— Но она должна быть у вас! Это ведь лечебница доктора Горристона, верно?

— Да, мадам, но здесь нет никого по имени миссис Ли Гордон.

Сбитая с толку Таппенс была вынуждена удалиться и продолжила консультации с Томми по ту сторону ворот.

— Возможно, он говорит правду. В конце концов, откуда нам знать...

— Нет. Он солгал. Я в этом уверена.

— Подождем возвращения доктора, — предложил Томми. — После чего я представлюсь журналистом: мол, хочу обсудить с ним систему лечения покоем. Это позволит мне проникнуть внутрь и изучить устройство дома.

Доктор вернулся примерно через полчаса. Томми выждал пять минут, после чего решительно направился к входной двери. Увы, вскоре и он вернулся в явной растерянности.

— Мистер Горристон занят и велел не беспокоить его. И он никогда не встречается с журналистами. Ты права, Таппенс. В этом месте есть что-то подозрительное. Оно идеально расположено — вдали от оживленных мест. Здесь можно жить годами, и никто ничего не узнает.

— Пойдем, — решительно заявила Таппенс.

— Что ты собираешься делать?

— Собираюсь вскарабкаться на стену и посмотреть, удастся ли проникнуть внутрь незамеченной.

— Хорошо. Я с тобой.

Рядом рос запущенный сад, в котором нетрудно было укрыться. Томми и Таппенс сумели незаметно подобраться к задней части дома.

Здесь была просторная широкая терраса с осыпающимися ступеньками крыльца. Посередине было несколько двустворчатых окон, доходящих до пола. «Блестящие сыщики Бланта» не осмелились, однако, выйти из своего укрытия из опасения быть замеченными. Заглянуть же в столь высокие окна с того места, где они притаились, было попросту невозможно. Увы, по всей видимости, их разведка окажется безрезультатной. Внезапно Таппенс крепко сжала руку мужа.

Послышались голоса, причем совсем рядом. Окно было приоткрыто, и до их слуха донеслись обрывки разговора.

— Входите, входите и закрывайте дверь! — произнес раздраженный мужской голос. — Значит, вы говорите, что час назад приходила какая-то леди и спрашивала миссис Ли Гордон?

Таппенс узнала голос отвечавшего — это был тот самый слуга с бесстрастным лицом.

— Да, сэр.

— Надеюсь, вы сказали, что ее здесь нет?

— Разумеется, сэр.

— И вот теперь это тип, журналист... — раздраженно сказал другой голос.

Его владелец подошел к окну, приподнял оконную раму, и двое притаившихся в кустах сыщиков узнали доктора Горристона.

— Меня больше волнует женщина, — продолжил доктор. — Как она выглядела?

— Молодая, красивая и шикарно одетая, сэр.

Томми ткнул Таппенс локтем в ребра.

— Именно, — процедил доктор сквозь зубы. — Как я и опасался. Явно подруга этой самой Ли Гордон. Дело осложняется. Придется принять меры...

Он не договорил. Томми и Таппенс услышали, как дверь закрылась. Наступила тишина.

Томми осторожно возглавил отступление. Лишь когда они оказались на небольшой поляне в стороне от дома, вне пределов слышимости, он заговорил:

— Таппенс, дело приобретает серьезный оборот. Они задумали что-то неладное. Думаю, нам нужно срочно вернуться в город и поговорить со Ставанссоном.

К его удивлению, жена отрицательно покачала головой.

— Нам лучше остаться здесь. Разве ты не слышал, как он сказал, что ему придется принять меры? Это может означать все, что угодно.

— Самое скверное в том, что мы не можем даже обратиться в полицию.

— Послушай, Томми... Может, ты позвонишь Ставанссону из деревни? А я подожду здесь.

— Пожалуй, это наилучший план, — согласился ее супруг. — Но послушай, Таппенс...

— Что?

— Береги себя, хорошо?

— Конечно, глупенький. Давай, топай!

Томми вернулся лишь через два часа. Таппенс ждала его у ворот.

— Ну, и?..

— Я не смог дозвониться до Ставанссона. Попытался связаться с леди Сьюзен. Она тоже не взяла трубку. Тогда я решил позвонить старине Брэди. Попросил его заглянуть в «Медицинский справочник», или как он там называется, и посмотреть, что в нем говорится про Горристона.

— И что же сказал доктор Брэди?

— О, он сразу вспомнил это имя! Горристон когда-то был добросовестным врачом, но потом случилась какая-то неприятная история. Брэди назвал его неразборчивым в средствах шарлатаном и добавил, что теперь он ничему не удивился бы. Вопрос в другом — что нам теперь делать?

— Нам нужно оставаться здесь, — мгновенно отреагировала Таппенс. — Мне кажется, сегодня вечером что-то произойдет. Кстати, садовник обрезал плющ вокруг всего дома. Томми, я видела, где он оставил лестницу.

— Отлично, Таппенс, — одобрительно произнес мужчина. — Тогда сегодня вечером...

— ...как только стемнеет...

— ...мы увидим...

— ...то, что увидим.

Томми остался наблюдать за домом, тогда как Таппенс отправилась в деревню перекусить.

Когда она вернулась, они стали нести караул вместе. В девять часов вечера, когда стемнело, сыщики решили, что операцию можно начинать. Теперь они могли ходить вокруг дома абсолютно

свободно. Неожиданно Таппенс схватила Томми за руку.

— Слушай!

Слабый звук, который она услышала до этого, повторился снова. Стонала женщина. Таппенс указала на окно второго этажа.

— Вон та комната, — прошептала она.

В следующее мгновение ночную тишину вновь нарушил негромкий стон.

Томми и Таппенс решили привести в действие свой первоначальный план. Женщина повела мужа туда, где видела, как садовник оставил лестницу. Взяв ее вдвоем, они вернулись к той стороне дома, из которой доносился стон. Все ставни на окнах первого этажа были закрыты, однако это самое окно на втором этаже оставалось с открытыми ставнями.

Стараясь по возможности не произвести ни звука, Томми приставил к стене лестницу.

— Полезу я, — прошептала Таппенс. — Ты остаешься внизу. Я умею взбираться по лестнице; ты же сможешь удержать ее крепче, чем я. Если вдруг из-за угла появится доктор, в отличие от меня, ты сумеешь с ним справиться.

Таппенс ловко вскарабкалась по лестнице наверх и осторожно заглянула в окно. Затем быстро пригнулась, но через минуту-другую снова заглянула внутрь. Она оставалась в таком положении около пяти минут, после чего спустилась вниз.

— Это она, — сообщила Таппенс, задыхаясь. — Но, о Томми, это ужасно! Она лежит на кровати и стонет, и ворочается в постели, и как раз когда я заглянула снова, в комнату вошла какая-то женщина в одежде медицинской сестры. Она наклонилась над ней и сделала укол ей в руку, после чего ушла. Что будем делать?

— Она в сознании?

— Думаю, да. Я почти в этом уверена. Мне показалось, что она привязана к кровати. Попробую еще раз подняться наверх и, если удастся, проникнуть в комнату.

— Послушай, Таппенс...

— Если пойму, что возникла опасность, я крикну тебе. Пока!

Во избежание споров, Таппенс снова быстро вскарабкалась по лестнице. Томми увидел, как она пытается открыть окно. Наконец ей это удалось: она бесшумно приподняла оконную раму. Еще секунда, и Таппенс исчезла внутри.

Для Томми наступило мучительное время ожидания. Сначала он ничего не слышал. Должно быть, Таппенс и миссис Ли Гордон разговаривали шепотом, если вообще разговаривали.

Вскоре до его слуха донеслись приглушенные голоса, и он облегченно вздохнул. Затем голоса резко смолкли. Наступила мертвая тишина.

Томми напряг слух. Ничего. Что они там могут делать?

Неожиданно на плечо ему легла чья-то рука.

— Пошли! — раздался в темноте голос его жены.

— Таппенс! Как ты здесь очутилась?

— Вышла через входную дверь. Пойдем отсюда.

— Пойдем отсюда?

— Ты меня верно понял.

— Но миссис Ли Гордон, что с ней?

— Худеет, — резко бросила в ответ Таппенс.

Томми удивленно посмотрел на нее, полагая, что это ирония.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что слышал. Худеет. Стройность. Снижение веса. Разве ты не слышал, как Ставанссон сказал, что терпеть не может пышнотелых женщин? За те два года, что он отсутствовал, Гермиона набрала вес. Узнав, что он возвращается, она впала в панику и мгновенно бросилась в лечебницу доктора Горристона. Это какие-то уколы, которые он держит в тайне, и питание через нос. Осмелюсь сказать, что он шарлатан... но притом чертовски успешный! Ставанссон приехал на две недели раньше, и она уже начала процедуры. Леди Сьюзен поклялась никому ничего не говорить и подыграла племяннице. Мы же приехали сюда и выставили себя сущими идиотами!

Томми сделал глубокий вдох.

— Насколько мне известно, Ватсон, — начал он с достоинством, — завтра в Куинс-Холле состоится очень хороший концерт. У нас достаточно времени,

чтобы успеть на него. Вы весьма обяжете меня, если не станете помещать это дело в ваши архивы. Оно абсолютно ничем не примечательно.

Глава 10

Мнимый слепой

— Хорошо, — произнес Томми и положил телефонную трубку на рычаг.

Затем обернулся к Таппенс.

— Это был шеф. Похоже, он боится за нас. Судя по всему, те, кого мы ищем, поняли, что я не настоящий мистер Блант. Сюрпризов можно ожидать в любую минуту. Шеф, в качестве огромной любезности, просит тебя вернуться домой и больше не вмешиваться в это дело. Очевидно, осиное гнездо, которое мы разворошили, оказалось больше, чем они предполагали.

— Чтобы я сидела в четырех стенах? Это же полная чушь! — решительно возразила Таппенс. — Кто будет присматривать за тобой, если я уеду домой? Кроме того, я люблю приключения. Жаль, что в последнее время интересных дел не было.

— Ну, не могут же убийства и ограбления происходить каждый день! — попытался урезонить ее Томми. — Будь благоразумна. Я предлагаю вот что. Когда дела идут вяло, мы должны каждый день упражняться дома.

— Лежать на спине и «крутить велосипед»? Ты это предлагаешь?

— Не надо понимать мои предложения буквально. Когда говорю об упражнениях, я имею в виду детективное искусство. Репродукции Великих Мастеров, так сказать. Например...

С этими словами Томми вынул из выдвижного ящика пару жуткого вида темно-зеленых очков на пол-лица и осторожно надел. Затем извлек из кармана часы.

— Я разбил этим утром стекло, — пояснил Томми. — Что позволяет определять время на ощупь: мои чувствительные пальцы легко узнают соответствующие цифры.

— Будь осторожен! — предупредила Таппенс. — Ты чуть не отломал часовую стрелку.

— Дай мне руку, — попросил Томми и подержал руку жены, одним пальцем измеряя пульс. — Ах, эти клавиши тишины!.. У этой женщины нет болезни сердца.

— Насколько я понимаю, — сказала Таппенс, — ты перевоплотился в Торнли Колтона?[1]

— Именно, — ответил Томми. — Он самый. Слепой Проблемист. А ты — тоненькая черноволосая секретарша с румяными, как яблоки, щечками...

— ...младенцем в пеленках подобранная на берегах английской реки, — закончила Таппенс.

---

[1] Торнли Колтон — слепой сыщик, герой детективных произведений американского писателя К. Стэгга (1888–1916).

— Ну а наш Альберт — Гонорар, он же Креветка.

— И мы должны научить его правильно произносить «ого!», — сказала Таппенс. — Но у него не визгливый голос. Просто ужасно хриплый.

— К стене возле двери прислонена тонкая полая трость, которая — когда она в моей чувствительной руке — так многое мне сообщает, — произнес Томми.

Встав, он натолкнулся на кресло.

— Черт! Я забыл, что тут стоит кресло.

— Наверное, это ужасно — быть слепым, — сочувственно произнесла Таппенс.

— Пожалуй, — согласился ее муж. — Знала бы ты, как мне жаль бедняг, потерявших зрение на войне. Кстати, говорят, что, когда человек слеп, все прочие чувства обостряются. Это я и хочу проверить: бывает такое или нет. Думаю, не будет лишним потренироваться, чтобы уметь действовать в темноте. А ты, Таппенс, будь хорошим Сидни Темзом. Сколько шагов до той трости?

Таппенс попробовала угадать.

— Три прямо, пять налево, — предположила она.

Томми неуверенно двинулся вперед. В следующий миг Таппенс вскрикнула, поняв, что, сделав четвертый шаг налево, ее супруг стукнется лбом о стену.

— Все не так просто, — сказала она. — Ты не представляешь себе, как трудно определить, сколько шагов вам нужно.

— Зато ужас как интересно, — признался Томми. — Позови Альберта. Я попытаюсь пожать вам обоим руки и посмотрю, сумею ли я понять, кто есть кто.

— Хорошо, — согласилась Таппенс. — Но пусть Альберт сначала их вымоет. Они у него липкие от этих кошмарных леденцов, которые он постоянно сосет.

Альберт, когда его ознакомили с правилами игры, проявил к ней неподдельный интерес.

Наконец эксперимент с рукопожатиями завершился. Томми довольно улыбнулся.

— Клавиши молчания не могут лгать, — пробормотал он. — Первым был Альберт, второй — ты, Таппенс.

— А вот и нет! — воскликнула Таппенс. — Тоже мне, клавиши молчания... Ты потрогал обручальное кольцо, а я надела его на палец Альберту.

Были проведены и другие эксперименты — с тем же успехом.

— Ничего страшного, — объявил Томми. — Результат придет со временем. Я вот что скажу. Пора обедать. Мы с тобой пойдем в «Блитц», Таппенс. Слепой и его сопровождающая. Так мы кое-чему научимся.

— Боюсь, Томми, мы вляпаемся в неприятности.

— Ни в коем случае. Я буду вести себя как тот джентльмен. Готов на что угодно спорить, что к концу обеда я сумею тебя удивить.

Все возражения были отметены прочь, и через четверть часа Томми и Таппенс уже сидели за угловым столиком в Золотом зале «Блитца».

Томми пробежался пальцами по меню.

— Пилав с креветками и жареный цыпленок для меня, — пробормотал он.

Таппенс также сделала заказ, и официант удалился.

— Пока все идет нормально, — сказал Томми. — А теперь задача посложней. Какие прелестные ножки вон у той девушки в короткой юбке... той самой, что только что вошла.

— Как ты это сделал, Торн?

— Красивые ноги производят особую вибрацию, которая передается полу. Я чувствую ее своей полой тростью. Или же, если быть честным, в большом ресторане почти всегда найдется девушка с красивыми ногами, стоящая в дверях и выглядывающая друзей. И поскольку сейчас в моде короткие юбки, то красивые ноги выставлены напоказ.

Обед между тем продолжался.

— Смею предположить, что мужчина, сидящий через два столика от нас, удачливый делец с хорошими деньгами, — беззаботным тоном произнес Томми.

— Поразительно! — восхищенно отозвалась Таппенс. — Как ты догадался?

— Я не могу каждый раз объяснять тебе, как и почему. Это испортит впечатление. Официант принес шампанское столику через два стола справа

от тебя. Некая дородная женщина в черном сейчас пройдет мимо нас.

— Томми, но как ты?..

— Ага! Ты начинаешь понимать, на что я способен. Из-за столика позади тебя встает милая девушка в коричневом платье.

— А вот и нет! — возразила Таппенс. — Это молодой человек в сером костюме.

— Ох! — удрученно воскликнул Томми и сник.

В следующее мгновение двое мужчин, сидевшие неподалеку от них и с интересом наблюдавшие за молодой парой, встали и подошли к их столику.

— Простите, — сказал тот, что постарше, высокий, хорошо одетый мужчина, с моноклем в глазу и седыми усиками. — Но нам сказали, что вы мистер Теодор Блант. Могу я спросить — это действительно так?

Томми минуту помедлил, не зная, что ответить. Затем утвердительно кивнул.

— Да. Это так. Я – мистер Блант.

— Какая неожиданная удача! Мистер Блант, после обеда я как раз собирался звонить вам в офис. У меня неприятности... причем серьезные. Но, простите меня, что с вашими глазами?

— Мой дорогой сэр, — меланхолично ответил Томми, — я слеп, абсолютно слеп.

— Что?

— Вы удивлены. Но вы наверняка слышали о слепых сыщиках?

— Читал в романах. Но в жизни никогда не встречал. И конечно же, не слышал о том, что вы слепы.

— Многие люди не знают об этом, — пробормотал Томми. — Сейчас я в темных очках, чтобы защитить глазные яблоки от яркого света. Но когда я без очков, редко кто догадывается о моей немощи, если можно так выразиться. Видите ли, мои глаза не могут сбить меня с толку... Но хватит об этом. Как вам удобнее? Немедленно отправиться ко мне офис или изложить суть ваших проблем прямо сейчас? Думаю, последнее предпочтительнее.

Официант принес еще два стула, и незнакомцы сели. Второй, который до сих пор не произнес ни единого слова, был ниже ростом, более крепкого телосложения и очень смуглый.

— Это весьма деликатное дело, — сказал старший, доверительно понизив голос, и с сомнением посмотрел на Таппенс. «Мистер Блант» как будто почувствовал его взгляд.

— Позвольте представить вам моего личного секретаря, — сказал он. — Мисс Ганг. Была найдена на берегах индийской реки... младенец, замотанный в тряпье. Весьма печальная история. Мисс Ганг — мои глаза. Она повсюду сопровождает меня.

Незнакомец учтиво поклонился.

— Тогда я могу говорить прямо. Мистер Блант, моя дочь, девушка шестнадцати лет, была похищена при весьма специфических обстоятельствах. Я узнал об этом всего полчаса назад. Обстоятельства

дела таковы, что я не осмелился обратиться в полицию. Вместо этого я позвонил в ваш офис. Мне сказали, что вы ушли обедать и вернетесь в половине третьего. Я пришел сюда вместе с моим другом, капитаном Харкером...

Смуглый коротышка дернул головой и произнес нечто невнятное.

— По величайшей случайности вы оказались в этом ресторане. Нам нельзя терять времени. Вы должны немедленно поехать вместе со мною ко мне домой.

Томми осторожно запротестовал:

— Я могу быть у вас через полчаса. Сначала мне нужно заехать в офис.

Капитан Харкер, взглянув на Таппенс, должно быть, заметил улыбку в уголках ее губ.

— Нет, нет, так дело не пойдет. Вы должны поехать со мной. — С этими словами он извлек из кармана визитную карточку и протянул ее через стол. — Вот мое имя.

Томми ощупал ее.

— Мои пальцы недостаточно чувствительны, — с улыбкой признался он и передал визитку Таппенс, которая негромко прочитала:

— Герцог Блэргоури.

Она с интересом посмотрела на клиента. Герцог Блэргоури был хорошо известен как высокомерный аристократ, женатый на дочери мясника из Чикаго. На много лет моложе герцога, супруга отличалась своенравным характером, что не предвещало ни-

чего доброго для их совместной жизни. Ходили слухи о том, что в последнее время их отношения разладились.

Томми смирился с неизбежностью

— Вы поедете сразу, мистер Блант? — спросил герцог с язвительной ноткой в голосе.

— Хорошо, мы с мисс Ганг поедем с вами, — тихо произнес он. — Надеюсь, вы не станете возражать, если я позволю себе выпить большую чашку черного кофе? Его подадут быстро. Дело в том, что я страдаю головными болями, это результат заболевания глаз. Кофе успокаивает мои нервы.

Он подозвал официанта и заказал кофе. Затем повернулся к Таппенс.

— Мисс Ганг, завтра я обедаю здесь с префектом французской полиции. Запишите, пожалуйста, меню и передайте метрдотелю, чтобы он оставил за мной мой обычный стол. Я помогаю французской полиции распутывать одно дело. Гонорар... — он сделал паузу, — обещан внушительный. Вы готовы, мисс Ганг?

— Вполне, — ответила Таппенс, взяв карандаш.

— Мы начнем с салата с креветкой, который тут обычно подают. Затем... дайте подумать... да. Омлет «Блитц». И возможно, два филе из говядины *á l'etranger*[1].

---

[1] По-иностранному (*фр.*).

Подняв голову, Томми поймал на себе взгляд герцога.

— Надеюсь, вы простите меня, — произнес он, — ах, да, чуть не забыл. Суфле. *Soufflé en surprise*[1]. Это на десерт. Очень интересный человек, этот префект французской полиции. Вы случайно с ним не знакомы?

Собеседник ответил отрицательно. Таппенс встала, чтобы поговорить с метрдотелем. Она вернулась в тот момент, когда принесли кофе.

Томми не торопясь, мелкими глоточками, выпил всю большую чашку и лишь потом встал из-за стола.

— Моя трость, мисс Ганг? Благодарю вас. Куда идти?

Для Таппенс наступил мучительный момент.

— Один шаг направо, восемнадцать прямо. Через пять шагов стоит официант, обслуживает столик слева.

Небрежно поигрывая тростью, Томми направился к выходу. Таппенс держалась рядом, незаметно направляя его в нужную сторону. Все шло гладко, пока они не приблизились к дверям. Внутрь довольно торопливо вошел какой-то человек, и, прежде чем Таппенс успела предупредить «слепого мистера Бланта», тот врезался в нового посетителя. Последовали объяснения и извинения.

[1] Суфле с сюрпризом (*фр.*).

У входа в «Блитц» ожидало шикарное авто с открытым верхом. Герцог лично помог «мистеру Бланту» сесть.

— Ваша машина здесь, мистер Харкер? — бросил он через плечо.

— Да. Стоит за углом.

— Прошу вас взять с собой мисс Ганг.

Не дожидаясь ответа, он уселся рядом с Томми, и авто плавно взяло с места.

— Это весьма деликатное дело, — пояснил герцог. — Вскоре я смогу посвятить вас во все подробности.

Томми поднял руку на уровень лица.

— Теперь я могу снять очки, — любезно заметил он. — Был вынужден надеть их в ресторане. Мои глаза не переносят яркого искусственного освещения.

Увы, его руку резко дернули вниз. Одновременно в ребра уткнулось что-то твердое и круглое.

— Нет, мой дорогой мистер Блант, — произнес герцог. Голос его было не узнать. — Вы не станете снимать очки. Вы будете сидеть абсолютно тихо и неподвижно. Вы меня понимаете? Я не хочу, чтобы мой пистолет выстрелил. Видите ли, я вовсе не герцог Блэргоури. Я временно воспользовался его именем, зная, что вы не откажетесь отправиться вместе с таким именитым клиентом. Со мной дело обстоит куда более прозаично. Я — простой человек, обычный торговец ветчиной, от которого сбежала жена.

Томми вздрогнул. Его собеседник это почувствовал.

— Это вам кое о чем говорит, — хохотнул он. — Мой дорогой юноша, вы неисправимо глупы. Боюсь, очень боюсь, что ваша деятельность очень скоро прекратится. — Последние слова он произнес с неким зловещим нажимом.

Томми сидел неподвижно и ничего не ответил.

Вскоре автомобиль затормозил и остановился.

— Минутку, — произнес мнимый герцог и, сунув в рот пленнику скомканный носовой платок, закрепил его шарфом. — На тот случай, если вы проявите неблагоразумие и попытаетесь звать на помощь, — пояснил он.

Дверь автомобиля открылась, и шофер встал возле машины. Затем он и его хозяин подхватили Томми под руки и по ступенькам втащили в дом.

Дверь за ними закрылась. В воздухе чувствовался сильный восточный аромат. Томми почувствовал, как его ноги утопают в бархатистом ковре. Его бесцеремонно заставили подняться по лестнице и затолкнули в комнату, которая, как ему показалось, располагалась в задней части дома. Здесь ему связали руки. Шофер вышел, а хозяин вытащил изо рта Томми кляп.

— Теперь вы можете говорить свободно, — любезно сообщил он. — Что вы скажете в свое оправдание, молодой человек?

Томми прочистил горло и попробовал расслабить затекшие губы.

— Надеюсь, вы не потеряли мою трость, — спокойно произнес он. — Ее сделали на заказ, и она мне недешево обошлась.

— Смотрю, у вас железные нервы, — заметил хозяин дома, немного помолчав. — Или же вы просто глупец. Неужели вы не понимаете, что попались... что вы всецело в моих руках? Что вы абсолютно в моей власти? Что никто из ваших знакомых больше никогда вас не увидит?

— Может, обойдемся без мелодрамы? — поморщился Томми. — Мне что, сказать «ты негодяй, ты еще пожалеешь»? Такие вещи уже давно устарели.

— А как же девушка? — спросил незнакомец, не сводя с пленника глаз. — Вас не интересует ее судьба?

— Сложив два и два в течение моего вынужденного молчания, — ответил Томми, — я пришел к неизбежному выводу, что этот разговорчивый парень Харкер — второй участник вашего спектакля. Так что моя бедная секретарша вскоре присоединится к этому скромному чаепитию.

— В одном вы правы, в другом ошиблись. Миссис Бересфорд, — видите, я знаю все о вас, — миссис Бересфорд сюда привозить не станут. Я предпринял эту маленькую предосторожность. Мне подумалось, что ваши друзья в высших сферах, скорее всего, не спускают с вас глаз. На всякий случай разделив вас, мы затруднили задачу преследователям. Один из вас в моих руках. Итак, я жду...

Он не договорил, потому что неожиданно открылась дверь.

— Никакого «хвоста». За нами никто не следил, сэр. Все чисто.

— Отлично. Можешь идти, Грегори.

Дверь снова закрылась.

— Пока все идет нормально, — сказал мнимый герцог. — И что же мне делать с вами, мистер Бересфорд-Блант?

— Может, все-таки снимете с меня эти чертовы очки? — спросил Томми.

— Даже не надейтесь. В очках вы настоящий слепой. Без них вы будете видеть так же хорошо, как я. Это не на пользу моему плану, а ведь у меня есть план. Вы же обожаете приключенческие книжки, мистер Блант. Маленькая игра, в которую сегодня играли вы с вашей супругой, — тому доказательство. И вот теперь я тоже подготовил небольшую игру, куда более увлекательную. Думаю, вы оцените ее, когда я вам объясню ее правила... Видите ли, пол, на котором вы стоите, сделан из металла, и то здесь, то там в нем имеются небольшие выступы. Я прикасаюсь к выключателю, и... — Раздался громкий щелчок. — Электрический ток включен. Достаточно встать на такой бугорок, и... смерть! Понимаете? Если б вы могли видеть... но вы не можете видеть. Это и есть игра. Схватка Слепого со Смертью. Если же вы благополучно доберетесь до двери, вас ждет свобода! Но я думаю, что прежде чем вы дойдете до выхода, вы наступите на один

из этих бугорков. Это будет весьма увлекательное зрелище... для меня.

Шагнув к Томми, он развязал пленнику руки. Затем с насмешливым поклоном протянул ему трость.

— Слепой Проблемист. Посмотрим, сумеет ли он решить эту проблему. Я буду стоять здесь, с пистолетом наготове. Как только попробуете поднять руки и снять очки, я тотчас стреляю. Вы меня поняли?

— Абсолютно, — спокойно ответил Томми. Он заметно побледнел, но выглядел решительно. — У меня нет ни малейших шансов, верно?

— А, вот вы о чем, — произнес мнимый герцог и пожал плечами.

— Изобретательности вам не занимать, — произнес Томми. — Но вы забыли одну вещь. Кстати, могу я выкурить сигарету? Мое несчастное сердце требует успокоительных средств.

— Можете курить... но только без фокусов. Я не свожу с вас глаз. Помните, что вы у меня на мушке.

— Я не цирковая собачка, — отозвался Томми. — Фокусы не по моей части. — Достав из портсигара сигарету, он нащупал коробок спичек. — Не волнуйтесь. Я не лезу за револьвером. Вы отлично знаете, что я не вооружен. Тем не менее, как я уже говорил, вы забыли одну вещь.

— Что именно?

Томми достал из коробка спичку и приготовился чиркнуть ею.

— Я слепой, а вы зрячий. Это факт. Преимущество на вашей стороне. Но предположим, что мы оба вдруг окажемся в темноте, а? У кого тогда будет преимущество?

Он чиркнул спичкой.

«Герцог» презрительно рассмеялся.

— Думаете о том, как сделать так, чтобы я выстрелил в выключатель? Чтобы комната погрузилась в темноту? Такого не будет.

— Понимаю, — произнес Томми. — Я бессилен поместить вас во тьму. Но крайности сходятся, знаете ли. А что вы скажете насчет света?

Поднеся спичку к предмету, который держал в руке, он бросил это нечто на стол.

Комнату озарила ослепительная вспышка

Ослепленный мощным белым светом, «герцог» с минуту отчаянно моргал, затем отпрянул назад. Рука с зажатым в ней пистолетом опустилась.

Когда он снова открыл глаза, в грудь ему упиралось что-то острое.

— Бросьте пистолет! — приказал Томми. — Быстро! Я согласен с вами, что полая трость — бесполезная вещь. Поэтому у меня ее нет. А вот хороший клинок, который в ней спрятан, — полезное оружие. Вы согласны? Такое же полезное, что и магниевая проволока. Бросьте пистолет!

Чувствуя прикосновение острого клинка, «герцог» бросил оружие на пол. Затем со смехом отскочил в сторону.

— Но преимущество все равно у меня! — с издевкой бросил он. — Потому что я вижу, а вы — нет!

— Боюсь, вы ошибаетесь, — разуверил его Томми. — У меня прекрасное зрение. Очки не мешают мне видеть. Я решил разыграть Таппенс. Для начала совершить один-два промаха, а затем, ближе к концу обеда, сделать вид, что я научился отлично ориентироваться при помощи трости. Поверьте, мне ничего не стоит дойти до двери, не наступив ни на одну из ваших смертоносных выпуклостей. Но у меня нет к вам доверия... вы не из тех, кто ведет честную игру. Вы ни за что не выпустили бы меня отсюда живым. Осторожно!..

Увы, призыв не возымел действия. С перекошенным от гнева лицом мнимый герцог прыгнул вперед, в ярости забыв о том, куда можно, а куда нельзя ступать.

В следующий миг во все стороны полетели голубые искры, он пошатнулся и рухнул, как бревно. В комнате запахло паленым с легкой примесью запаха озона.

— Вот так номер! — вырвалось у Томми.

Он вытер лицо, приблизился к стене, с предельной осторожностью делая каждый шаг, и, протянув руку, щелкнул выключателем. Затем пересек комнату, подошел к двери, осторожно приоткрыл ее и выглянул наружу. Никого. Тогда он спустился по лестнице и вышел через парадную дверь.

Оказавшись на улице, Томми смог наконец вздохнуть свободно. Передернувшись от ужаса

и омерзения, он, чтобы запомнить номер, еще раз посмотрел на дом и поспешил к ближайшей телефонной будке.

Миновало несколько томительных секунд, прежде чем ему ответил хорошо знакомый голос.

— Таппенс, слава богу!

— Да, со мною все в порядке. Я тебя сразу правильно поняла. Гонорар. Креветка. Приходи в «Блитц». И следуй за двумя *etranger* — иностранцами. Альберт успел вовремя, и когда мы уехали в двух разных машинах, он бросился за мной вдогонку на такси, проследил, куда меня увезли, и тут же позвонил в полицию.

— Альберт — славный малый! — ответил Томми. — Он настоящий рыцарь. Я был уверен, что он отправится именно за тобой. Но я все равно волновался. Мне нужно многое тебе сказать. Я возвращаюсь прямо сейчас. Первое, что я сделаю, когда вернусь, — выпишу большой чек для приюта Святого Дунстана. Господи, как же, должно быть, ужасно быть слепым!

Глава 11

Полицейский в тумане

Томми был недоволен жизнью. «Блестящие сыщики Бланта» потерпели неудачу, которая больно ударила не только по их карману, но и по их гордости.

Приглашенные как профессионалы пролить свет на кражу жемчужного ожерелья в Эдлингтон-Холле, они так и не выполнили своей задачи.

Пока Томми, переодевшись католическим священником, шел по стопам погрязшей в азартных играх графини, а Таппенс «развлекалась» в обществе племянника на площадке для игры в гольф, местный инспектор полиции без шума и пыли арестовал второго лакея, который оказался вором, хорошо известным в полицейском управлении. При этом воришка не стал упираться и чистосердечно признал свою вину.

Томми и Таппенс не оставалось ничего другого, как гордо удалиться. В данный момент они искали утешения в коктейлях, которые подавали в отеле «Гранд Эдлингтон». Томми даже не успел сбросить с себя сутану.

— Вряд ли я похож на патера Брауна, — мрачно заметил он. — Однако зонтик у меня тот, что нужно.

— Этот случай не для Брауна, — заявила Таппенс. — Тут с самого начала нужна особая атмосфера. Нужно делать что-то совершенно обычное, чтобы потом начали происходить самые что ни на есть невообразимые вещи. По крайней мере, так было задумано.

— К сожалению, — возразил Томми, — нам придется вернуться в Лондон. Возможно, невообразимые вещи начнут происходить по пути на вокзал.

Он поднес к губам бокал, но жидкость в нем внезапно расплескалась. Это его по плечу ударила чья-то тяжелая рука, а трубный глас ей под стать прогудел над ухом слова приветствия:

— Кого я вижу! Провалиться мне на этом месте, да это же старина Томми! И не один, а с миссис Томми... Каким ветром вас сюда занесло? От вас ни слуху ни духу уже несколько лет!

— О, да это Балджер! — воскликнул Томми, ставя то, что осталось от его коктейля, и поворачиваясь к владельцу громкого голоса. Это был крупный широкоплечий мужчина лет тридцати со счастливым красным лицом, одетый в костюм для игры в гольф. — Старина Балджер!

— Послушай, приятель, — заявил Балджер (чье настоящее имя, между прочим, было Мервин Исткорт). — Вот уж не знал, что ты принял святой обет. Подумать только, ты теперь священник!

Таппенс расхохоталась. Томми смутился. Внезапно они заметили рядом с собой четвертого человека. Высокое, стройное создание с золотыми волосами и голубыми глазами, красивое до невозможности, в дорогом черном платье с прекрасной горностаевой накидкой. В ушах — огромные жемчужные серьги. Оно... вернее, она улыбалась, и ее улыбка говорила о многом. Например, она утверждала, что ее обладательница прекрасно знает, что второй такой красавицы, как она, нет во всей Англии, а возможно, и на всем свете. Нет-нет,

в этой улыбке не было и капли тщеславия. Просто ей это было точно известно, и всё.

И Томми и Таппенс мгновенно ее узнали. До этого они трижды видели ее в «Секретах сердца», и еще столько же раз в другой нашумевшей пьесе, «Огненный столп», и в бессчетном количестве других. Наверное, не было во всей Англии другой такой актрисы, которая сумела бы так завоевать сердца зрителей, как мисс Джильда Глен. О ней писали, что она первая красавица во всей Англии. Впрочем, поговаривали, что и самая глупая.

— Моя старая знакомая, мисс Глен, — произнес Исткорт слегка виноватым тоном, как будто совершил непростительную бестактность, на минуту забыв про столь блистательное создание. — Томми и миссис Томми, позвольте познакомить вас с мисс Джильдой Глен.

Его голос был исполнен гордости. Будучи на балу в обществе мисс Глен, он самодовольно купался в лучах ее красоты и, как ему казалось, всеобщей зависти.

Актриса с нескрываемым интересом посмотрела на Томми.

— Вы действительно священник? — спросила она. — В смысле католический? Мне почему-то казалось, что у них не бывает жен.

Исткорт расхохотался.

— Это да! — прогудел он. — Ты хитрый пес, Томми. Как я рад, миссис Томми, что он не оставил вас и прочие соблазны этого мира.

Джильда Глен даже не посмотрела в его сторону, продолжая озадаченно таращиться на Томми.

— Так вы священник? — потребовала она ответ.

— Редко кто из нас является тем, кем кажется, — уклончиво ответил Томми. — Моя профессия в чем-то сродни священнику. Я отпускаю грехи, выслушиваю исповеди...

— Не слушай его, — перебил его Исткорт. — Он водит тебя за нос

— Так вы не священник? Не понимаю, зачем вам тогда понадобилось облачаться в сутану, — продолжала недоумевать Джильда. — Разве только, если вы...

— Не преступник, скрывающийся от правосудия, — закончил ее мысль Томми. — Нечто противоположное.

— О! — Актриса нахмурила брови и одарила его взглядом прекрасных растерянных глаз

«Интересно, дойдет ли до нее, — подумал Томми, — или только если я скажу открытым текстом, причем в односложных словах?»

Вслух же он произнес следующее:

— Послушай, Балджер, ты, часом, не знаешь расписание поездов на Лондон? А то нам пора домой. Кстати, и далеко ли отсюда до станции?

— Десять минут пешком. Но ты не торопись. Следующий поезд будет лишь в шесть тридцать пять. Сейчас же только без двадцати шесть. Ты только что опоздал на предыдущий.

— А в какую сторону отсюда станция?

— При выходе из отеля повернуть налево, затем... дай подумать... лучше всего пройти по Морган-авеню.

— Морган-авеню? — Мисс Глен вздрогнула и посмотрела на него испуганными глазами.

— Я знаю, о чем ты подумала, — рассмеялся Исткорт. — О Призраке. Вдоль Морган-авеню с одной стороны тянется кладбище. Согласно местным поверьям, некий полицейский, погибший насильственной смертью, бродит по Морган-авеню, потому что когда-то это был его участок. Полицейский-призрак! Вы представляете себе? Но сколько людей клянутся, будто видели его собственными глазами!

— Полицейский? — переспросила мисс Глен и поежилась. — Но ведь на самом деле нет никаких призраков. То есть неужели они все-таки бывают?

Она поднялась, плотнее завернулась в горностаевый палантин и бросила мужчинам:

— До свидания!

Таппенс актриса демонстративно игнорировала на протяжении всего разговора. Вот и теперь она даже не удостоила ее взглядом. Зато уходя, обернулась через плечо и оценивающе посмотрела на Томми.

Не успела она подойти к двери, как ей навстречу попался высокий седой мужчина с красным одутловатым лицом, которой при виде ее издал удивленный возглас.

Взяв ее под локоть, он вывел ее в дверь, что-то взволнованно ей рассказывая.

— Красивое создание, не правда ли? — спросил Исткорт. — Мозги как у кролика. Говорят, что она выходит замуж за лорда Леконбери. Кстати, в дверях это он и был.

— Лично на меня он произвел довольно отталкивающее впечатление, — заметила Таппенс.

Исткорт пожал плечами.

— Титул есть титул, — заявил он. — Кроме того, я бы не назвал Леконбери безденежным бароном. Она ни в чем не будет знать отказа. Никто не знает, откуда Джильда родом. Предполагаю, что из какого-то места рядом со сточной канавой. Кстати, есть нечто загадочное в том, что ее занесло сюда. Насколько мне известно, остановилась она не в гостинице. Когда же я попытался выяснить, где же все-таки она остановилась, мисс Глен тотчас же довольно грубо отмахнулась от меня, как умеет делать только она. Эх, хотел бы я знать, в чем тут дело...

Он посмотрел на часы и воскликнул:

— Мне пора! Был рад видеть вас обоих. Надо как-нибудь вечерком встретиться втроем в Лондоне. Пока!

С этими словами Исткорт поспешил прочь. Не успел он уйти, как к Томми и Таппенс приблизился лакей с подносом, на котором лежала записка. Адресат ее не был указан.

— Это вам, сэр, — сказал он, обращаясь к Томми. — От мисс Джильды Глен.

Томми надорвал листок и с любопытством пробежал глазами текст. Внутри оказалось лишь несколько кое-как нацарапанных строк.

Я не уверена, можете ли вы мне помочь. Но вы пойдете той дорогой к станции. Не могли бы вы быть у Уайт-хаус на Морган-авеню в десять минут седьмого?

Искренне ваша,
Джильда Глен

Томми кивнул лакею, и тот удалился, после чего показал записку Таппенс.

— Поразительно! — заявила та. — Это потому, что она до сих пор считает тебя священником?

— Нет, — задумчиво произнес Томми. — Думаю, скорее потому, что до нее наконец дошло, что никакой я не священник... Привет. Это еще что такое?

«Что такое» оказалось молодым человеком с огненно-рыжими волосами и задиристым подбородком, на котором была старая, поношенная одежда. Он вошел в зал и теперь расхаживал взад-вперед, что-то бормоча себе под нос.

— Проклятье! — заявил рыжеволосый сердито и громко. — Что тут еще скажешь? Проклятье!

Он опустился в кресло рядом с молодой парой и злобно посмотрел на них.

— Будь прокляты все женщины, вот что я скажу! — заявил он, свирепо глядя на Таппенс. — Да-

да, если хотите, можете закатить скандал. Или выставить меня из отеля. Мне не привыкать! Разве мы не имеем права говорить то, что думаем? С какой стати мы должны все носить в себе, сдерживать наши чувства, улыбаться и говорить то, что говорят другие? Не хочу быть приятным и вежливым. Эх, с каким удовольствием я схватил бы кого-нибудь за горло и медленно придушил!

Он умолк.

— Кого-то конкретного или любого? — поинтересовалась Таппенс.

— Одного конкретного человека, — мрачно ответил молодой человек.

— О, как интересно, — сказала Таппенс. — Не желаете рассказать поподробнее?

— Мое имя Рейли, — ответил рыжеволосый. — Джеймс Рейли. Возможно, вы его слышали. Я написал томик «Пацифистских виршей». Хорошие вещи, даже если это говорю я сам.

— «Пацифистских виршей»?

— Да, а почему бы нет? — воинственно спросил мистер Рейли.

— Что вы, я просто спросила, — поспешила успокоить его Таппенс.

— Я за мир на все времена, — с пафосом заявил мистер Рейли. — К черту войну. И женщин! Женщин! Вы видели это создание, которое только что вертелось здесь? Джильда Глен, называет она себя. Джильда Глен! О боже, как я боготворил эту женщину! И я вот что вам скажу: если у нее есть сердце,

то оно на моей стороне. Когда-то она любила меня, и я могу заставить ее полюбить меня вновь. Если же она продаст себя этой навозной куче, этому Леконбери — что ж, помоги ей Господь. Я убью ее своими собственными руками!

Сказав это, рыжеволосый поэт-пацифист поднялся и выбежал из зала.

Томми удивленно выгнул бровь.

— Какой, однако, нервный джентльмен, — пробормотал он. — Таппенс, по-моему, нам пора.

Когда они вышли из отеля, в прохладном вечернем воздухе уже начал сгущаться туман. Следуя совету Исткорта, супруги резко свернули налево и через несколько минут подошли к повороту, обозначенному как Морган-авеню.

Здесь туман был еще гуще. Мягкий и белый, он, извиваясь, плыл мимо них. Слева виднелась высокая стена кладбища. Справа протянулся ряд невысоких домов. Затем дома закончились, а их место заняла высокая живая изгородь.

— Томми, — призналась Таппенс, — мне немножко не по себе. Этот туман и тишина... Как будто на целые мили вокруг кроме нас никого.

— Да, есть такое ощущение, — согласился Томми. — Как будто мы одни во всем мире. Это эффект тумана, потому что мы не видим, что там впереди.

Таппенс кивнула.

— Лишь наши шаги эхом отдаются по тротуару... Ой, что это?

— Что именно?

— Мне показалось, будто я услышала позади нас шаги.

— Если ты будешь себя пугать, то через минуту увидишь призрака, — мягко заметил Томми. — Главное, не нервничай. Или ты боишься, что этот призрак-полицейский вдруг положит руку тебе на плечо?

— Прекрати, Томми! — взвизгнула Таппенс. — Не вкладывай мне в голову такие мысли.

Она обернулась через плечо, всматриваясь в молочно-белый туман, который обволакивал их с головы до ног.

— Я снова их слышу, — прошептала она. — Только теперь они впереди. Томми, только не говори, что ты их не слышишь.

— Нет, что-то я слышу. Да-да, чьи-то шаги у нас за спиной. Кто-то еще идет этой же дорогой на станцию. Интересно...

Он резко остановился и замер. Таппенс негромко ахнула.

Завеса тумана впереди них внезапно самым удивительным образом расступилась, и в футах двадцати от них, как будто материализовавшись из тумана, появилась огромная фигура полицейского. Еще мгновение назад его там не было, как вдруг он предстал перед ними — или, по крайней мере, так показалось их разыгравшемуся воображению. Затем туман слегка откатился назад, и за его спиной, подобно театральным декорациям, появился некий пейзаж.

Внушительного роста полицейский в синей форме. Красный почтовый ящик. Справа от дороги очертания белых стен дома.

— Красный, белый, синий, — проворчал Томми. — Прямо как на флаге... Пойдем, Таппенс, нам нечего бояться.

Полицейский — он сумел это рассмотреть — был настоящий. Более того, он был не так уж и велик ростом, как это показалось из-за тумана.

Увы, стоило им двинуться дальше, как позади них снова раздались шаги, а в следующую секунду их торопливо обогнал какой-то человек. Он свернул возле ворот к белому дому, поднялся по ступенькам и оглушительной дробью постучал в дверь медной колотушкой. Когда Томми и Таппенс дошли до того места, где, пристально глядя на него, застыл полицейский, его уже впустили в дом.

— Похоже, наш джентльмен торопится, — заметил полицейский.

Он говорил медленно и задумчиво, как будто его мыслям требовалось какое-то время, чтобы созреть.

— Такие, как он, вечно куда-то торопятся, — заметил Томми.

Полицейский медленно обернулся и подозрительно посмотрел на него.

— Это ваш знакомый? — резко спросил он. В его голосе явственно слышалось подозрение.

— Нет, — ответил Томми. — Но я чисто случайно знаю, кто он такой. Его имя Рейли.

— А! — протянул полицейский. — Кажется, мне пора.

— Вы не могли бы сказать нам, где находится Уайт-хаус? — спросил у него Томми.

Констебль мотнул головой в сторону белого дома.

— Вон он. Там живет миссис Ханикотт. — Он задумался, как будто решал про себя, делиться с ними ценной информацией или лучше не стоит. — Мнительная особа. Ей постоянно мерещатся взломщики. Вечно просит меня присмотреть за ее домом. Женщины в годах все такие.

— В годах? — уточнил Томми. — Вы, случайно, не знаете, остановилась ли в доме некая молодая особа?

— Молодая особа? — задумчиво переспросил полицейский. — Молодая особа... Нет, боюсь, я ничего о ней не знаю.

— Томми, она могла остановиться где-то еще, — сказала Таппенс. — Или же вообще пока ее здесь нет. Она ушла всего за минуту до нас.

— А! — внезапно воскликнул полицейский. — Теперь припоминаю. Да, в ворота действительно вошла некая молодая особа. Я видел ее, когда шел по дороге. Минуты три-четыре назад.

— В горностаевой накидке? — с волнением уточнила Таппенс.

— Да. У нее вокруг шеи был обернут какой-то кролик, — подтвердил полицейский.

Таппенс улыбнулась. Затем служитель закона пошел дальше — в ту сторону, откуда они только что пришли. Они же приготовились войти в ворота белого дома.

Внезапно внутри раздался сдавленный крик, а в следующий миг входная дверь распахнулась, и на крыльцо выбежал Джеймс Рейли. Его бледное лицо было перекошено ужасом, глаза сверкали безумием. Шатаясь, как пьяный, он прошел мимо Томми и Таппенс, как будто даже не заметил их, бормоча себе под нос одну и ту же фразу:

— О боже! О боже! О боже!

Дойдя до ворот, он схватился за столб, как будто боялся упасть. Затем, постояв немного, как будто охваченный внезапной паникой, со всех ног бросился по дороге в направлении, противоположном тому, куда ушел полицейский.

Глава 12

Полицейский в тумане
(продолжение)

Томми и Таппенс озадаченно посмотрели друг на друга.

— Что ж, — произнес Томми. — Похоже, в доме случилось нечто такое, что до смерти перепугало нашего друга Рейли.

Таппенс рассеянно провела пальцем по столбу ворот.

— Должно быть, он испачкал руку красной краской, — заметила она.

— Хм, — скептически хмыкнул Томми. — Думаю, нам нужно поскорее зайти внутрь. Что-то здесь не то.

В дверях дома застыла горничная в белом чепце, возмущенная до такой степени, что в первую минуту не нашлась, что сказать.

— Вы когда-нибудь видели что-то в этом роде, святой отец? — крикнула она, пока Томми поднимался на крыльцо. — Этот тип приходит, спрашивает про молодую леди, бросается наверх — и никаких вам «здравствуйте» или «как поживаете»! Затем она кричит, как дикая кошка, что неудивительно... бедняжка... а он сбегает вниз, причем на нем лица нет, как будто только что увидел призрака. Что бы это все значило?

— С кем ты там разговариваешь у входной двери, Эллен? — раздался откуда-то из коридора скрипучий женский голос.

— Хозяйка, — пояснила Эллен, хотя это было и без того понятно.

Служанка отступила в сторону, и Томми оказался лицом к лицу с худой, немолодой, седовласой женщиной с колючими голубыми глазами, в пенсне и в черном платье с отделкой из стекляруса.

— Миссис Ханикотт? — спросил Томми. — Я пришел проведать мисс Глен.

Миссис Ханикотт смерила его пронзительным взглядом, затем пристально посмотрела на Таппенс, мысленно отмечая все мелочи в ее внешности.

— Ах, вот он что! — сказала она. — Ну что же, тогда проходите.

Она провела их по коридору в комнату в задней части дома, окна которой выходили в сад. В целом комната была довольно просторная, однако выглядела меньше своих размеров, так как до отказа была забита столами и стульями. В камине пылал огонь, рядом стояла обитая веселеньким ситцем софа. Обои были в узкую серую полоску, по их верху тянулся бордюр с рисунком в розочку. Стены увешаны гравюрами и живописными полотнами.

Комната эта никак не вязалась с такой роскошной особой, какой была мисс Джильда Глен.

— Садитесь, — пригласила миссис Ханикотт. — Во-первых, прошу меня извинить, если я скажу, что не питаю особых симпатий к католичеству. И никогда не рассчитывала увидеть в своем доме католического священника. Но если Джильда перешла в лоно Римской Блудницы, то лично я не вижу в этом ничего удивительного, если учесть, какую жизнь она ведет. Впрочем, могло быть и хуже. Она вообще могла не принадлежать ни к какой церкви. Я была бы лучшего мнения о католических священниках, имей они жен. Я всегда привыкла говорить то, что думаю. А чего стоят эти монастыри! Сколько в них заперто красивых девушек, и никто

не знает, какова их дальнейшая судьба... Об этом даже страшно подумать!

Миссис Ханикотт умолкла и перевела дух.

Томми не стал вставать за защиту целибата духовенства, равно как касаться других щекотливых вопросов, а сразу перешел к делу.

— Насколько я понимаю, миссис Ханикотт, мисс Глен сейчас в этом доме?

— Да. Скажу сразу, я этого не одобряю. Брак есть брак, а муж есть муж. Как постелешь постель, так в ней и поспишь.

— Боюсь, я плохо вас понял, — растерянно произнес Томми.

— Я так и подумала. Именно поэтому и пригласила вас войти. Вы можете подняться к Джильде, после того как я высказалась по этому поводу. Она пришла ко мне — после всех этих лет, подумать только! — и попросила меня помочь ей. Хотела, чтобы я посмотрела на этого человека и уговорила его согласиться на развод. Я ей тотчас же заявила, что не желаю иметь с этим ничего общего. Развод — это грех. Но разве я могла отказать родной сестре в крыше над головой? Нет, конечно.

— Родной сестре? — воскликнул Томми.

— Да, Джильда — моя родная сестра. Неужели она вам этого не сказала?

Томми смотрел на нее, разинув рот. Невероятно! Быть того не может! Впрочем, Джильда Глен блистает своей ангельской красотой уже много лет. Помнится, он еще маленьким мальчиком ходил на

спектакли с ее участием... Так что да, такое возможно. Но какой контраст! Так вот откуда родом эта блистательная Джильда Глен! Из добропорядочной, но отнюдь не богатой семьи. Как же хорошо она охраняет свой секрет...

— И все же я не могу понять одного, — сказал Томми. — Ваша сестра замужем?

— Убежала из дома и вышла замуж в семнадцать лет, — сухо произнесла миссис Ханикотт. — За человека гораздо ниже себя. Наш отец был пастором. Боже, какой позор! Затем она бросила мужа и пошла на сцену. Стала актрисой! Я за всю свою жизнь ни разу не была в театре. Я не желаю осквернять себя грехом. И вот теперь, после стольких лет, она решила развестись с мужем. Не иначе как собралась замуж за какого-нибудь толстосума. Но муж ни в какую — никаких разводов. Как только она его не уламывала — и грозила, и пыталась подкупить... Я искренне восхищена им.

— А как его имя? — внезапно спросил Томми.

— Вы не поверите, но я не помню. Последний раз я слышала его двадцать лет назад. Отец запретил упоминать его в нашем доме. Я отказалась обсуждать этот вопрос с Джильдой. Мое мнение ей известно, и этого достаточно.

— Его звали, случайно, не Рейли?

— Может быть... Честное слово, не могу вам точно сказать. Оно начисто вылетело из моей головы.

— Тот, о ком я говорю, только что здесь был.

— Ах, этот!.. Я подумала, что он сбежал из сумасшедшего дома. Знаете, я была в кухне, давала распоряжения Эллен. Я только что вернулась в эту комнату и как раз подумала о том, пришла ли она или нет — у нее есть свой ключ, — когда услышала ее. Она на пару минут замешкалась в прихожей, после чего поднялась к себе наверх. Спустя минуты три началась эта катавасия. Я вышла в прихожую и увидела, как какой-то человек взбежал наверх. Затем наверху раздался какой-то крик, а потом снова появился этот тип. На сей раз он, как безумный, сбежал вниз. Странные вещи творятся на этом свете.

Томми встал.

— Миссис Ханикотт, разрешите нам тотчас же подняться наверх. Я боюсь...

— Чего именно?

— Что в вашем доме нет свежей красной краски.

Мисси Ханикотт недоуменно посмотрела на него:

— Разумеется, нет.

— Этого я и боялся, — серьезно произнес Томми. — Прошу вас, разрешите нам подняться в комнату вашей сестры.

Миссис Ханикотт тотчас умолкла и повела их за собой наверх. В прихожей они увидели Эллен, но та поспешила скрыться в одной из комнат. Открыв первую дверь на втором этаже, миссис Ханикотт

переступила порог. Томми и Таппенс вошли вслед за ней.

В следующий миг миссис Ханикотт вскрикнула и отшатнулась.

На диване неподвижно распростерлась фигура в черном платье и горностаевом палантине. Лицо ее было нетронутым — все то же прекрасное, бездушное, похожее на лицо спящего ребенка. На голове сбоку зияла рана — по всей видимости, оставленная каким-то тяжелым предметом, которым ей раскроили череп. Кровь все еще медленно капала на пол, но сама рана уже прекратила кровоточить.

Томми, от ужаса бледный как мел, осмотрел неподвижную фигуру.

— Понятно, — произнес он. — Значит, он все-таки ее не задушил.

— Что вы хотите этим сказать? Кто? — вскричала миссис Ханикотт. — Она мертва?

— О да, миссис Ханикотт, она мертва. Вернее, убита. Вопрос в другом — кем? Впрочем, не такой уж это сложный вопрос. Странно — несмотря на все его угрозы, крайне сомнительно, чтобы ему хватило смелости это сделать...

Томми на минуту задумался, затем решительно повернулся к Таппенс.

— Будь добра, выйди из дома и приведи полицейского или на крайний случай позвони откуда-нибудь в участок.

Таппенс кивнула. Она тоже была бледна как мел. Томми повел миссис Ханикотт вниз.

— Не хотелось бы, чтобы в этом деле возникла какая-нибудь ошибка, — сказал он. — Вы можете сказать, когда именно ваша сестра вошла в дом?

— Помню, — ответила женщина. — Я как раз переводила настенные часы на пять минут назад, как я делаю каждый вечер. Они каждый день убегают на пять минут. По моим наручным часам было ровно восемь минут седьмого, а они идут точно, не убегают и не отстают.

Томми кивнул. Это лишь подтверждало слова полицейского. Тот видел, как женщина в белой меховой накидке вошла в ворота минуты за три до того момента, как к этому месту подошли они с Таппенс. Тогда он сам посмотрел на часы, отметив про себя, что опоздал к назначенной встрече всего на одну минуту.

Существовал крошечный шанс, что кто-то поджидал Джильду Глен в ее комнате. Но если это так, то человек этот должен был прятаться где-то в доме. Но ведь никто из него не выходил — за исключением Джеймса Рейли...

Томми взбежал наверх и быстро, но внимательно осмотрел помещение. Спрятаться здесь было негде.

Тогда он расспросил Эллен. Сообщив ей трагическое известие, сыщик дождался, когда иссякнет поток ее стенаний и обращений к святым, после чего задал ей несколько вопросов. «Скажите, кто-нибудь заходил в дом и справлялся о мисс Глен?» — «Никто». — «Была ли она сама наверху

этим вечером?» — «Да, как обычно, в шесть часов, поднялась наверх задернуть шторы. Если не в шесть ровно, то в самом начале седьмого часа. Как раз перед тем, как к ним ворвался, сломав колотушку, этот сумасшедший...» Она бросилась вниз, чтобы открыть ему дверь. Он же явился с черными планами в сердце, будь он проклят, убийца...

Томми решил, что с него достаточно. Тем не менее ему почему-то было жаль Рейли. Не хотелось думать о нем плохо. Но кто, кроме него, мог убить Джильду Глен? Единственные, кто был на тот момент в доме, — это миссис Ханикотт и Эллен.

Услышав в прихожей голоса, Томми пошел посмотреть, кто это, и увидел Таппенс и полицейского, которого до этого встретил на улице. У констебля в руках был блокнот и довольно тупой карандаш, который он исподтишка лизал. Поднявшись наверх, страж закона лишь посмотрел на жертву, добавив при этом, что не будет ничего трогать, ибо в противном случае его ждет нагоняй от инспектора.

Затем он выслушал истерические всхлипы миссис Ханикотт и ее сбивчивые объяснения, время от времени что-то записывая в блокнот. В целом же его присутствие оказало на нее благотворное влияние, и она успокоилась.

Наконец Томми вывел его на пару минут на крыльцо, откуда он затем удалился, чтобы позвонить в управление.

— Послушайте, — сказал Томми. — По вашим словам, вы видели, как покойная входила в ворота. Вы уверены, что она была одна?

— Разумеется, она была одна. С нею никого не было.

— И между тем моментом и другим, когда вы встретили нас, никто не выходил из ворот?

— Ни души.

— Но если бы кто-то вышел, вы увидели бы?

— Конечно же! Но никто не вышел, лишь выбежал этот сумасшедший.

Блюститель законности и правопорядка с важным видом спустился с крыльца. На белом столбе ворот по-прежнему виднелся красный отпечаток чьей-то руки. Полицейский остановился рядом.

— Явный непрофессионал, — укоризненно произнес он. — Кто же оставляет такие улики?

С этими словами он зашагал по дороге.

На следующий день после убийства Томми и Таппенс по-прежнему были в «Гранд-отеле». Томми решил, что ему есть смысл снять с себя сутану.

Джеймса Рейли поймали и посадили за решетку. У его адвоката, мистера Марвелла, только что состоялся долгий разговор с Томми на тему убийства.

— Я никогда не поверю, что Джеймс Рейли убийца, — просто сказал он. — Да, он любитель кидаться угрозами, но не более того.

Томми кивнул.

— Когда вся энергия человека уходит в слова, ее почти не остается на действия. К сожалению, я буду одним из главных свидетелей против него. Разговор, который состоялся между нами незадолго до убийства, выставляет его не в самом выгодном свете. И все же, несмотря ни на что, он мне симпатичен, и будь еще один подозреваемый, я бы сказал, что Джеймс Рейли невиновен. А что говорит он сам?

Адвокат поджал губы.

— Он утверждает, что нашел ее мертвой. Что, разумеется, невозможно. Он цепляется за первую же ложь, которая пришла ему в голову.

— Потому что случись ему говорить правду, это означало бы, что преступление совершила наша сварливая миссис Ханикотт, а это уже из области фантастики. Так что остается только он.

— Помните, горничная услышала ее крик?

— Горничная? Ах да!..

Томми на минуту задумался, а затем произнес:

— Какие, однако, мы доверчивые существа! Верим свидетельским показаниям, как будто это евангельская истина... Но что это на самом деле? Лишь впечатления, переданные в мозг нашими чувствами. Но что, если это ложные впечатления?

Адвокат пожал плечами.

— О да. Мы все знаем, что есть ненадежные свидетели, которые со временем помнят даже больше, чем в начале, причем у них и в мыслях нет кого-то обманывать.

— Я имею в виду не только это. Я хочу сказать, что все мы говорим то, чего на самом деле не было, и даже сами этого не замечаем. Например, и вы, и я, вне всякого сомнения, не раз говорили «принесли почту», хотя на самом деле лишь слышали двойной стук в дверь или громыхание почтового ящика. Девять раз из десяти мы были правы — действительно, это почтальон принес почту. Но в десятый раз это может быть лишь уличный мальчишка, который задумал подшутить над нами. Теперь вы меня поняли?

— В целом да, — неуверенно протянул Марвелл. — Одно непонятно, на что вы намекаете?

— Вот как?.. Впрочем, я и сам не уверен. Но, кажется, начинаю понимать... Это как палка. Таппенс, ты помнишь? Один ее конец всегда смотрит в одну сторону, а противоположный — в другую. Все зависит от того, за какой конец вы ее держите. Двери открываются, но они и закрываются. Люди поднимаются наверх, но они также спускаются вниз. Коробки закрываются, но они также и открываются.

— Ты это о чем? — не поняла Таппенс.

— На самом деле все проще простого, — сказал Томми. — И тем не менее до меня это только что дошло. Откуда вы знаете, что кто-то вошел в дом? Вы слышите, как дверь открылась, а потом захлопнулась, и если вы кого-то ждете, то подумаете, что кто-то вошел. Хотя на самом деле с тем же успехом кто-то мог выйти из дома.

— Но ведь мисс Глен не выходила из дома?

— Нет, и мы точно это знаем. Вышел кто-то другой — убийца.

— Тогда как же она вошла?

— Она вошла в тот момент, когда миссис Ханикотт на кухне разговаривала с Эллен. Они не слышали, как она вошла. Миссис Ханикотт вернулась в гостиную, задумалась о том, пришла ли сестра, и начала поправлять стрелки часов. В следующий миг она услышала, как Джильда вошла и зашагала вверх по лестнице.

— И что это было? Ну, эти шаги вверх по лестнице?

— Это была Эллен. Она поднялась наверх, чтобы задернуть шторы. Помнишь, миссис Ханикотт сказала, что ее сестра перед тем, как подняться к себе, на минуту замешкалась? Эта пауза — то самое время, какое потребовалось Эллен для того, чтобы выйти из кухни в прихожую. Она на секунду разминулась с убийцей.

— Но, Томми! — воскликнула Таппенс. — А крик?

— Это кричал Джеймс Рейли. Кстати, ты заметила, какой высокий у него голос? В моменты эмоционального напряжения многие мужчины кричат женскими голосами.

— Но убийца?.. Мы бы его увидели.

— А мы его видели. Мы даже разговаривали с ним. Ты помнишь, как внезапно появился полицейский? Это потому, что он вышел из ворот,

а в тот момент туман слегка рассеялся. Помнишь, мы с тобой даже вздрогнули от испуга... В конце концов, хотя мы никогда об этом не задумываемся, полицейские такие же люди, как и все мы. Они любят, они ненавидят, они женятся....

Думаю, Джильда Глен внезапно встретила у ворот своего мужа и привела его в дом, чтобы уломать его дать ей развод. Вспомним и то, что, в отличие от Рейли, у него не было времени выплеснуть свои эмоции. Он пришел в ярость, а в руке, как назло, оказалась дубинка...

Глава 13

Хрустун

— Таппенс, — произнес Томми, — нам необходим офис попросторней.

— Чушь, — фыркнула та. — Или ты зазнался и вообразил себя миллионером лишь потому, что благодаря везению раскрыл пару-тройку грошовых дел?

— То, что одни называют везением, другие называют умением.

— Ну конечно, если ты считаешь себя вторым Шерлоком Холмсом, Торндайком Маккарти и братьями Оквуд в одном лице, то мне сказать больше нечего. Хотя лично я бы предпочла, чтобы на моей стороне было везение, а не все умение этого мира.

— Что ж, в твоих словах что-то есть, — согласился Томми. — Тем не менее, Таппенс, нам необходим офис попросторнее.

— Но зачем?

— Все дело в классиках, — ответил Томми. — Нам дополнительно нужно несколько сот ярдов книжных полок, если мы хотим должным образом представить все случаи, описанные Эдгаром Уоллесом[1].

— Но у нас их пока не было ни одного!

— Боюсь, что никогда и не будет, — ответил Томми. — Как ты, наверное, заметила, начинающему сыщику у него даже не на что рассчитывать. Другое дело — Скотленд-Ярд, где все поставлено на профессиональную основу и никакого любительства.

В дверях появился юный Альберт.

— К вам инспектор Мэрриот, — объявил он.

— Таинственный человек Скотленд-Ярда, — пробормотал Томми.

— Самый главный из всех Ищеек, — добавила Таппенс. — Или из всех Носов: вечно я их путаю.

В кабинет, сверкая улыбкой, шагнул инспектор.

— Как дела? — весело осведомился он. — Кстати, как вам наше недавнее маленькое приключение? Надеюсь, вы уже пришли в себя?

---

[1] Эдгар Уоллес (1875–1932) — английский писатель, драматург, киносценарист, журналист, основоположник литературного жанра «триллер».

— О да! Конечно! — отозвалась Таппенс. — Слишком замечательное, чтобы быть правдой.

— Я бы не стал отзываться о нем именно так, — осторожно заметил Мэрриот.

— Что привело вас к нам сегодня, Мэрриот? — поинтересовался Томми. — Надеюсь, не только забота о нашей нервной системе?

— Нет, — честно признался инспектор. — У меня есть работа для «Блестящих сыщиков Бланта».

— Ха! — воскликнул Томми. — Для начала дайте моему лицу принять блестящее выражение.

— Я пришел сделать вам одно предложение, мистер Бересфорд. Как вы отнесетесь к тому, если я поручу вам поймать целую банду?

— Неужели такие бывают? — уточнил Томми.

— Что вы хотите этим сказать — «такие бывают»?

— Мне всегда казалось, что банды бывают лишь в книгах, как и все эти супермошенники и мега-преступники.

— Скажем там, супермошенник — явление довольно редкое, — согласился инспектор, — а вот банд, да благослови вас Господь, сэр, вокруг сколько угодно.

— Я сильно сомневаюсь, что мне по силам тягаться с целой бандой, — сказал Томми. — Любительские преступления, тихие семейные разборки — согласен, в таких делах я действительно дока. Драма семейных интересов — вот мой конек. Спасибо Таппенс, которая всегда готова подсказать мне массу мелких женских нюансов, которые, между

прочим, крайне важны. Ведь тупой представитель мужского пола склонен оставить их без внимания.

Поток его красноречия внезапно был прерван — это Таппенс швырнула в него подушкой и попросила не нести чушь.

— Обещаю, сэр, что скучно вам не будет, — заявил инспектор Мэрриот, отечески улыбаясь супругам. — Надеюсь, вы не обидитесь, если я вам скажу, что, глядя на вас, мне всегда приятно видеть, как люди наслаждаются жизнью.

— Мы наслаждаемся жизнью? — удивилась Таппенс. — Наверное, вы правы. Просто раньше я никогда об этом не думала.

— А теперь вернемся к нашей банде, — сказал Томми. — Несмотря на мою широкую частную практику, герцогинь, миллионеров и всех этих председательниц, наверное, я все же соглашусь взять на себя это расследование. Не хочу, чтобы Скотленд-Ярд в чем-то упрекали. Вы и глазом не успеете моргнуть, как в вас зубами вцепится «Дейли мейл».

— Как я уже сказал, вам не помешает чуть-чуть развлечься. Вот, собственно, и всё. — Инспектор вновь подвинул стул ближе. — Последнее время ходит огромное количество фальшивых банкнот. Вы даже не представляете, сколько их. Счет идет на сотни! Причем самого высокого качества. Взгляните сами.

С этими словами он вытащил из кармана банкноту в один фунт и протянул ее Томми.

— Почти как настоящая, не так ли?

Сыщик с интересом принялся рассматривать денежную купюру.

— Клянусь Юпитером, я бы никогда не заподозрил, что с нею что-то не так!

— Вот и остальные люди точно так же... Ну а теперь взгляните на настоящую. Я укажу вам различия, сколь бы мелкими те ни были. Вскоре вы и сами научитесь их различать. Возьмите лупу.

Через пять минут Томми и Таппенс уже стали в этом деле неплохими экспертами.

— Так что вы от нас хотите, инспектор? — спросила Таппенс. — Быть начеку в отношении фальшивых денег?

— О, гораздо больше, миссис Бересфорд. Вы — моя последняя надежда. Я уповаю на то, что с вашей помощью я все-таки раскрою это дело. Видите ли, я обнаружил, что весь Вест Энд буквально наводнен фальшивыми купюрами. Их явно распространяет некто такой, кто занимает в обществе высокое положение. Они уже в ходу и на другом берегу Ла-Манша. Так вот, есть некая личность, которая вызывает у меня интерес. Некий майор Ледлоу. Возможно, вы уже слышали это имя.

— Думаю, да, — ответил Томми. — Оно мелькало в связи со скачками, если не ошибаюсь.

— Верно. Майор Ледлоу хорошо известен в этих кругах. Собственно говоря, против него ничего нельзя сказать, однако общее впечатление таково, что он был замешан в паре довольно сомнительных

сделок. Когда упоминается его имя, кое-кто брезгливо морщит нос. О его прошлом почти ничего не известно. Мы не знаем, кто он и откуда родом. У него хорошенькая жена-француженка, за которой, где бы они ни появились, всегда увивается вереница кавалеров. Похоже, денег у них много, и мне интересно узнать, откуда они у них.

— Наверное, от вереницы кавалеров, — предположил Томми.

— Да, общее мнение таково. Однако лично я не уверен. Возможно, это совпадение, но бóльшая часть фальшивых купюр происходят от некоего небольшого, но шикарного картежного клуба, и супруги Ледлоу — его постоянные посетители. Завсегдатаи. Все эти картежники и игроки на скачках — большие любители сорить бумажными деньгами. Согласитесь, это самый легкий способ пустить в обращение фальшивые купюры.

— И с какого бока нам браться за это дело?

— Сейчас скажу. Юный Сент-Винсент и его жена — ваши друзья, ведь так? Они вращаются в тех же кругах, что и Ледлоу, хотя и не так часто, как раньше. С их помощью вам — в отличие от моих людей — будет довольно легко попасть в это общество. Вы вряд ли вызовете у кого-то подозрение. По-моему, это идеальная возможность.

— И что же мы должны выяснить?

— Откуда у них эти деньги — если, конечно, это они их распространяют.

— Понятно, — сказал Томми. — Майор Ледлоу выходит из дома с пустым чемоданом, а когда возвращается, тот буквально трещит по швам от фальшивых денег. Как такое возможно? Значит, я должен его выследить и разоблачить. Я правильно вас понял?

— В целом да. Но вы не должны упускать из виду его супругу и ее отца, месье Эрулада. Как я уже сказал, фальшивые купюры имеют хождение по обоим берегам Ла-Манша.

— Мой дорогой Мэрриот! — с упреком в голосе воскликнул Томми. — «Блестящие сыщики Бланта» не знают такого слова, как «упускать из виду».

Инспектор встал со стула.

— В таком случае желаю вам удачи, — сказал он и удалился.

— Грязь! — с энтузиазмом воскликнула Таппенс.

— Что ты сказала? — не понял ее Томми.

— Фальшивые деньги! — воскликнула Таппенс. — Их обычно называют «грязь». Да-да, я права. О Томми, наконец у нас появилось дело в духе Эдгара Уоллеса! Теперь мы тоже Ищейки!

— Это точно, — согласился Томми. — Берегись, Хрустун. Тебе от нас никуда не деться.

— Как ты сказал? Хвастун или Хрустун?

— Хрустун.

— А что это такое?

— Новое слово, которое я только что придумал, — ответил Томми. — Оно означает того, кто пускает в оборот фальшивые деньги. Банкноты

обычно хрустят. Поэтому пусть он будет Хрустун. Проще не бывает.

— Что ж, неплохая идея, — согласилась Таппенс. — Она прибавляет делу основательности. Хотя лично я предпочла бы Шуршуна. Мне кажется, это звучит зловещей.

— Нет, — возразил Томми. — Раз я первым назвал его Хрустун, значит, пусть так и будет.

— Мне это дело уже начинает нравиться, — заявила Таппенс. — Буду вечно ходить по ночным клубам и пить коктейли... Пойду куплю себе завтра новую тушь для ресниц.

— Твои ресницы и без того черные, — возразил супруг.

— Пусть будут еще чернее, — заявила Таппенс, — а к ним — вишневая губная помада. Ну, такая самая ультраяркая.

— Таппенс, — осадил ее Томми, — ты страшная мотовка. Тебе крупно повезло, что в моем лице ты вышла замуж за трезвого, степенного мужчину средних лет.

— Погоди! — воскликнула Таппенс, — Когда я в последний раз была в клубе «Питон», что-то я не припомню, чтобы ты был там трезвый как стеклышко!

Томми достал из буфета несколько бутылок, пару стаканов и шейкер для взбивания коктейлей.

— Давай начнем прямо сейчас, — произнес он. — Мы идем по твоему следу, Хрустун, и тебе от нас никуда не спрятаться.

Глава 14

Хрустун
(продолжение)

Познакомиться с супругами Ледлоу оказалось довольно просто. Томми и Таппенс, молодые, хорошо одетые, жаждущие приключений и, судя по всему, не ограниченные в средствах, вскоре вписались в тот круг общения, в котором протекала жизнь супругов Ледлоу

Майор Ледлоу был высок и светловолос, что можно назвать типично английской внешностью, с повадками добродушного спортсмена. С этим видимым добродушием резко контрастировали морщины вокруг глаз и то, как время от времени он стрелял по сторонам глазами.

Он также был завзятый картежник. Томми заметил, что, когда ставки были высоки, он редко поднимался из-за стола проигравшим.

Маргерита Ледлоу была полной противоположностью мужу. Очаровательное создание, гибкое и изящное, как дриада, с лицом, как будто сошедшим с полотна Грёза[1]. Ее слегка ломаный английский умилял. Неудивительно, что мужчины с готовностью становились ее рабами. Похоже, она с первого мгновения прониклась симпатией к Том-

---

[1] Жан-Батист Грёз (1725—1805) — знаменитый французский живописец.

ми. Он же, играя отведенную ему роль, позволил себе присоединиться к толпе ее поклонников.

— Мой Томми! — щебетала она. — Я не могу без моего Томми. Его волосы цвета заката, верно я говорю?

Ее отец был куда более зловещей фигурой. Очень правильный, подтянутый, с небольшой черной бородкой и настороженным взглядом.

Первой успех сопутствовал Таппенс. Она подошла к Томми с десятью фунтовыми банкнотами.

— Взгляни на них. Мне кажется, они поддельные.

Рассмотрев их внимательно, Томми подтвердил ее диагноз.

— Откуда они у тебя?

— Тот молодой человек, Джимми Фолкнер. Маргерита Ледлоу вручила их ему, чтобы он поставил их за нее на скачках. Я сказала ему, что мне нужны мелкие купюры, а ему дала взамен десятифунтовик.

— Все как одна новые и хрустящие, — задумчиво произнес Томми. — Они вряд ли прошли через много рук. Надеюсь, твой юный Фолкнер человек порядочный?

— Джимми? Он просто душка. Мы с ним уже почти настоящие друзья.

— Я тоже это заметил, — холодно отозвался Томми. — Ты считаешь, что без этого не обойтись?

— О, работа здесь ни при чем, — весело отозвалась Таппенс. — Это ради удовольствия. Он такой

милый! Я так рада, что вырвала его из хватки этой женщины... Ты понятия не имеешь, каких денег она ему стоила.

— У меня такое впечатление, Таппенс, что он к тебе очень даже не равнодушен.

— Мне тоже порою так кажется. Зато как приятно знать, что тебя все еще считают молодой и красивой. Разве не так?

— Твой моральный уровень, Таппенс, удручающе низок. Ты смотришь на эти вещи с неправильной точки зрения.

— Мне уже много лет не было так хорошо, — бесстыдно заявила Таппенс. — Кстати, а ты сам? Скажи, я часто теперь тебя вижу? Разве ты постоянно не ходишь хвостом за Маргеритой Ледлоу?

— Это ради дела, — быстро нашелся с ответом Томми.

— Но признайся, она ведь очень даже хорошенькая.

— Абсолютно не мой тип, — возразил Томми. — Так что я не вздыхаю по ней.

— Врешь! — рассмеялась Таппенс. — С другой стороны, я всегда говорила, что лучше выйти замуж за лжеца, чем за дурака.

— Мне кажется, — заявил Томми, — что мужу не обязательно быть ни тем, ни другим.

Таппенс смерила его высокомерным взглядом и удалилась.

Среди толпы поклонников миссис Ледлоу был несколько недалекий, зато богатый джентльмен по

имени Хэнк Райдер, родом из Алабамы. Он с первой же минуты проникся к Томми доверием, узрев в нем конфидента и друга.

— Просто потрясающая женщина, — заявил мистер Райдер, провожая восторженным взглядом красотку Маргериту. — Вот что значит колыбель цивилизации... Веселую Францию нам никогда не затмить. Рядом с нею я ощущаю себя этаким пробным экземпляром Всевышнего. Он ведь наверняка должен был на чем-то набить руку, прежде чем подарить миру столь совершенное создание.

Томми вежливо с ним согласился. Мистер Райдер тем временем продолжил изливать душу:

— По-моему, в высшей степени несправедливо, что такое обворожительное создание должно нуждаться в деньгах.

— А она в них нуждается? — уточнил Томми.

— О да, учитывая ее траты. Этот Ледлоу — темная личность. Маргерита его побаивается. Она сама мне так и сказала. Только не говорите ему про ее маленькие счета.

— Это действительно маленькие счета?

— Да, раз я так говорю. В конце концов, женщине нужны новые платья, причем чем их меньше, тем дороже они стоят. Во всяком случае, мне так кажется. Кроме того, хорошенькой женщине не пристало ходить в прошлогодних нарядах. Опять-таки карты... Бедняжке в последнее время в них крупно не везло. Только вчера вечером она проиграла мне пятьдесят фунтов.

— Зато накануне выиграла двести у Джимми Фолкнера, — сухо заметил Томми.

— Неужели? Что ж, приятно слышать. Одной заботой меньше. Кстати, говорят, будто сейчас по стране ходит немереное количество фальшивых банкнот. Я сегодня утром производил платеж в своем банке — так вот, двадцать пять из них оказались подделкой! По крайней мере, так мне сказал вежливый служащий за стойкой.

— Довольно-таки большая пропорция! Скажите, а на вид они были новыми?

— Чистые и хрустящие, как будто только что из-под пресса. Кстати, похоже, их мне вручила в счет проигрыша миссис Ледлоу. Интересно, откуда они у нее? Скорее всего, от кого-то из игроков на скачках...

— Верно, — согласился Томми. — Похоже, что оттуда.

— Знаете, мистер Updated Бересфорд, для меня светская жизнь в новинку. Все эти расфуфыренные дамы и прочая публика... Я ведь здесь недавно. Приехал в Европу, вкусить, какова она, настоящая жизнь.

Томми кивнул, мысленно отметив про себя, что с помощью Маргериты Ледлоу мистер Райдер испробует настоящую жизнь во всей ее полноте, вот только цена, которую он за это заплатит, будет непомерно велика.

Тем временем, уже во второй раз, он стал свидетелем того, что поддельные банкноты раздаются

направо и налево. И во всей видимости, раздает их не кто иной, как Маргерита Ледлоу.

Следующим вечером Томми имел возможность в этом убедиться.

Это было небольшое, избранное место встреч, о котором упоминал Мэрриот. Туда приезжали потанцевать, но истинный фокус притяжения располагался за солидной двойной дверью. За ней располагались две комнаты с затянутыми зеленым сукном столами, за которыми каждую ночь из рук в руки переходили внушительные суммы.

Перед тем как уйти, Маргерита Ледлоу сунула в руки Томми небольшую пачку мелких купюр.

— Они занимают так много места... Томми, ты не обменяешь их на крупную купюру? А то они просто не помещаются в мою милую крошечную сумочку. Она, того и гляди, порвется.

Томми принес ей стофунтовую банкноту, как она и просила, после чего в укромном уголке рассмотрел те, которые она ему дала. По меньшей мере четверть из них оказалась фальшивыми.

Но где она их берет? Где их источник? На этот вопрос у него пока не было ответа. Благодаря содействию Альберта Томми почти проникся уверенностью, что это не Ледлоу. Он пристально следил за майором, но тот так и не дал повода для подозрений.

Оставалась одна кандидатура — отец Маргериты, месье Эрулад. Он частенько сновал во Францию и обратно. Ему наверняка не составило бы труда

привезти с собою чемодан фальшивых денег. Особенно если устроить у чемодана двойное дно или что-то в этом роде...

Погруженный в мысли, Томми не торопясь прошелся по клубу. Впрочем, вскоре его внимание привлек шум. На улице стоял мистер Хэнк Райдер, и с первого взгляда было понятно, что он не совсем трезв. В данный момент американец пытался водрузить шляпу на радиатор машины и всякий раз промахивался на несколько дюймов.

— Чертова вешалка, чертова вешалка, — недовольно повторял он. — Не то, что у нас в Штатах. Там можно повесить свою шляпу на вешалку каждую ночь. На вас, сэр, две шляпы. Первый раз вижу, чтобы кто-то надевал сразу две шляпы. Не иначе как последствия климата.

— Просто у меня две головы, — серьезно ответил Томми.

— Две. Это точно, — согласился мистер Райдер, едва ворочая языком. — Как странно. Просто удивительно. Давайте закажем по коктейлю. Сухой закон — это все он виноват. Из-за него я теперь не просыхаю. Коктейль, смешать их... «Поцелуй Ангела»... Это красотка Маргерита, она ко мне неравнодушна. «Лошадиная Шея», два мартини, три «Дороги к погибели»... их все смешали... в пивной кружке. Честное слово, наверное, я это зря, я так и сказал, идите вы к чертовой матери...

— Всё в порядке, — перебил его Томми, пытаясь успокоить. — Может, вам лучше поехать домой?

— Нет у меня никакого дома, — заявил мистер Райдер и расплакался.

— А как же отель, в котором вы остановились? — спросил Томми.

— Мне нельзя домой, — упирался Райдер. — Я ищу сокровища. Это так здорово! А все она... Уайтчепел[1], белые головы, белые сердца, печаль до конца...

— Ладно, не будем об этом, — перебил его Томми. — Где вы...

Мистер Райдер внезапно принял полный достоинства вид — подтянулся, расправил плечи, а главное, к нему чудодейственным образом вернулся дар речи.

— Молодой человек, я же вам говорю, меня взяла с собой Марджи. В своей машине. На поиски клада. Любимое занятие английских аристократов. Они ищут их под брусчаткой мостовой. Пятьсот фунтов. Подумать только, да-да, подумать только... Говорю вам, молодой человек. Вы были добры ко мне. Я всем сердцем ценю ваше доброе сердце, сэр. Мы, американцы...

На этот раз Томми перебил уже довольно бесцеремонно.

— Что вы говорите? Миссис Ледлоу увезла вас в машине?

---

[1] Уайтчепел (*англ.* Whitechapel) в переводе означает «белая часовня»; один из беднейших районов Лондона.

Американец кивнул. В этот момент он напоминал серьезную степенную сову.

— В Уайтчепел? — Вновь совиный кивок. — И вы нашли там пятьсот фунтов?

Мистер Райдер натужно подыскивал слова.

— Это она нашла, — поправил он Томми. — Оставила меня ждать на улице, за дверью. И так всегда. Как это, однако, печально... Вечно снаружи, вечно на улице...

— Вы бы нашли туда дорогу?

— Думаю, что да. Хэнк Райдер никогда не теряет дороги.

Томми довольно бесцеремонно потащил его за собой. Он нашел свою машину, которая поджидала его, и они вместе поехали в восточном направлении. Прохладный воздух мигом привел мистера Райдера в чувство. Сначала он навалился Томми на плечо, однако быстро протрезвел и вскинул голову.

— Эй, приятель, куда мы едем? — потребовал он ответа.

— В Уайтчепел, — бодро откликнулся Томми. — Ведь именно сюда вы сегодня ездили вместе с миссис Ледлоу.

— Да, вроде бы места знакомые, — согласился Райдер, оглядываясь по сторонам. — Если не ошибаюсь, мы где-то здесь свернули налево... Да-да, вот на этой улице.

Томми послушно свернул, куда ему было велено. Мистер Райдер продолжал раздавать указания.

— Ага, вот сюда. Сверните направо. Скажите, вам не бьет в нос этот жуткий запах?.. Да-да, за пабом на углу сверните направо и остановитесь в начале вон того переулка. Вот только что вы задумали? Живо признавайтесь, зачем вам это! Они что, недодали нам деньжат, и мы сейчас их хорошенько встряхнем?

— Именно, — отвел Томми. — Сейчас мы их встряхнем. Хорошая шутка, не правда ли?

— Я расскажу всему миру, — согласился мистер Райдер. — Хотя, сказать по правде, в моей голове сейчас туман, — задумчиво добавил он.

Томми вышел из машины, после чего помог американцу выйти. Вместе они зашагали по переулку. Слева от них тянулись задние стены полуразрушенных домов. Причем большинство из них имели двери, выходящие в переулок. Мистер Райдер остановился перед одной такой дверью.

— Она вошла внутрь, — заявил он. — Это та самая дверь. Я это точно помню.

— Они на вид все одинаковые, — возразил Томми. — Это напоминает мне сказку про солдата и принцессу. Помните, они нарисовали крест на двери, чтобы пометить ту, какая им нужна... Может, и нам сделать то же самое?

Смеясь, он достал из кармана кусочек мела и начертил на двери неаккуратный крест. После чего бросил взгляд на неясные тени, что, крадучись, скользили по высоким стенам переулка. Одна из теней издала душераздирающее мяуканье.

— Я смотрю, здесь полчища котов, — весело заметил он.

— И что дальше? — спросил Райдер. — Мы войдем внутрь?

— Да, если примем меры предосторожности, — ответил Томми.

Он бросил взгляд вдоль переулка, после чего тихонько надавил на ручку двери. Та поддалась. Тогда сыщик распахнул ее и заглянул в темный задний двор. После чего бесшумно, на цыпочках шагнул внутрь. Мистер Райдер последовал за ним.

— Эй! — негромко воскликнул он. — Там кто-то идет по переулку.

С этими словами он снова выскользнул наружу. Томми тихо постоял с минуту, затем, ничего не услышав, продолжил свое дело: достал из кармана фонарик и на секунду включил свет.

Этого было достаточно, чтобы увидеть впереди еще одну закрытую дверь. Он шагнул ближе и попробовал ее открыть. Она тоже поддалась. Бесшумно отворив ее, он вошел внутрь. Пару секунд постоял, прислушиваясь, после чего снова щелкнул фонариком, как будто давая сигнал. Неожиданно все вокруг пришло в движение. Перед ним выросли двое мужчин, еще двое — сзади. Незнакомцы угрожающе двинулись на него.

— Свет! — прорычал чей-то голос.

Тотчас зажглась газовая горелка. В ее свете Томми разглядел вокруг себя круг малоприятных

физиономий. Он обвел взглядом комнату, мысленно отмечая стоящие в ней предметы.

— А! — дружелюбно протянул он. — Штаб фальшивомонетчиков, если не ошибаюсь.

— Заткни пасть! — рявкнул один из мужчин.

За спиной у Томми открылась и захлопнулась дверь, и мягкий, хорошо знакомый голос произнес:

— Хватайте его, ребята. Да-да, мистер Ищейка, позвольте мне сказать вам, что вы попались.

— Кого я слышу! — воскликнул Томми. — Какой приятный сюрприз! Да, я Загадочный Человек из Скотленд-Ярда, а вы, если не ошибаюсь, мистер Хэнк Райдер? Какая неожиданная встреча!

— Полагаю, вы говорите это от всей души. Со мною в течение вечера едва не случился приступ. Вы, право, были совсем как малое дитя. И, главное, так гордились своим умом... Послушай, сынок, я раскусил тебя с самого начала. Ты связался с этой компанией не ради удовольствия. Я дал тебе какое-то время повеселиться, и когда ты по-настоящему начал подозревать мою милую Маргериту, я сказал себе: «Пора его проучить». Думаю, твои друзья на какое-то время о тебе не услышат.

— Собрался меня укокошить? Я правильно выразился? Или, как там у вас говорят, пустить в расход?

— Смотрю, нервы у тебя железные... Нет, поначалу мы не станем применять к тебе насилие. Просто посидишь на цепи какое-то время. Вот и всё.

— Боюсь, вы не на ту лошадку поставили, — заявил Томми. — В мои намерения не входит, как вы только что выразились, сидеть на цепи.

Мистер Райдер дружелюбно улыбнулся. Где-то снаружи невидимый кот издал душераздирающий вопль.

— Рассчитываешь на крест, который ты поставил на двери, сынок? — спросил мистер Райдер. — Я бы на твоем месте не обольщался. Я ведь тоже знаю ту сказку, которую ты упомянул. Слышал ее еще ребенком. Я прошелся по переулку, чтобы сделать то, что сделала собака с глазами, огромными, как тележное колесо. Окажись сейчас снаружи, ты бы наверняка заметил, что на каждой двери стоит одинаковый крест.

Томми печально повесил голову.

— Думал, что ты один такой умный? — съязвил Райдер.

Не успел он закончить фразу, как раздался громкий стук в дверь.

— Это еще что?! — вскрикнул он, вздрогнув.

В это же самое время начался штурм дома с фасада. Задняя дверь оказалась хлипкой. Замок поддался почти мгновенно, и в дверном проеме вырос инспектор Мэрриот.

— Отличная работа, Мэрриот, — похвалил Томми. — Вы были абсолютно правы в том, что касается этой части города. Позвольте познакомить вас с мистером Хэнком Райдером. Мистер Райдер — большой знаток лучших сказок мира.

Видите ли, мистер Райдер, — мягко добавил он, — я давно вас подозревал. Альберт — серьезного вида юноша с оттопыренными ушами — получил приказ следовать за нами на мотоцикле, если мы вдруг куда-нибудь отправимся вместе. И пока я демонстративно рисовал на двери крест, чтобы отвлечь ваше внимание, я так же незаметно бросил на землю небольшой пузырек с валерьянкой. Отвратительный запах, но котам он нравится. Все уличные коты собрались под вашей дверью, так что когда Альберт и полиция прибыли на место, им не составило труда найти нужный дом.

С улыбкой посмотрев на ошарашенного Райдера, Томми поднялся на ноги.

— Я же сказал, что поймаю тебя, Хрустун, вот я тебя и поймал, — заявил он.

— Что ты мелешь? — не понял Райдер. — Какой такой Хрустун?

— Это слово ты найдешь в следующем издании словаря воровского жаргона, с пометкой «этимология сомнительна».

Томми со счастливой улыбкой огляделся вокруг.

— И самое главное, обошлось без участия Носа, — весело пробормотал он. — Доброй ночи, Мэрриот. Теперь я должен отправиться туда, где меня ждет счастливое завершение этой истории. Нет лучшей награды, нежели любовь женщины — а именно это ждет меня дома... Да-да, любовь хорошей женщины, хотя об этом никто не догадывается. Это было опасное задание, Мэрриот. Кстати, вы

знакомы с капитаном Джимми Фолкнером? Он прекрасно танцует и знает толк в коктейлях. Да-да, Мэрриот, это было в высшей степени опасное задание.

Глава 15

Загадка Саннингдейла

— Таппенс, ты знаешь, где мы сегодня обедаем?

Миссис Бересфорд задумалась над этим вопросом.

— В «Ритце»? — с надеждой в голосе спросила она.

— Подумай еще раз.

— В том милом ресторанчике в Сохо?

— Нет, — многозначительно произнес Томми, — в заведении попроще. А именно, вот в этом.

С этими словами он ловко затащил ее внутрь заведения, которое только что назвал, и подвел к угловому столику с мраморной столешницей.

— Отлично, — с довольным видом произнес Томми, усаживаясь. — Лучше даже быть не может.

— Откуда в тебе эта страсть к незамысловатой жизни? — удивилась Таппенс.

— Ватсон, вы видите, но не наблюдаете... Мне не дает покоя вопрос, заметит нас одна из этих высокомерных девиц, что работают здесь официантками, или нет? Отлично, кажется, она

движется в нашу сторону. Разумеется, ее мысли сейчас в другом месте, хотя несомненно и то, что на уровне подсознания ее ум занят такими вещами, как яичница с ветчиной и чайники, полные чая... Котлету с жареной картошкой, мисс, большую чашку кофе, булочку, масло и тарелку холодного языка вот для этой леди.

Официантка презрительным тоном повторила заказ, однако Таппенс внезапно подалась вперед и перебила ее:

— Нет-нет, только не котлету с жареной картошкой. Принесите этому джентльмену ватрушку и стакан молока.

— Ватрушку и стакан молока, — с еще большим презрением повторила официантка и, думая о чем-то своем, удалилась.

— Я этого не заказывал, — холодно произнес Томми.

— Но согласись, что я права. Ты ведь Старик в Углу[1]. Где твой обрывок бечевки?

Томми вытащил из кармана спутанный моток бечевки и завязал на ней пару узелков.

— Вот, теперь все как надо, до мельчайших деталей, — проворчал он.

— Нет, в заказе ты допустил одну небольшую ошибку, — возразила Таппенс.

---

[1] Старик в Углу — герой детективных произведений баронессы Эммы Орци (1865–1932), английской писательницы венгерского происхождения.

— Женщины — страшные буквоедки, — заметил Томми. — Если есть что-то такое, чего я терпеть не могу, так это молоко. Ватрушки же вечно какие-то омерзительно желтые.

— Будь художником, — сказала Таппенс. — Наблюдай за мною, когда я наброшусь на холодный язык. Как я, однако, обожаю холодной язык... Ну вот, теперь я готова выступить в роли мисс Полли Бертон[1]. Завяжи большой узел и начинай.

— Прежде всего, — произнес Томми, — в сугубо неофициальной ипостаси, позволь мне указать вот на какую вещь. Последнее время бизнес идет довольно вяло. И если он не идет к нам, значит, мы сами должны идти к нему. Нужно приложить наш общий ум к решению какой-нибудь великой публичной тайны. Что автоматически подводит меня к загадке Саннингдейла.

— А! — с интересом воскликнула Таппенс. — Саннингдейлская загадка!

Томми извлек из кармана мятый кусок бумаги и положил его на стол.

— Это последний портрет капитала Сессла, в том виде, в каком он появился в «Дейли лидер».

— И все же, — сказала Таппенс, — мне интересно, почему никто не подает на эти газеты в суд? На портрете изображен мужчина, только и всего.

---

[1] Журналистка Полли Бертон — еще один персонаж из произведений Э. Орци.

— Когда я сказал «загадка Саннингдейла», наверное, мне следовало добавить фразу «так называемая», — поспешил добавить Томми. — Загадка для полиции, но никак не для проницательного ума.

— Завяжи еще один узелок, — сказала Таппенс.

— Не знаю, что именно ты помнишь об этом деле.

— Всё, — заявила Таппенс, — просто я не хочу портить твой стиль работы.

— Это произошло более трех недель назад, — произнес Томми. — Отвратительная находка на одной из знаменитых площадок для гольфа. Два члена клуба, пришедших размяться на утреннем воздухе, к своему ужасу, обнаружили тело мужчины, лежащее лицом вниз на седьмой лунке. Еще до того, как они его перевернули, стало понятно, что это капитан Сессл, известная фигура в мире гольфа. Он всегда носил яркую голубую куртку.

Капитан Сессл был любитель приходить на площадку рано утром, чтобы потренироваться в одиночку. Сначала подумали, что он стал жертвой внезапного сердечного приступа. Однако после того как тело осмотрел врач, был сделан зловещий вывод, что это убийство. Капитан был заколот в сердце весьма интересным предметом — булавкой от дамской шляпки. Кроме того, было установлено, что смерть наступила, по крайней мере, двенадцать часов назад.

Все это заставило посмотреть на это дело в новом свете. Вскоре обнаружились весьма любопыт-

ные факты. Практически последним, кто видел капитана живым, был его друг и партнер мистер Холлаби из страховой компании «Дикобраз». Он рассказал следующее.

В тот день они с Сесслом сыграли партию. После чая капитан предложил сыграть до наступления темноты еще несколько лунок. Холлаби согласился.

Похоже, Сессл пребывал в прекрасном расположении духа и был в отличной спортивной форме. Через площадку тянется дорожка, и в тот момент, когда они играли у шестой лунки, Холлаби заметил идущую по ней женщину. Высокую, в коричневом платье. Впрочем, он к ней не присматривался. Что касается Сессла, тот ее, похоже, вообще не заметил.

— Та самая дорожка пересекает поле перед седьмой меткой, — продолжал Томми. — Женщина прошла мимо и встала на дальней стороне, как будто кого-то ждала. Капитан Сессл первым дошел до стартовой метки, поскольку мистер Холлаби нагнулся, чтобы заменить флажок. Дойдя до следующей метки, он увидел, что Сессл разговаривает с женщиной. Когда же он подошел ближе, оба резко обернулись, и Сессл крикнул через плечо: «Погоди, я сейчас».

После чего он и женщина, все так же о чем-то беседуя, отошли дальше. В том месте дорожка покидает пределы площадки и тянется между двумя живыми изгородями соседних садов, после чего выходит к дороге, ведущей на Уиндлшэм.

Капитан Сессл сдержал свое слово. Через пару минут, к великому удовлетворению Холлаби, он вернулся. Тем более что вслед за ними шла еще одна пара игроков, хотя уже начинало смеркаться. Они возобновили игру, но от Холлаби не скрылось, что его напарник чем-то расстроен. Он часто промахивался, лицо его было хмурым, на лбу собралась глубокая морщина. Он почти не реагировал на слова своего напарника, а его игру было не узнать. Судя по всему, его мысли были заняты чем-то другим.

Капитан сыграл седьмую лунку, а затем восьмую, после чего объявил, что уже темно и ему пора домой. В этом месте пролегает еще одна узкая тропка, из тех, что ведут к Уиндлшэмской дороге. Капитан удалился в том направлении, потому что это был кратчайший путь до его дома, который, кстати, стоит на этой самой дороге. Тем временем двое других игроков, майор Барнард и мистер Леки, достигли их лунки. Мистер Холлаби рассказал им о внезапной смене настроения у капитана. Кстати, они тоже заметили, как он разговаривал с женщиной в коричневом платье, но поскольку были довольно далеко от них, то не рассмотрели ее лицо. Всем троим не давал покоя вопрос, что такого она могла сказать их другу-капитану, отчего он так расстроился.

Они вместе вернулись в клуб и, насколько известно, были последними, кто видел капитана Сессла живым. Была среда, а по средам до Лондона продают дешевые билеты. Муж с женой, которые

ведут дела в бунгало капитана Сессла, согласно заведенному правилу, уехали в Лондон и вернулись поздним поездом. Войдя в дом, они решили, что хозяин у себя в комнате и уже спит. Его супруга, миссис Сессл, на тот момент гостила у родственников.

Убийство капитана было предметом разговоров в течение девяти дней. Никто не мог представить себе мотив. Много говорили о том, кто была та высокая женщина в коричневом платье. Ответа ни у кого не нашлось. Полицию, как обычно, ругали за нерасторопность — причем весьма несправедливо. Ибо уже через неделю была арестована некая Дорис Эванс, которой вменили убийство капитала Энтони Сессла.

Улик у полиции было мало. В руке мертвеца осталась прядь светлых волос, а на пуговице голубой куртки налипли несколько шерстяных оранжевых нитей. Однако дотошные расспросы на станции и в других местах помогли выяснить следующее.

В тот вечер, около семи часов, на станцию прибыла молодая особа в костюме оранжевого цвета и спросила, как ей пройти к дому капитана Сессла. Спустя два часа та же самая девушка вновь появилась на станции. Шляпка сидела на ней криво, волосы выбились из прически, а сама она, похоже, была чем-то взволнована. Девушка спросила о поездах до Лондона и постоянно оглядывалась через плечо, как будто была чем-то напугана.

Наши полицейские во многих отношениях просто молодцы. Почти не имея вещественных улик, они сумели выйти на эту особу и опознать ее как некую Дорис Эванс.

Ей было предъявлено обвинение в убийстве. Кроме того, ее предупредили, что ее показания могут быть использованы против нее, однако она настояла на том, что сделает заявление. И это свое заявление она повторила в мельчайших подробностях и без каких-либо существенных отклонений на всех последующих слушаниях.

Ее история была такова: по профессии она машинистка. Однажды вечером в кино познакомилась с прилично одетым джентльменом, который утверждал, что она ему понравилась. Его имя, сказал он, Энтони. Джентльмен также предложил, чтобы она приехала к нему в его бунгало в Саннингдейл. Тогда она понятия не имела — да и позже тоже, — что он женат. Они договорились, что она приедет к нему в следующую среду — тот день, как ты помнишь, когда слуги будут отсутствовать, а жена — гостить у родни. В конце концов он назвал ей свое полное имя — Энтони Сессл, а также назвал адрес дома.

Она приехала к нему вечером назначенного дня. Здесь ее встретил Сессл, который только что вернулся после игры в гольф. Хотя, по его словам, он заявил, что рад ее видеть, девушка утверждала, что он с самого начала повел себя довольно странно.

Ей сделалось страшно, и она пожалела о том, что приехала к нему.

После ужина, который ждал ее в его доме, Сессл предложил пойти прогуляться. Девушка согласилась. Они вместе вышли из дома. После чего он повел ее сначала по дороге, затем по тропинке к площадке для игры в гольф. Затем внезапно, когда они пересекали седьмое поле, мужчина, похоже, лишился рассудка. Вытащив из кармана револьвер, он стал потрясать им в воздухе и кричать, что дошел до последней черты. «Все должно сгинуть! Моя жизнь кончена. Ты умрешь вместе со мною. Сначала я застрелю тебя, а потом — себя. Утром наши тела найдут лежащими бок о бок, мы будем рядом даже в смерти».

И так далее, и тому подобное в том же духе. Капитан схватил Дорис Эванс за руку. Она, понимая, что имеет дело с безумцем, отчаянно пыталась вырваться, а когда поняла, что не сможет, то решила хотя бы вырвать у него из рук револьвер. Между ними завязалась борьба, во время которой он, по всей видимости, вырвал у нее клок волос, а нитки из ее жакета зацепились за его пуговицу.

К счастью, ей удалось вырваться. Она со всех ног бросилась по полю, ожидая получить в спину пулю из револьвера. Дважды она упала, зацепившись за вереск. В конце концов Дорис выбежала на дорогу, что вела к станции. Здесь она поняла, что ее никто не преследует.

Такова история, рассказанная Дорис Эванс. И она ни разу не отклонилась от нее. Обвиняемая упорно отрицает, что в целях самозащиты ударила капитана шляпной булавкой — что было бы естественно в данных обстоятельствах и вполне могло соответствовать действительности. В подтверждение ее слов, рядом с телом, в кустах, был найден револьвер. Выстрела из него произведено не было.

Дорис Эванс предстала перед судом, но загадка остается загадкой. Если она говорит правду, то кто же заколол капитана Сессла? Та, другая, высокая женщина в коричневом платье, чье появление его так расстроило? Пока никто не объяснил ее связь с этим убийством. Она появляется ниоткуда на дорожке, что идет через игровое поле, и исчезает, уходя по тропинке, — и с тех пор никто о ней больше не слышит. Кто она такая? Местная жительница? Приезжая из Лондона? Если верно последнее, то как она сюда добралась? На машине или поездом? В ее внешности нет ничего необычного, за исключением роста. По крайней мере, никто не сумел описать, как она выглядит. Вряд ли это Дорис Эванс, потому что та невысокая и светловолосая, к тому же в тот момент она еще только подъезжала к станции.

— Жена? — предположила Таппенс. — Что ты скажешь насчет жены?

— Весьма естественное предположение. Но миссис Сессл тоже невысока ростом. Кроме того, мистер Холлаби знает ее в лицо. Более того, по-

хоже, что на тот момент она действительно была в отъезде. Кстати, в прояснении нуждается еще одна вещь. Компания находится в стадии ликвидации. Ревизия выявила вопиющие финансовые нарушения. Так что причина безумного заявления, сделанного капитаном Дорис Эванс, совершенно очевидна. В течение ряда лет капитан, похоже, систематически присваивал себе деньги.

Ни мистер Холлаби, ни его сын понятия не имели об этих махинациях. Теперь же они лишились почти всех своих средств.

— В общем, расклад таков. Капитан Сессл был на грани разоблачения. Самое естественное решение в такой ситуации — самоубийство, однако характер ранения исключает эту версию. Кто же его убил? Дорис Эванс? Или же таинственная женщина в коричневом платье?

Томми умолк, сделал глоток молока, поморщился и осторожно надкусил ватрушку.

Глава 16

Загадка Саннингдейла
(продолжение)

— Разумеется, — прошептал Томми. — Я сразу увидел, где тут загвоздка и в каком месте полицию занесло не туда.

— Вот как? — с интересом спросила Таппенс.

Мужчина печально покачал головой.

— Эх, если бы! Таппенс, быть Стариком в Углу — пара пустяков; правда, до известного момента. Но этот случай выше моего понимания. Кому нужно убивать нищего? Ума не приложу. — С этими словами он вытащил из кармана еще несколько газетных вырезок. — Давай посмотрим далее. Кого мы имеем? Мистера Холлаби, его сына, миссис Сессл, Дорис Эванс.

Таппенс внимательно посмотрела на последнюю вырезку, с портретом предполагаемой убийцы.

— В любом случае она его не убивала, — произнесла она в конце концов. — И уж тем более не шляпкой булавкой.

— Откуда такая уверенность?

— Оттуда. Подсказка от леди Молли. У Дорис короткие волосы. Только одна женщина из двадцати в наши дни пользуется шляпными булавками, независимо от того, длинные у нее волосы или короткие. В наши дни шляпки сидят плотно, поэтому потребность в булавках отпадает.

— Что ничуть не мешало ей иметь при себе такую булавку.

— Мой дорогой, мы не храним их, словно сувениры! Зачем ей было брать с собой в Саннингдейл шляпную булавку?

— В таком случае это та, другая женщина в коричневом платье.

— Жаль только, что она такая высокая. Будь она ниже ростом, это вполне могла быть его жена. Мне

всегда подозрительны жены, которые уезжают на какое-то время. Такое железное алиби: мол, я ничего не знаю, меня здесь не было. Обнаружь она, что ее супруг приударил за молодой девушкой, я бы не удивилась, что она схватилась за шляпную булавку.

— Понятно, я это учту, — заметил Томми. — И отныне буду осторожнее.

Но Таппенс, похоже, глубоко задумалась о чем-то своем.

— А что представляют собой эти Сесслы? — внезапно спросила она. — Что о них говорят другие люди?

— Насколько я могу судить, только хорошее. Капитан и его супруга якобы были преданы друг другу. Так что эта история с девушкой наводит на подозрения. Такого человека, как Сессл, трудно заподозрить в подобных вещах. Он же бывший солдат. Получил неплохое наследство, вышел в отставку и пошел в страховой бизнес. Невозможно поверить, что в его лице мы имеем дело с мошенником.

— Ты уверен, что он был мошенником? Разве те, двое других, не могли присваивать себе деньги?

— Отец и сын Холлаби? По их словам, они разорены.

— Вот именно, по их словам. А на самом деле денежки лежат себе спокойно в каком-нибудь банке, причем счет открыт на другое имя... Наверное, я выразилась недостаточно серьезно, но надеюсь, ты меня понял. Что, если они за спиной у Сессла какое-то время спекулировали этими деньгами

и проигрались? Думаю, им было бы в высшей степени на руку, если б Сессл вдруг взял и умер.

Томми постучал ногтем по фотографии мистера Холлаби-старшего.

— То есть ты обвиняешь респектабельного джентльмена в убийстве друга и партнера? Спешу напомнить тебе, что он ушел с поля для игры в гольф на виду у Барнарда и Леки и провел вечер в Дорми-хаус. Кроме того, не забывай про шляпную булавку.

— К черту эту булавку! — раздраженно воскликнула Таппенс. — Неужели ты считаешь, что она указывает на то, что преступление совершено женщиной?

— Естественно. Разве ты так не думаешь?

— Нет. Мужчины ужасно старомодны. Они склонны цепляться за свои устаревшие заблуждения. В их глазах шпильки и шляпные булавки — это такое женское «оружие». Возможно, когда-то так и было, но в наши дни и то и другое давно вышло из моды. Лично у меня в последние четыре года не было ни шляпной булавки, ни шпильки!

— И потому ты считаешь...

— Что капитана Сессла убил мужчина. А шляпная булавка понадобилась ему затем, чтобы все подумали, что убийца — женщина.

— Что ж, в твоих словах есть некая правда, — согласился Томми. — Просто удивительно, как все становится на свои места, стоит лишь хорошенько задуматься.

Таппенс кивнула.

— Все должно быть логично — если взглянуть на вещи под верным углом. Вспомни, что Мэрриот когда-то сказал о взгляде любителя — мол, тот подмечает мелочи, известные из личного опыта. Мы что-то знаем про таких людей, как капитан Сессл и его жена. Мы знаем, какие у них привычки, как они склонны поступать, а как — нет. И у каждого из нас есть свое собственное, особое знание.

Томми улыбнулся.

— Ты хочешь сказать, что ты дока по части того, что люди с короткой прической обычно имеют при себе, а также по собственному опыту знаешь, что обычно чувствуют и как поступают жены?

— Что-то в этом роде.

— А я? Что такого должен знать я? Как мужья знакомятся с молодыми девушками?

— Нет, — серьезно возразила Таппенс. — Ты знаешь, что такое площадка для игры в гольф — не как детектив, который ищет улики, а как игрок. Ты разбираешься в гольфе и представляешь себе, *что* может испортить настроение игроку.

— Только что-то по-настоящему серьезное — по крайней мере, в случае с Сесслом. Он был игрок высочайшего класса, но начиная с седьмой лунки играл, как неумелый ребенок, впервые взявший в руки клюшку. По крайней мере, так они говорят.

— Кто они?

— Барнард и Леки. Они шли следом за ним, как ты помнишь.

— Это было после того, как он встретил эту высокую женщину в коричневом. Они ведь видели, как он с нею разговаривал, не так ли?

— Да, по крайней мере...

Томми не договорил. Таппенс в недоумении посмотрела на него. Взгляд мужа был устремлен на кусок бечевки в его руках. Правда, ей показалось, что в данный момент он видит перед собою нечто другое...

— Томми, в чем дело?

— Спокойно, Таппенс. Я играю в Саннингдейле вторую лунку. Сессл и Холлаби идут впереди меня. Начинает смеркаться, но я довольно четко могу различить Сессла по его голубой куртке. Слева от меня по тропинке идет женщина. Она идет не с дамской площадки, потому что та справа, и если бы она оттуда шла, я бы ее наверняка заметил. И, вообще, странно, что я не заметил ее на дорожке раньше, например, от пятой лунки...

Томми на минуту умолк.

— Ты только что сказала, Таппенс, что я знаю эту площадку. Сразу за шестой лункой есть небольшая хижина, или укрытие. Любой мог там дождаться нужного момента. Там даже можно изменить свою внешность. То есть скажи мне, Таппенс — потому что здесь опять потребуется твое специальное знание, — насколько трудно мужчине переодеться в женщину, а затем — снова в мужчину? Например, не мог ли он надеть юбку прямо на бриджи?

— Разумеется, мог. Просто такая женщина выглядела бы немного крупной, только и всего. Длинноватая коричневая юбка, коричневый свитер, какие носят и мужчины, и женщины, и дамская фетровая шляпка, к которой по бокам приколоты локоны... Собственно, этого достаточно, чтобы сойти за женщину издалека, а ты, как я поняла, именно это и имел в виду. Достаточно снять юбку и шляпку с локонами, надеть на голову кепку, которую до этого, скрутив, держал в руке — и ты снова мужчина.

— Сколько времени займет такое перевоплощение?

— Из женщины в мужчину — минуты полторы, возможно, даже меньше. Наоборот — из мужчины в женщину — чуть дольше. Нужно надеть шляпку, поправить локоны, да натянуть и юбку на бриджи тоже труднее, чем снять ее.

— Это меня не слишком беспокоит. Для меня куда важнее время на перевоплощение в мужчину. Как я уже сказал, я играю на шестой площадке. К этому времени женщина в коричневом дошла до седьмого колышка. Она пересекает поле и ждет. Сессл в своей голубой куртке идет в ее сторону. Они с минуту стоят, затем вместе удаляются по дорожке и скрываются за деревьями. Холлаби на какое-то время остается один. Проходит две-три минуты. Я снова на поле. Мужчина в голубой куртке возвращается, но играет ни к черту. Тем временем начинает темнеть. Мы с моим партнером продолжаем игру.

Впереди — другие двое. Причем Сессл играет так, как будто в первый раз держит в руках клюшку. На восьмой лунке я вижу, как он уходит прочь по узкой боковой тропинке. Что такого случилось с ним, что его игру вдруг стало совершенно не узнать?

— Наверное, из-за той женщины в коричневом или мужчины, если ты думаешь, что это мужчина.

— Именно. Кстати, вспомни, где они стояли — среди зарослей дрока, подальше от чужих глаз, чтобы их не заметили двое игроков, которые шли вслед за ними. Там можно бросить тело и быть уверенным в том, что оно пролежит до утра, никем не замеченное.

— Томми! Ты думаешь, что все произошло именно тогда? Но ведь никто ничего не слышал!

— Не слышал чего? Доктора сошлись в том, что смерть была мгновенной. Но войне мне не раз доводилось видеть, как такое бывает. Люди даже не успевают вскрикнуть, разве что с их губ срывается похожий на бульканье стон, или вздох, или этакий смешной кашель. Сессл идет к седьмой площадке, ему навстречу выходит женщина и говорит с ним. Он узнает ее, то есть узнает переодетого женщиной мужчину. Ему любопытно, зачем тому это понадобилось, и он позволяет увести себя по дорожке к кустам.

Один удар в сердце шляпной булавкой, и Сессл падает замертво. Тот, второй, оттаскивает его тело в заросли дрока, снимает с него голубую куртку, сбрасывает с себя юбку и шляпку с локонами. Затем

облачается в знаменитую голубую куртку Сессла, натягивает его кепку и возвращается на поле. Трех минут ему достаточно. Те игроки, что идут сзади, не видят его лица — лишь хорошо знакомую им голубую куртку. Им и в голову не приходит, что это не Сессл. Одно странно: человек в голубой куртке отвратительно играет в гольф, что на Сессла совсем не похоже. По их словам, он играл, как совсем другой человек. Разумеется, ведь это и был другой человек!

— Но...

— Довод номер два. Девушка оказалась задействована в этом спектакле также по приглашению другого человека. В кино с Дорис познакомился и пригласил ее к себе в Саннингдейл не Сессл, а человек, который представился Сесслом. Подумай сама, Дорис Эванс арестовали лишь спустя две недели после убийства. Она ни разу не видела тела. Потому что если она его видела, то наверняка удивила бы всех, заявив, что это совсем не тот мужчина, который тем вечером привел ее на поле для игры в гольф и, как безумец, кричал про самоубийство. Это был заранее спланированный спектакль. Сначала — девушка, получившая приглашение приехать в Саннингдейл в среду, когда дом Сессла будет стоять пустым; затем — шляпная булавка, якобы указывающая на то, что это убийство — дело рук женщины.

Убийца встречает девушку, приводит ее в дом, кормит ужином, приводит на поле, и как только они приближаются к месту убийства, выхватывает

револьвер и кричит о самоубийстве. Разумеется, девушка напугана и убегает. Стоило ей скрыться из виду, как он вытаскивает из кустов тело и бросает его на игровой площадке. Револьвер он кидает в кусты, затем аккуратно заворачивает шляпку в юбку и — теперь это мое сугубо личное предположение — идет в сторону Уокинга, до которого всего шесть или семь миль, откуда поездом возвращается в Лондон.

— Погоди, — остановила его Таппенс. — Есть еще одна вещь, которую ты так и не объяснил. А как же Холлаби?

— Холлаби?

— Да. Согласна, игроки, которые двигались сзади, не могли знать, кто там впереди — Сессл или нет. Но только не говори мне, что тот, кто играл с ним в паре, был так загипнотизирован голубой курткой, что ни разу не посмотрел ему в лицо.

— Дорогая моя старушка, — ответил Томми. — В этом-то все и дело. Холлаби прекрасно все знал. Видишь ли, я принимаю твою теорию, что настоящими мошенниками были Холлаби и его сын.

Убийца — это тот, кто хорошо знал Сессла, например, такие вещи, что в среду в его доме не бывает слуг и что жена его на тот момент находится в отъезде. Кроме того, это кто-то такой, кто мог раздобыть дубликат ключа от входной двери. Думаю, Холлаби-младший прекрасно отвечает всем этим требованиям. Они с Сесслом одного возраста и роста. У обоих привычка бриться начисто. Не исключаю, что Дорис Эванс видела в газетах фото

убитого, но, как ты сама только что заметила, обычно люди видят лишь то, что перед ними мужчина, а на остальное не обращают внимания.

— Разве она не видела в суде Холлаби-младшего?

— Он ни разу там не появился. Действительно, с какой стати? Показаний он дать не мог. В качестве свидетеля в суде выступал Холлаби-старший, с его безукоризненным алиби. Никому и в голову не пришло поинтересоваться, чем в тот вечер занимался его сын.

— Да, все сходится, — согласилась Таппенс и, помолчав с минуту, спросила: — Ты расскажешь все это полиции?

— Не знаю, захотят ли там меня выслушать.

— Никуда не денутся, выслушают, — раздался позади него посторонний голос.

Томми резко развернулся и увидел перед собой инспектора Мэрриота. Тот сидел за соседним столиком, а перед ним стояло яйцо-пашот.

— Я частенько захожу сюда перекусить, — пояснил инспектор. — Как я уже сказал, мы обязательно выслушаем вас. Более того, я уже начал слушать. И готов признаться вам, что мы не совсем удовлетворены цифрами в отчете страховой компании «Дикобраз». Видите ли, мы давно подозревали этих Холлаби, просто не за что было зацепиться. Слишком все запутано. А затем — это убийство, которое, казалось бы, перечеркнуло все наши подозрения... Но благодаря вам и вашей супруге, сэр, мы устроим юному Холлаби очную ставку с Дорис

Эванс и посмотрим, узнает ли она его. Думаю, что узнает. Интересную мысль высказали вы по поводу его голубой куртки... И я сделаю все для того, чтобы эта ваша заслуга осталась за вами, «Блестящие сыщики Бланта».

— Приятно это слышать от вас, инспектор Мэрриот, — с благодарностью отозвалась Таппенс.

— Мы высоко ценим вас у себя в Скотленд-Ярде, — ответил ее собеседник. — Вы даже не поверите... Могу я поинтересоваться у вас, сэр, в чем назначение этого куска бечевки?

— Ни в чем, — ответил Томми, засовывая его обратно в карман. — Просто дурная привычка, как ватрушка с молоком. Я на диете. Несварение желудка на нервной почве. Им страдают все занятые люди.

— Понятно, — протянул детектив. — Я подумал, что вы читали... впрочем, это неважно.

Тем не менее в глазах инспектора промелькнула задорная искра.

Глава 17

Дом затаившейся смерти

— Что ты... — начала было Таппенс, но тотчас осеклась.

Она только что вошла в личный кабинет мисте-

ра Бланта из соседнего, помеченного табличкой «Клерки». К своему великому удивлению, владельца кабинета она застала в довольно странной позе — тот приник к «глазку», в который была видна приемная для посетителей.

— Тсс! — Томми приложил палец к губам. — Или ты не слышала звонок? Это девушка, я бы даже сказал, очень милая. Более того, на мой взгляд, она ужасно милая. В данную минуту Альберт несет свою обычную околесицу о том, что я работаю на Скотленд-Ярд.

— Можно взглянуть? — спросила Таппенс.

Томми нехотя отодвинулся в сторону, уступая ей место. Женщина, в свою очередь, припала глазом к наблюдательному отверстию.

— Да, она неплоха, — согласилась она. — А ее наряд — последний писк моды.

— Она само очарование, — заявил Томми. — Из тех девушек, о которых пишет Мейсон; ну ты знаешь, они полны сочувствия, красивы и умны, но при этом не задирают нос. Я думаю — да-да, уверен, — что этим утром буду великим Ано[1].

— Хм, — скептически отозвалась Таппенс. — Уж если и есть детектив, на которого ты совершенно не похож, то это Ано. Ты способен в мгновение ока менять свою внешность? Ты способен быть и великим комиком, и маленьким беспризорником,

---

[1] Французский сыщик, инспектор Ано — герой произведений британского писателя А.Э. Мейсона (1865–1948)

и серьезным, сопереживающим другом — и все это всего за пять минут?

— Не волнуйся, я прекрасно это знаю, — Томми постучал пальцами по столу. — Но Капитан корабля — все-таки я, и прошу тебя об этом не забывать. Сейчас я ее впущу.

Он нажал на кнопку звонка. В следующий миг Альберт распахнул дверь. В дверном проеме, как будто не решаясь войти, стояла девушка. Томми встал ей навстречу.

— Входите, мадемуазель, — мягко произнес он. — Присаживайтесь.

Таппенс хихикнула. Томми резко повернулся к ней и произнес начальственным тоном:

— Вы что-то сказали, мисс Робинсон?.. Нет?.. Значит, мне послышалось.

Отчитав ее, он вновь повернулся к девушке.

— Давайте оставим формальности. Вы просто расскажете мне свою историю, после чего мы обсудим, как вам можно помочь.

— Вы так добры, — отозвалась девушка. — Извините, вы иностранец?

Таппенс снова хихикнула. Томми краем глаза бросил в ее сторону испепеляющий взгляд.

— Не совсем, — с трудом произнес он — Но в последние годы я много работал за границей. Мои методы — это методы разведки.

— А! — Судя по ее короткому восклицанию, его слова произвели на посетительницу должное впечатление.

Как верно подметил Томми, это было абсолютно очаровательное создание. Юная, стройная, из-под коричневой фетровой шляпки выглядывают прядь золотистых волос и огромные серьезные глаза.

Было видно, что она нервничает. Руки ее не знали покоя. Она то стискивала ручку алой лакированной сумочки, то вновь разжимала пальцы.

— Прежде всего, мистер Блант, позвольте вам представиться. Мое имя — Луис Харгривз. Я живу в большом старомодном сельском доме, который называется «Тернли Грейндж». Это в самом сердце страны. Рядом есть деревня под названием Тернли, такая маленькая, что о ней нечего сказать. Зимой в наши края приезжают охотники, летом мы играем в теннис, так что скучать там некогда. Скажу честно, деревенская жизнь мне куда больше по душе, чем городская.

Я рассказываю вам это с тем, чтобы вы поняли, что в такой деревушке, как наша, любое событие приобретает значимость. Примерно неделю назад мне по почте прислали коробку шоколадных конфет. Внутри не было никакой записки, в которой говорилось бы, кто ее послал. Поскольку я не большая любительница шоколадных конфет, но другие обитатели дома их любят, я угостила их всех конфетами из коробки.

В результате все, кто их ел, заболели. Мы послали за доктором, и после того как он расспросил, что еще мы ели, он забрал с собой остатки конфет, чтобы сделать анализы. Мистер Блант,

в конфетах обнаружился мышьяк! Доза, правда, была небольшой. Умереть от нее невозможно, но вот заболеть — легко.

— Удивительно! — прокомментировал Томми.

— Доктор Бертон крайне переполошился. Похоже, в нашей местности это уже третий подобный случай. Всякий раз злоумышленник выбирал большой дом, все обитатели которого слегли, отведав загадочных конфет. На первый взгляд могло показаться, что это шутит какой-то не слишком умный местный житель...

— Я бы тоже так предположил, мисс Харгривз.

— А вот доктор Бертон отнес эти случаи на счет социалистической агитации, что поначалу мне показалось абсурдом. Но в Тернли найдется парочка лиц, недовольных существующими порядками, так что, вполне возможно, они имеют к этому некое отношение. Доктор Бертон потребовал, чтобы я обратилась в полицию.

— Весьма разумное предложение, — отозвался Томми. — Но вы этого не сделали. Верно я говорю, мисс Харгривз?

— Нет, — призналась девушка. — Я терпеть не могу шумиху и всеобщее внимание, а их было не избежать. Кроме того, я хорошо знаю местного инспектора. Не знаю даже, поймал ли он хотя бы одного преступника! Зато мне часто попадалась в газетах реклама вашего агентства, и я сказала доктору Бертону, что будет куда лучше воспользоваться услугами частного детектива.

— Понятно.

— В своем объявлении вы много говорите о конфиденциальности. Насколько я понимаю, вы не станете ничего предавать гласности без моего разрешения?

Томми вопросительно посмотрел на нее, однако в этот момент в их беседу вмешалась Таппенс.

— Мне кажется, — негромко сказала она, — что будет лучше, если мисс Харгривз расскажет нам все.

Она нарочно сделала ударение на последнем слове. Луис покраснела.

— Верно, — быстро согласился Томми. — Мисс Робинсон права. Вы должны рассказать нам все.

— Но ведь вы не... — Посетительница не договорила.

— Все, что вы скажете, останется в этих стенах.

— Спасибо. Я понимаю, что должна быть с вами откровенной. У меня есть причина не обращаться в полицию. Мистер Блант, эту коробку конфет послал кто-то, кто живет в нашем доме!

— Откуда вам это известно, мадемуазель?

— Все очень просто. У меня есть привычка рисовать одну глупую картинку — три переплетенных рыбки. Я рисую их всякий раз, когда мне в руки попадает карандаш. Недавно из одного лондонского магазина мне пришла посылка с шелковыми чулками. Мы как раз завтракали. Я сидела, что-то помечая в газете, и, еще не перерезав бечевки и не открыв посылки, начала машинально рисовать на ярлыке своих рыбок. Потом я, конечно, об этом за-

была, однако когда стала разглядывать коричневую бумагу, в которую была завернута коробка конфет, мне в глаза бросился уголок от старого ярлыка — того самого, который я когда-то почти полностью оторвала. Так вот, на этом уголке я увидела свой рисунок!

Томми подвинул стул к ней ближе.

— Это весьма серьезно. Это, как вы сами сказали, дает все основания полагать, что отправитель конфет живет в вашем доме. Надеюсь, вы простите меня, если я скажу вам, что мне до сих пор непонятно, почему этот факт мешает вам обратиться в полицию?

Луис Харгривз посмотрела ему в глаза.

— Хорошо, я скажу вам, мистер Блант. Я не хотела бы огласки.

Томми откинулся на спинку стула.

— В таком случае, — негромко произнес он, — я, кажется, понял. Насколько я могу судить, вы не хотите сказать мне, кого подозреваете?

— Я никого не подозреваю, но не исключаю некоторые возможности.

— Именно. А теперь, будьте добры, опишите мне как можно подробнее ваш дом и его обитателей.

— Слуги, за исключением горничной, все у нас давно, уже много лет. Должна пояснить вам, что меня вырастила моя тетя, леди Рэдклифф, а она была богата. Ее супруг сделал хорошее состояние и получил дворянский титул. Это он приобрел «Тернли Грейндж», однако уже через два года умер.

Тогда леди Рэдклифф пригласила меня жить с ней. Видите ли, я ее единственная родственница. Больше у нее никого нет.

Другим обитателем дома был Дэннис Рэдклифф, племянник ее мужа. Я всегда называла его кузеном, хотя кровного родства между нами, как вы понимаете, нет. Тетя Люси никогда не скрывала того, что намерена завешать Дэннису б*о*льшую часть своего состояния — за вычетом небольшой суммы, предназначенной мне. Это деньги Рэдклиффов, говорила она, и они должны у них остаться. Увы, когда Дэннису было двадцать два года, между ними вышла ссора. Если не ошибаюсь, из-за каких-то долгов, которые он успел наделать.

Спустя год тетя умерла. Я же, к своему удивлению, обнаружила, что все свое состояние она завещала мне. Насколько я понимаю, для Дэнниса это был удар. Мне самой было крайне неприятно. Я бы с радостью отдала ему эти деньги, если б он согласился их взять, но, насколько мне известно, такие вещи не принято делать. Тем не менее, как только мне исполнился двадцать один год, я составила завещание, по которому все отходит ему. Это все, что я могла сделать. Так что, если я, допустим, попаду под машину, Дэннис получит эти деньги.

— Именно, — согласился Томми. — И когда вам исполнился двадцать один год, если не секрет?

— Три недели назад.

— А! — воскликнул Томми. — А теперь опишите поподробнее всех остальных обитателей вашего дома.

— Только слуг или других тоже?

— Всех.

— Слуги, как я уже сказала, с нами уже давно. Это кухарка, старая миссис Халлоуэй, и ее племянница и помощница Роза. Затем есть еще две пожилые горничные, а также Ханна, камеристка моей покойной тети. Она всегда была предана мне. Мою камеристку зовут Эстер Куонт, она такая славная, тихая девушка.

Что касается нас, то в доме живет компаньонка тети Люси, мисс Логан — она также выполняет обязанности экономки, — и капитан Рэдклифф, он же Дэннис, о котором я вам уже рассказала. Есть еще одна девушка по имени Мэри Чилкотт. Она моя школьная подруга и временно гостит у нас.

Томми на мгновение задумался.

— Все это представляется довольно ясным, мисс Харгривз, — произнес он спустя минуту-другую. — Насколько я понимаю, у вас нет причин подозревать кого-то из них больше, нежели всех остальных. Вы лишь опасаетесь, что человек этот может оказаться — скажем так — не из числа прислуги. Верно я говорю?

— Именно так, мистер Блант. Сказать по правде, я понятия не имею, кто мог воспользоваться тем куском коричневой бумаги. Адрес был написан печатными буквами.

— Похоже, нам остается только одно, — заявил Томми. — Я должен у вас побывать.

Девушка недоуменно посмотрела на него. Томми же, помолчав с минуту, продолжил:

— Предлагаю вам подготовиться к приезду — скажем, ваших друзей, мистера и мисс ван Дузен. Вы смогли бы сделать это, не вызывая подозрений?

— Могла бы! Это очень легко устроить. Скажите, когда вас можно ждать? Завтра или послезавтра?

— Завтра, если вы не против. Не хотелось бы терять понапрасну время.

— Тогда считайте, что мы договорились.

Девушка встала и протянула руку «мистеру Бланту».

— И еще одна вещь, мисс Харгривз. Никому ни слова — никому-никому! — о том, что мы не те, за кого себя выдаем.

— Что ты скажешь, Таппенс? — спросил Томми, вернувшись в кабинет, после того как проводил гостью.

— Что-то мне это не нравится, — решительно ответила та. — И в особенности конфеты, плохо начиненные мышьяком.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты еще не понял? Все эти шоколадные конфеты, рассылаемые по всей деревне, — не более чем отвлекающий маневр. Чтобы люди подумали, что это орудует некий местный маньяк. Ведь когда девушка по-настоящему отравится, все подумали бы, что это событие того же разряда. Видишь ли,

крайне маловероятно, чтобы кто-то догадался, что конфеты посланы кем-то из обитателей дома. Если бы не случайность.

— Совершенно верно. Если бы не случайность... Ты считаешь, что это заговор против девушки?

— Боюсь, что да. Помнится, я читал про завещания леди Рэдклифф. Эта девушка — наследница огромного состояния.

— Да, и она достигла совершеннолетия и три недели назад составила собственное завещание. Первым под подозрение попадает Дэннис Рэдклифф. Ее смерть ему выгодна.

Таппенс кивнула.

— Хуже всего, что мисс Харгривз сама так думает. Именно поэтому она и не стала обращаться в полицию. Она уже подозревает его. А еще, судя по ее отказу, можно предположить, что она наверняка влюблена в него.

— В таком случае, — задумчиво произнес Томми, — почему бы ему на ней не жениться? Оно и проще, и надежнее.

Таппенс пристально посмотрел на него.

— Это ты сейчас мощно задвинул, — заметила она. — О Боже, учти, я уже приготовилась сыграть роль мисс ван Дузен.

— К чему прибегать к преступлению, когда есть абсолютно законные средства добиться своего?

Таппенс на минуту задумалась.

— Я поняла, — объявила она. — Наверняка, учась в Оксфорде, он женился на какой-нибудь

барменше. Отсюда ссоры с тетушкой. Все тотчас становится на свои места.

— В таком случае почему бы не послать отравленные конфеты барменше? — предположил Томми. — Что было бы гораздо практичней. Я бы советовал тебе не делать скоропалительных выводов.

— Это умозаключения, — сказала Таппенс с чувством собственного достоинства. — Это твоя первая коррида, мой друг, но после того как проведешь двадцать минут на арене...

Томми запустил в нее диванной подушкой.

Глава 18

Дом затаившейся смерти
(продолжение)

— Таппенс, послушай! Таппенс, иди сюда!

Было следующее утро, время завтрака. Миссис Бересфорд спешно вышла из своей спальни в столовую. Ее муж расхаживал из угла в угол с газетой в руке.

— В чем дело?

Томми резко развернулся и сунул ей руки газету, указав при этом на заголовок.

ЗАГАДОЧНОЕ ОТРАВЛЕНИЕ
СМЕРТЬ ОТ СЭНДВИЧЕЙ С ФИГАМИ

Таппенс принялась читать дальше.

В «Тернли Грейндж» имело место загадочное массовое отравление трупным ядом. На сегодняшний день объявлено о смерти мисс Луис Харгривз и камеристки Эстер Куонт. Сообщается, что капитан Рэдклифф и мисс Логан все еще в тяжелом состоянии. Источником яда, по всей видимости, была инжирная паста, использовавшаяся для приготовления сэндвичей, поскольку еще одна особа, некая мисс Чилкотт, которая их не ела, по имеющимся данным, жива и здорова.

— Мы должны немедленно туда отправиться — сказал Томми. — Эта девушка... Совершенно очаровательная девушка! Ну почему, черт побери, я вчера не поехал туда вместе с нею?

— Если б ты поехал, — рассудительно произнесла Таппенс — то, возможно, тоже отведал бы этих сэндвичей и тоже был бы мертв. Давай поедем туда прямо сейчас. Кстати, тут сказано, что Дэннис Рэдклифф тоже серьезно болен.

— Возможно, притворяется, чтобы скрыть свои темные делишки.

Примерно в полдень сыщики прибыли в небольшую деревушку Тернли. Когда же они прибыли в «Тернли Грейндж», дверь им открыла пожилая женщина с заплаканными глазами.

— Послушайте, — сказал Томми, прежде чем она успела открыть рот. — Я никакой не репортер. Мисс Харгривз приезжала вчера ко мне вчера. Она

попросила меня приехать сюда. Есть кто-то, с кем я мог бы поговорить?

— Если хотите, можете поговорить с доктором Бертоном. Он сейчас здесь, — ответила женщина с сомнением в голосе. — Или с мисс Чилкотт. Она взяла на себя организацию похорон.

Доктор Бертон устраивал Томми больше.

— С доктором Бертоном, — решительно ответил он. — Причем немедленно, коль он сейчас здесь.

Женщина проводила их в небольшую утреннюю гостиную. Через пять минут дверь открылась, и внутрь вошел немолодой высокий джентльмен, с сутулыми плечами и озабоченным лицом.

— Доктор Бертон? — обратился к нему Томми, протягивая визитку. — Мисс Харгривз нанесла мне вчера визит по поводу коробки с отравленными конфетами. Я прибыл сюда, чтобы по ее просьбе расследовать этот случай, но, увы, опоздал.

Доктор пристально посмотрел на него.

— Вы тот самый мистер Блант?

— Да, а это моя ассистентка, мисс Робинсон.

Доктор отвесил Таппенс учтивый поклон.

— В данных обстоятельствах мне нет необходимости быть сдержанным. Если б не эпизод с конфетами, я бы поверил, что эти смерти являются следствием сильного отравления трупными ядом — правда, отравления особо тяжелого характера. О чем свидетельствуют и воспаление желудочно-кишечного тракта, и кровотечение. В общем, я беру с собою эту пасту для проведения анализов.

— Вы подозреваете отравление мышьяком?

— Нет. Яд — если здесь, конечно, был задействован яд — гораздо более сильный и быстродействующий. Скорее всего, это какой-то мощный токсин растительного происхождения.

— Понятно. Хотелось бы спросить у вас, доктор Бертон, вы уверены в том, что капитан Рэдклифф страдает от того же самого отравления?

Доктор пристально посмотрел на него.

— Капитан Рэдклифф в данный момент вообще ни от чего не страдает.

— Ага! — воскликнул Томми. — Я...

— Капитан Рэдклифф умер сегодня в пять часов утра.

Томми не поверил собственным ушам. Доктор тем временем собрался откланяться.

— А другая жертва, некая мисс Логан? — спросила Таппенс.

— У меня есть все основания надеяться, что она поправится, если до сих пор жива. Она немолода, и, похоже, яд действовал на нее гораздо слабее. Я сообщу вам результаты анализов, мистер Блант. Тем временем мисс Чилкотт, несомненно, расскажет вам все, что вы хотите знать.

Не успел он договорить, как дверь открылась и на пороге выросла девушка — высокая, с загорелым лицом и пронзительными голубыми глазами.

Доктор Бертон взял на себя обязанность представить их друг другу.

— Я рада, что вы приехали, мистер Блант, — сказала Мэри Чилкотт. — То, что здесь произошло, просто какой-то кошмар. Скажите, что вы хотели бы от меня услышать?

— Где была куплена эта инжирная паста?

— О, ее поставляют из Лондона. Здесь ее часто подают. Никто даже подумать не мог, что эта банка будет не такая, как все. Лично мне не нравится вкус инжира; этим и объясняется, почему со мною ничего не случилось. И еще непонятно, как от нее мог пострадать Дэннис, он ведь не пил чай вместе со всеми. По всей видимости, он съел сэндвич, когда вернулся домой.

Томми почувствовал, как Таппенс легонько сжала ему руку.

— Во сколько он вернулся? — уточнил он.

— Точно не знаю, но могу выяснить.

— Спасибо вам, мисс Чилкотт. В этом нет необходимости. Если вы не возражаете, мы бы хотели добросить слуг.

— Пожалуйста, мистер Блант, поступайте так, как сочтете нужным. Я вся в расстроенных чувствах... Скажите, вы не считаете, что кто-то сделал это нарочно? — В ее голубых глазах читалась тревога.

— Пока невозможно сказать что-то определенное. Но вскоре мы все узнаем.

— Да, полагаю, что доктор Бертон сделает все необходимые анализы.

С этими словами она извинилась и вышла сквозь распахнутые двери в сад, чтобы поговорить с кем-то из садовников.

— Таппенс, ты возьмешь на себя горничных, — заявил Томми. — Я отправлюсь в кухню. Может, мисс Чилкотт и в расстроенных чувствах, но по ней этого не скажешь.

Таппенс молча кивнула в знак согласия.

Они с Томми встретились через полчаса.

— Ну а теперь давай посмотрим, что мы имеем, — сказал Томми. — Сэндвичи были поданы к чаю. Камеристка съела один — теперь понятно, почему она тоже отправилась на тот свет. Кухарка утверждает, что к тому моменту, когда со стола убрали, Дэннис Рэдклифф еще не вернулся. Вопрос: как тогда его отравили?

— Он вернулся без четверти семь, — уточнила Таппенс. — Горничная видела его в окно. До ужина он выпил в библиотеке коктейль. Она как раз собралась убрать стакан, чтобы его вымыть, но я ее опередила. Кстати, после коктейля он пожаловался, что неважно себя чувствует.

— Отлично, — подвел итог Томми. — Я отдам стакан Бертону. Что-то еще?

— Я бы хотела увидеть Ханну, горничную. Она... она немного того.

— Как это понимать, немного того?

— Ну, как будто у нее не все в порядке с головой.

— Я тоже хочу взглянуть на нее.

Таппенс повела его за собой на второй этаж. У Ханны имелась своя крошечная гостиная. Они застали ее сидящей прямо на высоком стуле. На коленях у нее была раскрыта Библия. Когда они вошли, она даже не подняла глаз, а продолжала читать самой себе вслух:

— Да падут на них горящие угли; да будут они повержены в огонь, в пропасти, так, чтобы не встали[1].

— Могли бы мы поговорить с вами минутку? — спросил Томми.

Ханна лишь нетерпеливо взмахнула рукой.

— Время на исходе. Оно истекает, говорю я вам. «Я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их»[2]. Так написано здесь. Слово Божие явилось мне. Я – бич Божий.

— Она совсем сбрендила, — пробормотал Томми.

— И вот так все время, пока мы здесь, — шепнула Таппенс.

Томми взял со стола раскрытую книгу, которая лежала там страницами вниз. Посмотрев на заглавие, он сунул книгу в карман.

Внезапно старуха поднялась со стула и с грозным видом шагнула к ним.

— Убирайтесь отсюда. Время настало. Я – бич Божий. Ветер дует туда, куда хочет, — так и я унич-

[1] Пс. 139:11.

[2] Пс. 17:38.

тожаю врагов своих. Безбожники погибнут. Это обитель зла. Зла, зла, говорю я вам. Да обрушится на вас гнев Божий, я же служанка Господня.

Ханна со свирепым лицом двинулась на них. Томми решил, что лучше ее не злить, и отступил за дверь. Закрывая дверь, он заметил, что она вновь взялась за Библию.

— Интересно, она всегда такая? — пробормотал сыщик. С этими словами он вытащил из кармана взятую со стола книгу. — Ты только взгляни, что читает необразованная прислуга...

Таппенс взяла в руки книгу.

— «Materia Medica»[1], — пробормотала она и посмотрела на титульную страницу. — Собственность Эдварда Логана. Старая книга. Как ты думаешь, Томми, мы можем увидеть мисс Логан? Доктор Бертон сказал, что ей лучше.

— Может, сначала спросим мисс Чилкотт?

— Нет, давай лучше отловим горничную и отправим ее, чтобы она спросила.

Спустя короткое время сыщикам сообщили, что мисс Логан согласна их принять. Их провели в просторную спальню, выходящую окнами на лужайку. В постели лежала пожилая дама с седыми волосами. На ее морщинистом лице застыло страдальческое выражение.

— Мне было очень плохо, — еле слышно произнесла она. — Мне трудно разговаривать, но Эллен

[1] «Фармакология» (*лат.*).

сказала мне, что вы детективы. Значит, это к вам ездила за советом Луис? Она поделилась со мной своими планами.

— Да, мисс Логан, — ответил Томми. — Не хотим вас утомлять, но не согласились ли бы вы ответить на несколько вопросов? Горничная по имени Ханна, у нее все в порядке с головой?

Мисс Логан в замешательстве посмотрела на них.

— Разумеется. Она женщина глубоко религиозная, но в остальном с нею все в порядке.

Томми протянул книгу, которую взял со стола Ханны.

— Это ваша книга, мисс Логан?

— Да, это одна из книг моего отца. Он был великолепным врачом, одним из пионеров в области применения сывороток, — в голосе старой женщины прозвучала нескрываемая гордость.

— Понятно, — ответил Томми. — Мне тоже имя показалось знакомым, — солгал он. — Скажите, вы давали почитать эту книгу Ханне?

— Ханне? — Мисс Логан от возмущения даже приподнялась в постели. — Конечно же, нет. Она ведь не поймет в ней ни слова. Книга предназначена специалисту в своей области.

— Понятно. И тем не менее я нашел ее в комнате Ханны.

— Какой позор! — заявила мисс Логан. — Я не разрешаю слугам прикасаться к моим личным вещам.

— А где ее место? Этой книги?

— В книжном шкафу в моей гостиной... Или, погодите, я дала почитать ее Мэри. Эта милая малышка интересуется травами. Она даже провела два небольших эксперимента в моей кухне. Видите ли, у меня есть собственная кухонька, где я настаиваю ликеры и, как в старые добрые времена, делаю домашние заготовки. Дорогая Люси, покойная леди Рэдклифф, обычно клялась моим пижменным чаем — лучшего средства при простуде просто не сыскать. Бедняжка Люси, она так часто страдала простудой, так же как и Дэннис... Милый мальчик, его отец доводился мне кузеном...

Томми перебил поток ее воспоминаний.

— Эта ваша кухня. Кто-нибудь пользуется ею, кроме вас и мисс Чилкотт?

— Ханна убирает ее, а рано утром готовит там для нас чай.

— Спасибо вам, мисс Логан, — сказал Томми — Пока у меня к вам других вопросов нет. Надеюсь, что мы не слишком вас утомили.

Он вышел из комнаты и, задумчиво нахмурив брови, спустился вниз.

— Есть здесь нечто такое, мой дорогой мистер Рикардо, чего я никак не могу понять.

— Какой неприятный дом, — заявила Таппенс и даже передернулась. — Давай лучше прогуляемся и попытаемся осмыслить услышанное.

Томми согласился, и супруги вышли из дома. Первым делом они занесли стакан от коктейля

доктору домой, после чего отправились побродить по полям и лугам, обсуждая загадочный случай.

— Все гораздо легче осуществить, если изображать из себя простака, — заявил Томми. — В духе инспектора Ано. Кто-то наверняка подумает, будто мне все равно. Что совершенно не так. Мне не все равно. Мне почему-то кажется, что в наших силах было предотвратить эту трагедию.

— Не говори глупостей, — возразила Таппенс. — Разве мы отговаривали Луис Харгривз обращаться в Скотленд-Ярд или что-то в этом роде? Но ничто на свете не могло вынудить ее обратиться в полицию. Не приди к нам, она бы вообще ничего не стала предпринимать.

— Однако результат был бы точно такой же... Да, ты права, Таппенс. Глупо упрекать себя в том, что ты не в состоянии что-то предотвратить. Сейчас же мне хочется одного — помочь разоблачить убийцу.

— Что будет отнюдь не легким делом.

— Согласен. Существует много вероятностей, причем каждая из них по-своему безумна и невероятна. Допустим, яд в сэндвичи положил Дэннис Рэдклифф. Он ведь знал, что за чаем его не будет. Очень даже убедительная версия.

— Верно, — согласилась Таппенс. — Вплоть до определенного момента. Потому что затем мы должны будем сделать вывод, что он отравил сам себя. Что совершенно исключает его как убийцу. Есть еще кое-кто, о ком мы не должны забывать, и это Ханна.

— Ханна?

— Люди с религиозной манией порой способны на самые странные поступки.

— Тем более что у нее это, похоже, зашло слишком далеко, — ответил Томми. — Нужно будет замолвить о ней словечко доктору Бертону.

— Причем безумие развилось слишком быстро, — добавила Таппенс. — Если верить тому, что сказала нам мисс Логан.

— Думаю, в случае с религиозной манией такое возможно, — предположил Томми. — То есть сначала человек годами распевает у себя в комнате гимны, а потом вдруг с ним что-то случается, и он становится буйным.

— Против Ханны гораздо больше улик, нежели против всех остальных, — задумчиво произнесла Таппенс. — И все же, мне кажется...

Она не договорила.

— Что тебе кажется? — уточнил Томми.

— Я бы не назвала это версией. Скорее, предвзятостью.

— Предвзятость против кого-то конкретного?

Таппенс кивнула.

— Томми, скажи, тебе понравилась Мэри Чилкотт?

Мужчина задумался.

— Думаю, что да. Она показалась мне в высшей степени деятельной особой. Наверное, даже чересчур. Но в целом надежной.

— А тебе не показалось странным, что она не слишком-то расстроена?

— В некотором роде это пункт в ее пользу. То есть будь она убийцей, она наверняка стала бы усердно изображать горе.

— Пожалуй, — согласилась Таппенс. — В любом случае, что касается ее, у нас нет никакого мотива. Какая ей выгода убивать сразу столько народа? Никакой.

— Думаю, что слуги здесь тоже ни при чем.

— Похоже на то. Все они производят впечатление преданных и надежных... Интересно, а какой была камеристка, Эстер Куонт?

— Ты имеешь в виду, была ли она молодой и хорошенькой, и потому, возможно, каким-то образом причастна ко всей этой истории?

— Да, именно это, — вздохнула Таппенс. — Все так печально...

— Думаю, полиция найдет злоумышленника, — произнес Томми.

— Возможно. Но хотелось бы, чтобы это сделали мы. Кстати, ты заметил на руках у мисс Логан огромное количество крошечных красных точек?

— Скажу честно, нет. Что это такое?

— Такое впечатление, что это следы от уколов, — сказала Таппенс.

— Наверное, это доктор Бертон вводил ей какое-то лекарство.

— Может, и вводил... Вот только зачем ему понадобилось делать ей сорок уколов?

— Кокаиновая зависимость? — с надеждой в голосе предположил Томми.

— Я тоже сначала так подумала, — сказала Таппенс, — но зрачки у нее в порядке. Будь это кокаин или морфий, это тотчас было бы заметно. Кроме того, она не похожа на морфинистку или кокаинистку, тем более в ее возрасте.

— Да, такая респектабельная, богобоязненная старушенция...

— Как все сложно! — вздохнула Таппенс. — Мы с тобой говорим и говорим, и ничуть не приблизились к разгадке. Давай не забудем зайти к доктору по дороге домой.

Дверь в доме доктора Бертона им открыл долговязый юноша лет пятнадцати.

— Мистер Блант? — уточнил он. — Доктора нет дома, но он оставил записку, на тот случай, если вы к нему заглянете.

С этими словами он протянул им записку. Томми вскрыл ее.

Дорогой мистер Блант! Есть все основания полагать, что убийца использовал рицин — растительный белковый токсин сильнейшего действия. Прошу Вас пока никому об этом не говорить.

Томми выронил из рук записку, но тотчас же ее поднял.

— Рицин, — пробормотал он. — Тебе это что-нибудь говорит, Таппенс? Когда-то ты неплохо разбиралась в подобных вещах.

— Рицин... — задумалась та. — Его, если не ошибаюсь, получают из касторового масла.

— Я всегда с подозрением относился к касторовому маслу, — заявил Томми. — А теперь — тем более.

— Нет, с самим маслом все в порядке. Рицин получают из семян клещевины, из которых выжимают это самое масло. Если не ошибаюсь, сегодня утром я видела в саду клещевину. Это такое высокое растение с гладкими, блестящими листьями.

— Ты хочешь сказать, что прямо в доме кто-то получил рицин? Скажи, способна ли на такое Ханна?

Таппенс покачала головой.

— Не похоже. Для этого нужны знания.

— Та книга! — внезапно воскликнул Том. — Погоди, если не ошибаюсь, она все еще у меня в кармане... Вот она! — С этими словами он вытащил из кармана книгу и принялся яростно перелистывать ее. — Так я и думал. Вот страница, на которой книга была открыта сегодня утром. Ты только посмотри, Таппенс. Рицин!

Женщина вырвала у него книжку.

— Ты хоть что-нибудь здесь понимаешь? Лично я — ничего.

— В целом все довольно ясно, — ответила Таппенс. Читая на ходу, она двинулась дальше, на

всякий случай одной рукой держась за руку Томми. А вскоре с громким хлопком закрыла книгу.

К этому моменту они уже почти подошли к дому.

— Томми, прошу тебя, предоставь это дело мне. Всего один раз. Видишь ли, сегодня я – тот самый бык, который провел на арене больше двадцати минут.

Томми кивнул.

— Назначаю тебя Капитаном корабля, Таппенс, — серьезно произнес он. — Мы должны докопаться до самой сути.

— Прежде всего, — сказала женщина, когда они вошли в дом, — я должна задать мисс Логан еще один вопрос.

Она взбежала наверх, Томми — вслед за нею. Настойчиво постучав в дверь комнаты, Таппенс вошла внутрь.

— Это вы, моя дорогая, — сказала мисс Логан. — Я знаю, вы слишком молоды и хороши собой, чтобы быть детективом. Ну как, удалось вам что-нибудь выяснить?

— Да, — ответила Таппенс. — Удалось.

Мисс Логан вопросительно посмотрела на нее.

— Не знаю, хорошенькая я или нет, — продолжала Таппенс, — но будучи молодой, я в годы войны работала в госпитале и потому кое-что знаю про применение сывороток. В том числе, что если вводить рицин малыми дозами подкожно, организм вырабатывает антирицин и формируется иммунитет. Именно этот факт и заложил основы приме-

нения сывороток. Вы тоже это знали, мисс Логан. И потому какое-то время вводили себе рицин подкожно. После чего отравились вместе с остальными. Вы помогали вашему отцу в его работе, и потому были в курсе свойств рицина. Знали, как получить его из семян клещевины. Вы выбрали время, когда Дэннис Рэдклифф отсутствовал за чаем — вам ведь было не нужно, чтобы он отравился и умер раньше, чем Луис Харгривз. Ведь если первой умрет она, он унаследует ее состояние, которое после его смерти достанется вам, как ближайшей родственнице. Помните, утром вы сказали нам, что его отец был вашим кузеном...

Старуха смерила Таппенс злобным взглядом.

Внезапно из соседней комнаты в спальню, словно смерч, влетела какая-то фигура. Ею оказалась Ханна. В руке у нее был зажженный факел, которым она размахивала во все стороны.

— Наконец прозвучала правда! Вот она, злодейка... Я видела, как она читала книгу и улыбалась себе под нос. Я сразу догадалась, в чем дело. Я нашла книгу и эту самую страницу, но ничего не поняла. Однако голос Господа заговорил со мною. Она ненавидела мою хозяйку, покойную леди Люси. Она всегда ей завидовала. Она ненавидела мою милую мисс Луис. Но грешникам не избежать возмездия, да настигнет их огонь Божий!

С этими словами она, потрясая факелом, прыгнула к кровати.

Старуха в постели испуганно вскрикнула:

— Уберите ее! Уберите поскорее! Она права, но только уберите ее!

Таппенс подскочила к Ханне, но та успела поджечь полог кровати еще до того, как Таппенс вырвала у нее из рук факел и затоптала его.

В комнату с лестничной площадки влетел Томми. Он сорвал с кровати дымящийся полог и погасил пламя, швырнув на него сверху ковер, после чего бросился на помощь Таппенс. Совместными усилиями они скрутили Ханну как раз в тот момент, когда в комнату вбежал доктор Бертон. Им хватило всего нескольких слов, чтобы описать текущую ситуацию.

Доктор бросился к кровати и взял руку мисс Логан. В следующую секунду с его губ сорвался крик.

— Видимо, она ужасно испугалась огня. Она мертва. Наверное, в данных обстоятельствах оно даже к лучшему. — Доктор помолчал, а потом добавил: — В стакане из-под коктейля тоже был рицин.

— Это лучшее, что могло произойти, — сказал Томми, когда они, передав Ханну на попечение доктора, остались одни. — Таппенс, ты была неподражаема.

— Правда, инспектора Ано в этом было мало, — ответила та.

— Это было слишком серьезно для разного рода игр. И все-таки я до сих пор не могу думать без боли об этой девушке... Но как я уже сказал, ты была неподражаема. Все награды по праву принадлежат тебе. Процитирую знаменитую фразу: «Великое

преимущество — быть умным, но не производить впечатление умного».

— Томми, — отозвалась Таппенс, — ты наглец.

Глава 19

Неопровержимое алиби

Томми с Таппенс разбирали корреспонденцию. Внезапно женщина воскликнула и протянула мужу письмо.

— Новый клиент, — многозначительно объявила она.

— Ха! — воскликнул Томми. — Что полезного мы можем извлечь из этого письма, милейший Ватсон? В принципе ничего, кроме довольно очевидного факта, что мистер... как его там?.. Монтгомери Джонс не самый большой знаток по части орфографии в этом мире, что, в свою очередь, доказывает, что он получил весьма дорогостоящее образование.

— Монтгомери Джонс? — переспросила Таппенс. — Откуда мне знать, кто такой Монтгомери Джонс?.. Погоди, кажется, я поняла. Если не ошибаюсь, его упоминала Джанет Сент-Винсент. Его мать звали леди Эйлин Монтгомери. Вся из себя такая праведная и набожная и с ужасно вздорным характером... Она еще вышла замуж за человека по имени Джонс, потому что у него было много денег.

— Все та же старая как мир история, — отозвался Томми. — Одну минутку, когда этот мистер М. Дж. желает нас видеть? Ага, в одиннадцать тридцать...

И действительно, ровно в одиннадцать тридцать в офис шагнул очень высокий молодой человек с весьма приятным лицом.

— Послушайте, могу я видеть мистера... Бланта? — спросил он у Альберта.

— У вас с ним есть предварительная договоренность о встрече, сэр? — поинтересовался тот.

— Точно сказать не могу. Впрочем, думаю, что да, есть. То есть я написал ему письмо.

— Ваше имя, сэр?

— Мистер Монтгомери Джонс.

— Сейчас я доложу о вас мистеру Бланту.

Спустя какое-то время Альберт вернулся.

— Не могли бы вы подождать несколько минут, сэр? Мистер Блант в данный момент занят, у него важное совещание.

— О да, разумеется, — ответил мистер Джонс.

Решив, что он произвел на клиента достаточное впечатление, Томми нажал на звонок на столе, и Альберт распахнул перед Монтгомери дверь, впуская его внутрь.

Томми встал из-за стола ему навстречу и, обменявшись рукопожатиями, жестом пригласил занять свободный стул.

— Итак, мистер Монтгомери Джонс, — бодро произнес он, — чему мы обязаны удовольствием видеть вас?

Мистер Джонс вопросительно посмотрел на третьего человека в комнате.

— Это мой личный секретарь, мисс Робинсон, — пояснил Томми. — Вы можете говорить в ее присутствии совершенно свободно. Насколько я понимаю, вас к нам привело одно семейное дело весьма деликатного свойства?

— Видите ли, не совсем так, — неуверенно ответил Монтгомери Джонс.

— Вы меня удивляете! — заявил Томми. — Надеюсь, вы сами не попали ни в какие-то неприятности?

— Нет-нет, что вы, — возразил мистер Джонс.

— Что ж, в таком случае, — произнес «мистер Блант», — давайте сразу перейдем к фактам.

Увы, как оказалось, этого-то Монтгомери Джонс как раз и не мог сделать.

— Я пришел попросить вас об одной весьма необычной вещи, — произнес он, подбирая слова. — Видите ли, я даже не знаю, с чего начать...

— Мы никогда не беремся за дела о разводе, — предупредил его Томми.

— Господи, нет, речь не об этом, — успокоил его мистер Джонс. — Речь совсем о другом. Это такая глупая шутка, только и всего.

— Кто-то сыграл с вами загадочную шутку? — уточнил Томми.

Но Монтгомери Джонс вновь отрицательно покачал головой.

— Ну, хорошо, — произнес Томми, откидываясь на спинку стула. — Не торопитесь. Давайте вы все расскажете мне сами.

Воцарилось молчание.

— Видите ли, — наконец заговорил мистер Джонс. — Это произошло за ужином. Я сидел рядом с одной девушкой.

— И?.. — спросил Томми, намекая, что, мол, пора продолжать.

— Она была... У меня даже нет слов, чтобы вам ее описать, но такой, как она, я еще ни разу не видел. Она родом из Австралии, приехала сюда вместе с другой девушкой. Они вместе снимают квартиру на Кларджес-стрит. Она страшно рисковая. У меня нет слов, чтобы описать, какое впечатление она произвела на меня.

— Почему же, мы отлично это представляем, — подала голос Таппенс.

Она сразу поняла: если они хотят услышать правду о несчастьях бедного мистера Джонса, без женского сочувствия — столь разительно отличающегося от делового подхода мистера Бланта — им никак не обойтись.

— Мы всё прекрасно понимаем, — добавила она для пущей убедительности.

— Видите ли, я был совершенно не готов к тому, — произнес мистер Монтгомери Джонс, — что девушка способна перевернуть всю мою жизнь. Кстати, у меня была еще одна девушка — нет, даже две. Одна очень даже веселая и все такое прочее, но

мне не совсем понравился ее подбородок. Правда, она прекрасно танцевала. Кроме того, я знаю ее всю мою жизнь, что придает любому молодому человеку уверенности в себе. Затем была одна девушка из «Фриволити». Ужасно забавная, но, с другой стороны, из-за нее у меня с матерью возникли бы проблемы, а зачем они мне, тем более что я не горел желанием жениться ни на одной из них. Но я, как вы понимаете, задумывался о подобных вещах, как вдруг — бац! — словно гром среди ясного неба. Я оказался рядом с этой девушкой, и...

— Весь мир перевернулся, — подсказала Таппенс сладчайшим голосом.

Томми беспокойно поерзал на стуле. К этому моменту мистер Джонс порядком утомил его перечислением своих любовных романов.

— Как вы, однако, верно сказали, — вздохнул Монтгомери, — именно так все и было. Единственное, мне кажется, я ей не слишком понравился. Может, с первого взгляда этого не заметно, но я не слишком-то умен.

— О, зря вы скромничаете! — заверила его Таппенс.

— О нет, я прекрасно понимаю, что не бог весть что собой представляю, — ответил мистер Джонс с милейшей подкупающей улыбкой. — По крайней мере, в глазах такой замечательной девушки, как она. Именно поэтому я и хочу провернуть это дело. Оно — мой единственный шанс. Такая чудная

девушка, как она, никогда не возьмет назад свое слово.

— Безусловно, мы желаем вам только удачи и все такое прочее, — проникновенно начала Таппенс, — но я не совсем понимаю, что, собственно, вы хотите сделать.

— О Боже! — воскликнул мистер Монтгомери Джонс. — Разве я вам уже не объяснил?

— Нет, — ответил Томми, — не объяснили.

— В общем, дело обстоит следующим образом. Мы с ней разговаривали про детективные истории. Уна — так ее зовут — ужасно увлекается ими, так же, как и я. Мы разговорились об одной такой истории. В ней все завязано на алиби. И тогда у нас возник разговор про алиби и как их можно подделать. И я сказал... нет, это она сказала... черт, кто же из нас двоих это сказал?

— Ничего страшного, какая разница, — успокоила его Таппенс.

— Я сказал, что это чертовски трудно сделать. Она со мною не согласилась. Сказала, что достаточно поднапрячь мозги. Мы с нею заспорили, и в конце концов она предложила мне пари. «Скажи, — спросила она, — на что можно поставить, что я придумаю алиби, которое никто не сможет опровергнуть?» «Да на что угодно», — ответил я. И мы заключили пари. Уна была страшно в себе уверена. «Вот увидишь, я выиграю», — заявила она. «Я бы на твоем месте не стал так утверждать, — ответил я. — Допустим, ты проиграешь, и я попрошу

тебя о чем угодно?» Она рассмеялась и сказала, что ее отец был игрок и для нее это не проблема.

— И?.. — спросила Таппенс, когда мистер Джонс вновь умолк и посмотрел на нее умоляющим взглядом.

— Ну как вы не понимаете? Я могу выбрать все что угодно. Для меня это единственный шанс заставить такую девушку, как она, посмотреть в мою сторону. Вы понятия не имеете, какая она спорщица. Прошлым летом, когда Уна плавала на лодке, кто-то поспорил, что она ни за что не прыгнет за борт и не доплывет до берега. А она и спрыгнула, и доплыла!

— Знаете, это довольно любопытное предложение, — осторожно заметил Томми. — Но я не уверен, что понимаю вас до конца.

— О, все просто как дважды два, — ответил Монтгомери Джонс. — По идее, вы только этим и занимаетесь. Расследуете фальшивые алиби и ищете в них уязвимое место.

— Да-да, разумеется, — поддакнул Томми. — Мы делаем это постоянно.

— Кто-то должен сделать это за меня, — заявил мистер Джонс. — Потому что сам я этого никогда не смогу. Вам нужно только застукать ее на лжи, и все будет прекрасно. Может, вам все это кажется безнадежной затеей, но для меня это значит все на свете. И я готов заплатить... э-э-э... понести все необходимые расходы.

— Это будет весьма кстати, — согласилась Таппенс. — Я уверена, что мистер Блант согласится взять ваше дело.

— Безусловно, безусловно, — поспешил заверить его Томми. — Крайне занимательный случай. Прелюбопытнейший!

Монтгомери облегченно вздохнул и, вытащив из кармана кипу бумаг, нашел нужную.

— Вот она, — произнес он. — Она пишет: «Посылаю тебе доказательство того, что я одновременно была в двух разных местах. Согласно первой истории я одна обедала в ресторане “Бон Там” в Сохо, затем пошла в варьете и поужинала с другом, мистером ле Маршаном, в “Савое”. При этом на тот момент я остановилась в отеле “Касл”, в Торки, и вернулась в Лондон только на следующее утро. Ты должен выяснить, какая из двух историй правдивая и как я смогла придать достоверность другой».

— Теперь вы видите, — подвел итог мистер Монтгомери Джонс, — что мне от вас нужно.

— Весьма занимательная проблема и очень наивная, — сказал Томми.

— Вот фотография Уны, — добавил мистер Монтгомери. — Она вам понадобится.

— Как полное имя этой юной леди? — поинтересовался Томми.

— Мисс Уна Дрейк. Ее адрес — дом номер сто восемьдесят по Кларджес-стрит.

— Благодарю вас, — сказал Томми. — Хорошо, мистер Монтгомери Джонс, мы займемся для вас этим делом. Надеемся вскоре услышать от вас хорошие новости.

— Как я уже сказал, буду премного вам благодарен, — ответил мистер Джонс, поднимаясь со стула и пожимая Томми руку. — Вы сняли с меня целый груз забот.

Проводив клиента за дверь, Томми вернулся в кабинет. Таппенс стояла у шкафа, в котором выстроилась их библиотека классиков.

— Инспектор Френч, — сказала она[1].

— Ты о чем? — не понял Томми.

— Классический инспектор Френч, — продолжала Таппенс. — Он всегда занимался алиби. Я знаю точную процедуру. Нам надо пройтись по всем пунктам и каждый основательно проверить. Сначала все они покажутся правдоподобными, однако стоит присмотреться внимательнее, как мы в каком-нибудь из них найдем изъян.

— Ну, это не составит для нас особого труда, — согласился Томми. — Я хочу сказать, что, если с самого начала знать, что одно из них фальшивое, можно быть уверенными в успехе. Но вот это и вселяет в меня тревогу.

---

[1] Инспектор Джозеф Френч — герой детективных произведений англо-ирландского писателя Фримена Уиллса Крофтса (1879–1957).

— И какой же здесь повод для тревоги? Лично я не вижу никаких.

— Мне тревожно за девушку, — ответил Томми. — По всей видимости, ей придется выйти замуж за нашего молодого человека, хочет она того или нет.

— Дорогой, — проворковала Таппенс, — не говори ерунду. Женщины редко бывают склонны к риску, даже если со стороны кажется обратное. Если только эта девушка не готова выйти замуж за этого милого, но довольно никчемного молодого человека, она никогда бы не позволила ему втянуть себя в это пари. Но, Томми, поверь мне, она выйдет за него замуж с гораздо большим энтузиазмом и уважением к нему, если не станет облегчать ему задачу и он честно выиграет их пари.

— Ты считаешь, что знаешь обо всем на свете, — заметил ее муж.

— Представь себе, — ответила Таппенс.

— А теперь давай посмотрим, что мы имеем, — сказал Томми, подгребая к себе бумаги. — Во-первых, фото, хм, милой, симпатичной девушка. Кстати, очень хороший снимок. Четкий, ясный, по нему ее легко узнать.

— Мы должны раздобыть и другие фото, — сказал Таппенс.

— Зачем?

— Так всегда делают, — пояснила Таппенс — Вы показываете четыре или пять фотографий официантам, и они вытаскивают ту, что вам нужна.

— Ты считаешь, что они всегда вытаскивают ту, которую нужно? — спросил Томми.

— По крайней мере, так говорится в книгах, — ответила Таппенс

— Как жаль, что реальная жизнь так отличается от книг, — вздохнул Томми. — Итак, что еще у нас есть? Ага, лондонская программа. Обед в «Бон Там», в семь тридцать. Затем театр «Дьюкс», где она смотрела «Голубые дельфиниумы». Корешок театрального билета приложен. Ужин в «Савое» в обществе мистера ле Маршана. Думаю, мы могли бы поговорить с ним.

— Это нам ничего не даст, — возразила Таппенс. — Он помогает ей в этом пари и, разумеется, ничего не выдаст. Нетрудно представить, что он нам скажет.

— Вот другая ниточка, из Торки, — продолжал Томми. — Двенадцатичасовой поезд из Лондона, с вокзала Паддингтон. Ланч в вагоне-ресторане, счет прилагается. Остановилась на одну ночь в отеле «Касл». И вновь кассовый чек приложен.

— Мне все это представляется довольно неубедительным, — заметила Таппенс. — Билет в театр может купить любой, при этом даже не заглянув туда. Барышня отправилась в Торки, а лондонская версия — фальшивка.

— Если так, то нам не нужно никуда ездить, — сказал Томми. — Зато можно побеседовать с мистером ле Маршаном.

Мистер ле Маршан оказался говорливым юношей, который ничуть не удивился, увидев их.

— Как я понимаю, Уна затеяла небольшую игру. Я прав? — спросил он. — Никогда не знаешь, что еще она придумает.

— Насколько нам известно, мистер ле Маршан, — произнес Томми, — в прошлый вторник мисс Дрейк ужинала вместе с вами в отеле «Савой».

— Верно, — согласился мистер ле Маршан. — Я точно помню, что это был вторник, так как Уна специально напомнила мне об этом. Более того, велела сделать запись в блокноте.

Мистер ле Маршан с гордым видом продемонстрировал сделанную карандашом запись «Ужин с Уной. «Савой», вторник, 19-е число».

— Скажите, а где мисс Дрейк была до этого в тот же вечер?

— Она сходила в варьете на какое-то совершенно дурацкое представление под названием «Розовые пионы» или что-то в этом роде. По ее словам, полная чушь.

— Вы уверены, что провели тот вечер в обществе мисс Дрейк?

Мистер ле Маршан недоуменно вытаращил глаза.

— Разумеется. Я ведь только что вам сказал.

— Возможно, это она велела вам так сказать, — пояснила Таппенс.

— Коли на то пошло, то да, она сказала нечто странное. Как же она выразилась? «Ты считаешь, Джимми, что сейчас ужинаешь со мной, но на самом деле я сейчас ужинаю за двести миль отсюда, в Девоншире». Странная фраза, вы не находите? Что-то в духе путешествий астрального тела или типа того... Но куда интереснее другое: мой приятель, Дики Рис, подумал, что видел ее там.

— Кто такой этот мистер Рис?

— Один мой знакомый. Он как раз гостил в Торки у тетки — знаете, из разряда древних старушенций, что живут вечно. Дики всегда был образцовый племянник. Так вот, он сказал: «Я там видел эту австралийскую барышню, как ее там зовут, Уна, если не ошибаюсь. Хотел подойти к ней и поговорить, но тетка заставила меня вести беседу с какой-то старой перечницей в кресле-коляске». «Когда это было?» — спросил я у него. И он ответил: «Во вторник, около пяти». Я сказал ему, что, по всей видимости, он обознался, но согласитесь, все равно как-то странно. Уна в тот вечер тоже упомянула про Девоншир.

— Очень странно, — согласился Томми. — Скажите, мистер ле Маршан, а кто-нибудь из ваших знакомых видел вас в «Савое»?

— За соседним столиком сидела пара по фамилии Огландер.

— Они знают мисс Дрейк?

— О да, знают. Правда, я бы не сказал, что они близко знакомы или что-то в этом роде.

— Ну что ж, если вам больше нечего нам рассказать, мистер ле Маршан, думаю, я могу вам пожелать хорошего утра.

— Или этот Маршан прекрасный лжец, — заключил Томми, когда они вышли на улицу, — или он говорит правду.

— Да, я изменила свое мнение, — сказала Таппенс. — Похоже, что в тот вечер Уна Дрейк все-таки ужинала в «Савое».

— Значит, теперь мы отправимся в «Бон Там», — сказал Томми. — Думаю, двум сыщикам не помешает подкрепиться. Но для начала давай разживемся фотографиями нескольких других девушек.

Последнее оказалось сложнее, чем они ожидали. Когда Бересфорды, зайдя в фотоателье, попросили снимки нескольких девушек, их встретил холодный отказ.

— Ну почему вещи, такие простые в книгах, так непросты в реальной жизни! — пожаловалась Таппенс. — С каким подозрением на нас там смотрели... Что, по-твоему, они подумали про нас? Что мы какие-то злоумышленники? Нет, давай лучше пойдем к Джейн и пороемся у нее дома.

Подруга Таппенс Джейн оказалась куда более сговорчивой и разрешила миссис Бересфорд порыться в ящике комода и выбрать четыре снимка ее бывших подруг, которые наспех были убраны с глаз долой и из сердца вон.

Вооружившись созвездием красоток, Томми и Таппенс отправились в «Бон Там». Увы, здесь

их ожидали новые трудности и большие расходы. Томми был вынужден отлавливать каждого из официантов, давать ему чаевые и показывать набор фотографий. Результат был крайне неудовлетворительный. По крайней мере, трое из девушек обедали здесь в прошлый вторник. Раздосадованные, Томми и Таппенс вернулись к себе в офис, где женщина тотчас взялась за изучение железнодорожного расписания.

— Вокзал Паддингтон, в полдень, на Торки в три ноль пять... Да, это тот самый поезд. А друг ле Маршана, как его там, некий мистер Саго или Тапиока, видел ее там примерно в пять часов.

— Мы пока не проверили его слова, — сказал Томми. — И как ты только что сама сказала, ле Маршан — приятель Уны Дрейк, и потому вполне мог придумать эту историю.

— Нам придется отыскать этого мистера Риса, — заявила Таппенс. — Что-то подсказывает мне, что мистер ле Маршан говорит правду. Я же хочу понять следующее. Уна Дрейк уезжает из Лондона поездом, который отходит в полдень, и, возможно, снимает в гостинице номер и распаковывает вещи. Затем едет назад в Лондон и успевает к ужину в «Савое». Есть один поезд, каким она могла бы воспользоваться. Он отходит из Торки в четыре сорок и прибывает в Лондон, на вокзал Паддингтон, в девять десять.

— И что потом? — спросил Томми.

— А потом, — нахмурила брови Таппенс, — все гораздо труднее. Есть один поезд, который отходит с вокзала Паддингтон в полночь, но она вряд ли могла им воспользоваться, потому что для нее это было бы слишком рано.

— А если не поездом, а автомобилем? — предположил Томми.

— Хм, — задумалась Таппенс. — До Торки всего двести миль...

— Австралийцы, насколько мне известно, ужасные лихачи.

— Хорошо, допустим, — согласилась Таппенс. — В таком случае она прибыла бы туда около семи утра.

— Ты хочешь сказать, что она проскользнула бы в свой номер в отеле «Касл» никем не замеченная? Или же объявляется там рано утром и говорит, мол, я не ночевала в вашем отеле и хотела бы расплатиться по счету? Как ты себе это представляешь?

— Томми, — заявила Таппенс, — мы идиоты. Скажи, какой ей смысл возвращаться в Торки? Ей достаточно отправить туда подругу, чтобы та забрала ее вещи и расплатилась за номер. Вот и всё. Зато на руках у нее оплаченный чек из отеля. Все как положено.

— Думаю, в целом мы с тобой исходили из весьма здравой гипотезы, — сказал Томми. — Следующее, что нам надо сделать, это сесть завтра на двенадцатичасовой поезд до Торки и проверить наши блестящие умозаключения.

Вооружившись набором фотоснимков, Томми и Таппенс на следующее утро сели в вагон первого класса и заказали столик в вагоне-ресторане.

— Думаю, официанты будут другие, — сказал Томми. — Нет смысла рассчитывать на то, что окажутся те же самые. Можно ездить в Торки и обратно несколько дней и так и не наткнуться на тех, что работали в прошлый вторник.

На их счастье, им повезло. Официант, который принес им счет, в ответ на их вопрос подтвердил, что работал в предыдущий вторник. Тотчас была задействована так называемая тактика десятишиллинговой купюры, а Таппенс достала набор фотоснимков.

— Мы хотели бы знать, — сказал Томми, — видели ли вы в тот вторник в вашем ресторане одну из этих девушек?

В духе лучших детективных рассказов официант, не колеблясь, указал на фото Уны Дрейк.

— Да, сэр. Я помню эту леди, и я хорошо помню, что это был вторник. Видите ли, она сама это подчеркнула, сказав, что для нее вторник всегда был самым удачным днем недели.

— Ну что, пока все идет неплохо, — сказала Таппенс, когда они вернулись в свое купе. — И нам наверняка скажут, что она снимала в отеле номер. Куда труднее будет доказать, что она вернулась в Лондон. Но возможно, ее запомнил кто-нибудь из носильщиков...

Увы, здесь их ждало разочарование. Перейдя к другой платформе, Томми расспросил дежурных по перрону и носильщиков. Предварительно получив, как и в предыдущем случае, по полкроны, двое из носильщиков выбрали фото одной из девушек, заявив при этом, что смутно припоминают, будто похожая особа в тот день садилась в четыре сорок на лондонский поезд. Уну Дрейк не узнал никто.

— Но ведь это еще ничего не доказывает, — сказала Таппенс, когда они ушли со станции. — Она вполне могла поехать тем поездом, и никто этого не заметил.

— Она могла вообще сесть на другой станции, например, в Торре.

— Кстати, интересная мысль, — согласилась Таппенс. — Однако для начала давай проверим отель.

Отель «Касл» оправдывал свое название. Огромный, как замок, он фасадом выходил к морю. Сняв на одну ночь номер и расписавшись в журнале постояльцев, Томми как бы невзначай заметил:

— Если не ошибаюсь, в прошлый вторник у вас останавливалась одна наша знакомая, мисс Уна Дрейк.

Девушка за стойкой ответила ему широкой улыбкой.

— О да, отлично ее помню. Если не ошибаюсь, она родом из Австралии.

По знаку Томми Таппенс вытащила фотографию.

— У нас как раз ее фото. Согласитесь, что она очаровательна.

— Да-да, очень симпатичная и очень модная.

— И как долго она жила у вас? — поинтересовался Томми.

— Всего одну ночь. Экспрессом на следующее утро вернулась назад в Лондон. Я еще подумала, какой смысл ехать в такую даль, чтобы провести в отеле всего одну ночь. Но потом решила, что австралийки привычны к путешествиям.

— Она отчаянная особа, — сказал Томми. — Обожает приключения. Скажите, это случайно не здесь у вас она, поужинав в ресторане с друзьями, отправилась кататься в их машине и угодила в канаву и смогла добраться домой лишь к утру?

— О нет, — возразила девушка за стойкой. — Мисс Дрейк ужинала здесь, в отеле.

— Вот как? — изобразил удивление Томми. — Вы в этом уверены? То есть, я хочу сказать, откуда вы это знаете?

— Я ее видела собственными глазами.

— Я потому спросил, что мне казалось, что здесь, в Торки, она ужинала вместе с друзьями, — пояснил Томми.

— О нет, сэр, она ужинала здесь, — девушка за стойкой рассмеялась и слегка покраснела. — Я потому обратила на нее внимание, что на ней было ужасно хорошенькое платье. Ну, вы, навер-

ное, видели такие... шифоновое, все в анютиных глазках.

— Таппенс, от нашей версии не осталось камня на камне, — заявил Томми, когда они поднялись к себе в номер.

— Похоже на то, — согласилась та. — Разумеется, эта девушка могла ошибаться. Давай на всякий случай спросим также официанта. В это время года здесь вряд ли бывает много постояльцев.

На этот раз в атаку первой пошла Таппенс.

— Не могли бы вы сказать мне, была ли здесь в прошлый вторник одна моя подруга? — спросила она у официанта, одарив его обворожительной улыбкой. — Мисс Дрейк ее зовут. Она была еще в таком симпатичном платье в анютиных глазках. — Для убедительности Таппенс даже вытащила фото. — Вот она.

Официант моментально расплылся в улыбке.

— Да-да, мисс Дрейк... Отлично ее помню. Она сказала мне, что приехала из Австралии.

— Она ужинала у вас?

— Да. В прошлый вторник. Она еще спросила у меня, чем можно заняться после ужина в нашем городе.

— Вот как?

— Я сказал ей, что у нас есть театр, так называемый Павильон, но в конце концов она решила никуда не идти и провела весь вечер у нас, слушая выступление оркестра.

— Черт, — выругался себе под нос Томми.

— Вы не помните, в котором часу она ужинала? — поинтересовалась Таппенс.

— Она спустилась довольно-таки поздно, часов в восемь.

— Проклятье и еще раз проклятье! — воскликнула Таппенс, когда они с Томми покинули обеденный зал. — Томми, здесь явно что-то не так. А ведь поначалу все казалось так просто и ясно...

— Наверное, нам следовало предвидеть, что трудностей не избежать.

— Как ты думаешь, не могла она уехать назад каким-нибудь поздним поездом?

— В любом случае, в Лондон и в «Савой» она бы уже не успела.

— Ну что ж, — подвела итог Таппенс, — в качестве последней надежды я хочу поговорить с горничной. Кстати, номер Уны Дрейк на том же этаже, что и наш.

Горничная оказалась пышнотелой и говорливой. Да, она хорошо помнит юную леди. Да-да, это ее фото. Такая милая молодая особа, веселая и разговорчивая... Наговорила ей кучу всего про Австралию и кенгуру. Примерно в половине десятого она позвонила в колокольчик и попросила наполнить для нее грелку, а также чтобы на следующее утро ее разбудили в половине восьмого и вместо чая подали кофе.

— Когда вы пришли ее будить, она была в постели? — уточнила Таппенс.

Горничная в недоумении уставилась на нее.

— Разумеется, мэм, где же ей еще было быть!

— Я подумала, вдруг она делала утреннюю гимнастику или что-то в этом роде, — поспешила загладить оплошность Таппенс. — Сейчас многие делают ее рано утром.

— Похоже, ее показания крепки, как железо, — сказал Томми, когда горничная ушла. — Из чего напрашивается только один вывод: фальшивой является лондонская версия.

— То есть мистер ле Маршан куда более изощренный лжец, чем мы думали, — вздохнула Таппенс.

— У нас есть способ проверить его слова, — сказал Томми. — Он сказал, что за соседним столиком сидели люди, которые знали Уну. Как их там звали... Огландеры, если не ошибаюсь. Так вот, мы должны их разыскать, а также навести справки о квартире мисс Дрейк на Кларджес-стрит.

На следующее утро супруги расплатились по счету и не в самом лучшем настроении покинули отель.

Выловить Огландеров оказалось довольно легко — помог телефонный справочник. На этот раз в атаку пошла Таппенс, представившись репортером иллюстрированной газеты. Она нанесла визит миссис Огландер, чтобы расспросить у той детали ее «шикарного ужина» в «Савое» во вторник вечером. Надо сказать, что миссис Огландер была только рада снабдить ее такими

деталями. Уходя от нее, Таппенс как бы невзначай заметила:

— Одну минутку. За соседним столиком, случайно, не сидела мисс Уна Дрейк? Скажите, это правда, что она помолвлена с герцогом Пертским? Вы ведь наверняка хорошо с ней знакомы.

— Я знаю ее лишь внешне, — сказала миссис Огландер. — Такая очаровательная девушка... Да, она сидела за соседним столиком с мистером ле Маршаном. Мои подруги знают ее гораздо лучше, чем я.

Следующим пунктом маршрута Таппенс стала квартира на Кларджес-стрит. Дверь ей открыла мисс Марджори Лестер, подруга, с которой мисс Дрейк снимала квартиру.

— Прошу вас, расскажите мне все, как есть, — жалобно попросила мисс Лестер. — Она затеяла какую-то сложную игру, а я даже не знаю, какую. Разумеется, она спала здесь во вторник вечером.

— Вы видели, как она пришла?

— Нет, я уже легла в постель. У нее есть свой собственный ключ. Если не ошибаюсь, она вернулась домой около часу ночи.

— И когда вы ее увидели?

— На следующее утро, примерно в девять... Или нет, ближе к десяти.

Выходя из квартиры, Таппенс едва не столкнулась с высокой, тощей особой, которая входила в дверь дома.

— Простите меня, мисс, — извинилась тощая женщина.

— Вы здесь работаете? — поинтересовалась Таппенс.

— Да, мисс. Я прихожу убирать каждый день.

— И во сколько вы приходите по утрам?

— В девять, мисс.

Таппенс сунула ей в тощую руку полкроны.

— Скажите, была мисс Дрейк дома утром в прошлую среду, когда вы пришли на работу?

— Разумеется, мисс. Где же еще ей быть? Спала как убитая в своей постели и даже не проснулась, когда я принесла ей чай.

— О, благодарю вас, — сказала Таппенс и, понурив голову, спустилась вниз по лестнице.

Они с Томми договорились встретиться в небольшом ресторанчике в Сохо, где сравнили свои записи.

— Я встретился с этим Рисом. Он действительно видел с расстояния Уну Дрейк в Торки.

— Итак, — сказала Таппенс, — мы проверили все эти алиби. Дай мне листок бумаги и карандаш. Давай все аккуратно запишем, как это делают все детективы.

13.30. Уну Дрейк видели в вагоне-ресторане поезда.
16.00. Прибыла в отель «Касл».
17.00. Ее видел мистер Рис.
20.00. Ее видели ужинающей в отеле.
21.30. Просит принести грелку.

23.30. Замечена в «Савое» в обществе мистера ле Маршана.
7.30. Разбужена горничной в номере отеля.
9.00. Разбужена горничной в лондонской квартире.

Супруги вопросительно посмотрели друг на друга.

— Похоже, что «Блестящие сыщики Бланта» на этот раз посрамлены, — печально вздохнул Томми.

— Нет, сдаваться рано, — возразила Таппенс. — Кто-то из них наверняка лжет.

— В том-то вся и беда, что, похоже, никто из них не лжет. Наоборот, все до единого говорят чистую правду.

— Значит, должен быть какой-то изъян. И мы это знаем. Есть, конечно, такие вещи, как частные аэропланы, но это вряд ли приблизит нас к разгадке.

— Я, скорее, склоняюсь к теории астрального тела.

— В данной ситуации, — заявила Таппенс, — самое разумное — выбросить все из головы и лечь спать. Потому что, когда человек спит, в работу включается подсознание.

— Хм, — произнес Томми. — В таком случае твое подсознание должно выдать к завтрашнему утру ответ на эту загадку. Желаю ему удачи.

Весь вечер они молчали. Таппенс снова и снова просматривала бумаги, делала записи на клочках бумаги, что-то озадаченно бормотала себе под

нос, изучая железнодорожное расписание. В конце концов оба встали и отправились в кровать, не имея даже проблеска надежды.

— Как все это, однако, печально, — вздохнул Томми.

— Я еще ни разу не чувствовала себя такой несчастной, — пожаловалась Таппенс.

— Зря мы не съездили в мюзик-холл, — сказал Томми. — Думаю, шутки про тёщ, близнецов и пивные бутылки наверняка подняли бы нам настроение.

— Нет, вот увидишь, такая сосредоточенность мыслей в конце концов даст свои плоды, — возразила Таппенс. — Ты только представь, как будет работать наше с тобой подсознание ближайшие восемь часов!

На такой оптимистичной ноте Бересфорды отправились в постель.

— Итак, — произнес на следующее утро Томми, — как поработало твое подсознание?

— У меня есть идея, — ответила Таппенс.

— Вот как? И что за идея?

— Как тебе сказать... довольно смешная идея. Это совсем не то, что я читала в детективах. Кстати, она пришла мне в голову благодаря тебе.

— В таком случае это наверняка хорошая идея, — решительно заявил Томми. — Давай, Таппенс, выкладывай.

— Сначала я должна послать каблограмму[1], чтобы ее проверить, — ответила Таппенс. — Так что пока я ничего тебе не скажу. Это совершенно безумная идея, но это единственное, что объяснит все.

— В таком случае, — ответил Томми, — я уезжаю в офис. Меня наверняка уже ждет целая приемная разочарованных клиентов. А этот случай я целиком и полностью вручаю моей подающей надежды помощнице.

Таппенс весело кивнула.

В офисе она не появлялась целый день. Когда Томми в половине шестого вернулся домой, он застал там полную ликования Таппенс.

— Я добилась своего, Томми! Я разрешила загадку этого алиби. Теперь мы сможем взыскать все наши расходы — и монетки в полкроны, и десятишиллинговые банкноты — с нашего клиента мистера Монтгомери Джонса. Он же может ехать к своей барышне и делать ей предложение.

— И каково же решение? — спросил Томми.

— Самое что ни на есть простое, — ответила Таппенс. — Близнецы.

— Что ты хочешь этим сказать — «близнецы»? — удивился Томми.

— То, что слышал. Это единственное разумное решение. И ты сам вложил мне его в голову, когда вчера вечером высказался насчет тёщ, близнецов и бутылок с пивом. Я каблограммой отправила

---

[1] Каблограмма — телеграмма, отправленная по кабелю.

запрос в Австралию и вскоре получила нужную мне информацию. У Уны есть сестра-близнец по имени Вера. В прошлый понедельник она приехала в Англию. Вот почему Уна смогла так легко заключить это пари. Она решила, что для бедного Монтгомери Джонса это будет непосильной задачей. Сестра отправилась в Торки, а сама она осталась в Лондоне.

— Ты думаешь, она сильно расстроится по поводу того, что проиграла? — спросил Томми.

— Нет, — ответила Таппенс. — Кстати, я уже высказала тебе мое мнение по этому поводу. Она припишет Монтгомери Джонсу все мыслимые и немыслимые достоинства. Я всегда говорила, что залогом прочной семейной жизни является уважение к способностям мужа.

— Я рад, что ты испытываешь ко мне эти чувства, Таппенс.

— Это решение не слишком меня удовлетворяет, — заявила женщина. — Это совсем не тот хитрый изъян, который бы подметил инспектор Френч.

— Чепуха, — возразил Томми. — По-моему, я показал фотографии официанту в ресторане точно так же, как это сделал бы инспектор Френч.

— В отличие от нас, инспектор Френч обходился куда меньшим количеством монет и десятишиллинговых банкнот, — мудро заметила Таппенс.

— Подумаешь, — отмахнулся Томми. — Мы отнесем их на счет мистера Монтгомери Джонса в качестве накладных расходов. Он будет пре-

бывать в таком идиотическом блаженстве, что, глазом не моргнув, оплатит даже самый грабительский счет.

— Еще бы ему его не оплатить! — воскликнула Таппенс. — Разве «Блестящие сыщики Бланта» не с блеском справились с поставленной перед ними задачей? Томми, мне кажется, мы и в самом деле ужасно умные. Меня порою это даже пугает.

— Следующий случай будет в духе Роджера Шеррингема[1], причем Роджером Шеррингемом будешь ты, Таппенс.

— Мне придется все время болтать, не закрывая рта, — сказала Таппенс.

— Это ты умеешь делать самым естественным образом, — сказал Томми. — А пока я предлагаю довести до конца программу вчерашнего вечера и посетить мюзик-холл, чтобы послушать шутки про тёщ, бутылки с пивом и близнецов.

Глава 20

Дочь священника

— Как бы я хотела, — задумчиво произнесла Таппенс, бродя по кабинету, — чтобы мы познакомились с дочерью священника.

— Это еще зачем? — удивился Томми.

---

[1] Роджер Шеррингем — сыщик-литератор, герой произведений английского писателя Энтони Беркли (1893–1957).

— Похоже, ты забыл о том, что когда-то я сама была дочерью священника. И потому хорошо помню, что это такое. Отсюда мой альтруистский порыв, этакая забота о других...

— Смотрю, ты уже готовишься быть Роджером Шеррингемом, — заметил Томми. — Если позволишь мне сделать несколько критических замечаний в твой адрес, ты даже говоришь так, как он, хотя и не так хорошо.

— Наоборот, — возразила Таппенс. — в моих беседах есть женская тонкость, *a je ne sais quoi*[1], как говорят французы, чего не достичь ни одному мужчине. Кроме того, у меня есть сила, какой не было у моего прототипа... кстати, я правильно выразилась? Слова — такая скóльзкая вещь... Очень часто они красиво звучат, хотя на самом деле значат нечто совершенно противоположное.

— Продолжай, — мягко заметил Томми.

— Я всего лишь остановилась, чтобы перевести дыхание. Задействовав эти силы, я готова сегодня помочь дочери священника. Вот увидишь, Томми, первым, кому потребуется помощь «Блестящих сыщиков Бланта», будет дочь священника.

— Спорим, что ты проиграешь, — сказал Томми.

— Спорим, — ответила Таппенс. — А теперь брысь к пишущим машинкам... О боже, кто-то идет.

---

[1] Сама не знаю что (*фр.*).

В офисе мистера Бланта шла кипучая деятельность, когда Альберт открыл дверь и объявил:

— Мисс Моника Дин.

На пороге выросла, не решаясь войти внутрь, стройная, довольно бедно одетая девушка с каштановыми волосами. Томми поднялся ей навстречу.

— Доброе утро, мисс Дин. Будьте добры, садитесь и расскажите нам, чем мы можем вам помочь. Кстати, позвольте представить вам мое доверенное лицо и секретаря мисс Шеррингем.

— Рада с вами познакомиться, мисс Дин, — сказала Таппенс. — Мне почему-то кажется, что ваш отец был служителем церкви.

— Верно, был, а как вы догадались?

— О, у нас свои методы! — ответила Таппенс. — Надеюсь, я не утомила вас моими разговорами? Мистеру Бланту нравится меня слушать. По его словам, тем самым я подсказываю ему идеи.

Девушка недоуменно уставилась на нее. Худенькая, далеко не красавица, однако наделенная неким задумчивым очарованием. Волосы мышиного цвета и выразительные синие глаза; правда, темные круги под ними свидетельствовали о постоянной тревоге и переживаниях.

— А теперь расскажите мне вашу историю, мисс Дин, — сказал Томми.

Девушка с благодарностью повернулась в его сторону.

— Это такая длинная, сбивчивая история, — сказала она. — Мое имя Моника Дин. Мой отец был

настоятелем церкви в Литтл Хэмпсли, в Саффолке. Он умер три года назад, и мы с матерью остались стесненными в средствах. Я нашла место гувернантки, но моя мать сделалась инвалидом, и я была вынуждена вернуться домой и ухаживать за нею. Мы были страшно бедны, но однажды получили письмо от некоего адвоката, в котором он сообщал нам, что умерла тетка моего отца и завещала все свое состояние мне.

Я была наслышана про эту тетку, которая много лет назад поссорилась с моим отцом. Мне также было известно, что у нее водились деньги, так что теперь, похоже, нашему бедственному положению пришел конец. Но все обернулось совсем не так, как мы надеялись. Я унаследовала дом, в котором она жила, но, уплатив пару небольших долгов, осталась без денег. Думаю, она или потеряла свои сбережения во время войны, или жила на них все последнее время.

Тем не менее у нас был дом. Почти сразу нам подвернулась возможность продать его по вполне приличной цене. Но я совершила глупость и отказалась от предложения. До этого мы дорого снимали наше крошечное жилье, и я подумала, как хорошо будет жить в просторном доме. Там у моей матери будут собственные комнаты, а для того чтобы покрыть расходы, часть комнат можно будет сдавать постояльцам.

Несмотря на соблазнительные предложения со стороны желавших приобрести дом, я все же

решила воплотить в жизнь свой план. Мы переехали, и я дала объявление о том, что часть комнат сдается. Какое-то время все шло прекрасно. Мы получили несколько ответов на наше объявление, старая служанка тетки тоже осталась с нами. Мы с нею вместе делали всю работу по дому. Как вдруг начали происходить непонятные вещи.

— Какие же?

— Самые что ни на есть странные. Весь дом как будто был заколдован. Со стен падали картины, посуда летала по комнате и билась... Однажды утром, спустившись вниз, мы обнаружили, что вся мебель переставлена. Сначала мы решили, что это кто-то разыгрывает нас, однако вскоре были вынуждены отказаться от такого объяснения. Иногда, когда мы сидели за столом, сверху доносился страшный грохот. Стоило же нам подняться наверх, чтобы посмотреть, что там такое, как там никого не было, но мебель была перевернута и опрокинута.

— Полтергейст! — воскликнула Таппенс, заинтригованная рассказом.

— Да, доктор О'Нил так и сказал. Правда, я не знаю, что это значит.

— Что-то вроде злого духа, который любит розыгрыши, — пояснила Таппенс, которая на самом деле сама почти ничего об этом не знала, более того, отнюдь не была уверена в том, что к месту употребила слово «полтергейст».

— В любом случае последствия были самые катастрофические. Наши квартиранты были пере-

пуганы до смерти, и вскоре все съехали. Правда, мы нашли других, но вскоре съехали и они. Я в отчаянии, и, в довершение ко всему, наш собственный крохотный доход иссяк. Компания, в которую были вложены все наши деньги, обанкротилась.

— Бедняжка, как я вам сочувствую, — проворковала Таппенс. — Как вам, однако, не повезло... И теперь вы хотите, чтобы мистер Блант расследовал этот случай с «полтергейстом»?

— Не совсем. Видите ли, три дня назад нам нанес визит некий джентльмен по имени доктор О'Нил. По его словам, он член «Общества физических исследований». Он якобы наслышан о странных вещах, которые происходят в нашем доме, и они его заинтересовали. Причем в такой степени, что он согласен купить у нас дом, чтобы провести в нем ряд экспериментов.

— И?..

— Разумеется, сначала мы страшно обрадовались. Наконец-то нашим бедам придет конец. Но...

— Слушаю вас...

— Возможно, вы скажете, что у меня разыгралось воображение. Наверное, так и есть. Но я уверена, что никакой ошибки тут нет. Это тот самый человек!

— Тот самый человек?

— Да, тот самый, который хотел купить дом в самом начале. Я точно знаю, что это он.

— Разве в этом могут быть какие-то сомнения?

— Вы не понимаете. Это два совершенно разных человека. У них разные имена, разное все. Первый довольно молод, брюнет лет тридцати. Доктору О'Нилу около пятидесяти. У него седая бородка, он носит очки и сутулится. Но когда он разговаривал, я заметила у него во рту золотой зуб. Этот зуб виден, только когда он смеется. У того, другого мужчины точно такой же золотой зуб. Кроме того, я обратила внимание на его уши. Они у него особенной формы, почти без мочек. Вот и у доктора О'Нила точно такие же. Конечно, и зуб, и уши могут быть совпадением. Я долго думала и в конце концов написала ему, что дам окончательный ответ через неделю. Какое-то время назад я наткнулась на объявление мистера Бланта — если быть точной, в старой газете, ею было застелено дно одного из кухонных ящиков. Я его вырезала и приехала в Лондон.

— И поступили правильно, — заявила Таппенс и для пущей убедительности решительно кивнула. — Вашим случаем необходимо заняться.

— Да, весьма интересный случай, мисс Дин, — заметил Томми. — Мы с удовольствием возьмемся за его расследование. Что вы скажете, мисс... э-э-э... Шеррингем?

— О, да! — ответила Таппенс. — Мы докопаемся до истины.

— Насколько я понимаю, мисс Дин, — продолжал Томми, — в доме проживаете вы с матерью и старая служанка. Вы не могли бы рассказать мне о ней поподробнее?

— Ее имя — Крокет. Она прожила у моей покойной тетки восемь или десять лет. Пожилая, не всегда приятная в общении, но как служанка вполне нас устраивает. У нее есть привычка задирать нос, потому что ее сестра вышла замуж за человека более высокого положения. У Крокет есть племянник, который, по ее словам, «настоящий джентльмен».

— Хм, — задумчиво произнес Томми, не зная, что сказать дальше.

Таппенс, которая все это время не спускала глаз с Моники Дин, заговорила с неожиданной решительностью:

— Предлагаю самый лучший план — мы с мисс Дин пообедаем где-нибудь вместе. Сейчас час дня. Думаю, она сообщит мне все подобности.

— Согласен, мисс Шерринген, — отозвался Томми. — Отличный план.

— Послушайте, — сказала Таппенс, когда они с Моникой уютно устроились за небольшим столиком в соседнем ресторане. — Я хочу знать все, как есть. Скажите, есть ли какая-то особая причина, по которой мы должны взяться за расследование вашего случая?

Моника покраснела.

— Видите ли...

— Рассказывайте, не стесняйтесь, — попросила ее Таппенс.

— В общем, есть два мужчины, которые... которые хотели бы на мне жениться.

— Обычная история, не так ли? Один богат, другой беден, причем вам нравится именно бедный.

— И как вы только догадались? — прошептала девушка.

— Это, можно сказать, закон природы, — пояснила Таппенс. — Такое случается со всеми. В том числе и со мною[1].

— Видите ли, даже если я продам дом, нам все равно будет не на что жить. Джеральд очень милый, но он страшно беден, хотя и очень умный. Он инженер. Имей Джеральд хотя бы небольшой капитал, фирма, в которой он работает, взяла бы его в партнеры. Второй, мистер Партридж, несомненно, очень хороший человек и не нуждается в средствах. Выйди я за него замуж, всем нашим бедам настал бы конец. Но...

— Понимаю, — сочувственно произнесла Таппенс. — Все равно это не одно то же. Вы можете сколько угодно внушать себе, какой он хороший и достойный, складывать все его положительные качества, как будто решаете арифметическую задачу, но все равно это будет иметь противоположный результат.

Моника кивнула.

— Итак, — произнесла Таппенс. — Думаю, нам есть смысл съездить к вам и изучить все на месте. Какой ваш адрес?

---

[1] Об этом рассказывается в романе А. Кристи «Таинственный противник».

— «Ред-хаус», Стуртон-на-Болоте.

Таппенс записала в блокноте адрес.

— Я не спросила вас... — начала Моника, — про условия, — договорила она, краснея.

— Оплата исключительно по результату, — серьезно заявила Таппенс. — Если секрет вашего дома предполагает доход, на что очень даже похоже, учитывая количество желающих приобрести его в собственность, то мы рассчитываем на небольшой процент. В противном случае — ничего.

— Спасибо вам огромное! — от всей души поблагодарила ее девушка.

— А теперь, — сказала Таппенс, — ни о чем не беспокойтесь. Все будет хорошо. Завершайте свой обед, а мы пока поговорим об интересных вещах.

Глава 21

«Ред-хаус»

— Итак, — сказал Томми, выглядывая в окно гостиницы «Корона и якорь», — мы здесь, в этой Жабе-на-Болоте, или как там называется эта чертова деревня.

— Давай еще разок пройдемся по фактам.

— Безусловно, — откликнулся Томми. — Для начала, коли первое слово за мной, скажу, что я подозреваю эту ее мамашу-инвалида.

— Это почему же?

— Моя дорогая Таппенс, даже если вся эта история с полтергейстом — хорошая инсценировка, призванная склонить девушку к продаже дома, кто-то ведь должен был разбрасывать вещи. Например, мисс Дин сказала, что за обедом были все. Но если ее мать — инвалид и прикована к инвалидному креслу, по идее, она должна была находиться наверху, в своей комнате.

— Но если ее мать — инвалид, то как она могла разбрасывать мебель?

— Значит, она не настоящий инвалид, а только притворяется.

— Но зачем? — удивилась Таппенс.

— Вот тут мне нечего тебе сказать, — честно признался ей муж. — Просто я исходил из принципа, что преступником, как правило, оказывается тот, кого меньше всего подозреваешь.

— Тебе лишь бы шутки шутить, — строго сказала Таппенс. — Наверняка есть что-то такое, отчего все эти люди пытаются завладеть домом. И если ты не горишь желанием докопаться до истины, то я еще как хочу! Мне нравится эта девушка. Она такая милая...

Томми довольно серьезно кивнул.

— Согласен. Просто я люблю подтрунивать над тобою. Разумеется, в этом доме есть нечто странное. И что бы это ни было, к нему нелегко подобраться. Конечно, все можно списать на обыкновенную кражу со взломом. Но если вы хотите купить дом, это означает, что вам нужно будет или вскрыть

полы, или снести стены, или же у вас в саду есть целая угольная шахта!

— Лично меня угольная шахта не вдохновляет. Зарытый клад звучит куда более романтично.

— Хм, — задумался Томми. — В таком случае есть смысл нанести визит управляющему местным банком. Скажу ему, что я остаюсь здесь после Рождества и, возможно, даже куплю этот самый «Редхаус». Можно даже обсудить с ним открытие счета.

— Но зачем...

— Погоди, и сама поймешь.

Томми вернулся примерно через час. В глазах его плясали лукавые искорки.

— Мы наступаем, Таппенс. Наш разговор пошел по намеченному пути. Затем я как бы невзначай спросил, много ли ему несут золота. Сейчас такое встречается сплошь и рядом, особенно в небольших сельских банках. Фермеры, которые копили золото во время войны, теперь... ну, ты понимаешь. После этого мы вполне естественно перешли к странностям пожилых дам. Я изобрел одну тетушку, которая в начале войны отправилась на машине в армейский склад, из которого вернулась, везя шестнадцать окороков. Управляющий, в свою очередь, рассказал мне про одну свою клиентку, которая сняла со счета все свои деньги до последнего пенса, причем по возможности золотом, а также потребовала, чтобы ей вернули все ее ценные бумаги, акции и облигации, чтобы хранить их у себя дома. На что я воскликнул, мол, что за чудачество.

И тогда он добавил, что это, кстати, бывшая владелица «Ред-хаус». Теперь ты понимаешь, Таппенс? Она сняла со счета все деньги и где-то их спрятала. Помнишь, как Моника Дин сказала: мол, их удивило, как мало денег осталось от тетки? Да, она спрятала их где-то в доме, и кому-то об этом прекрасно известно. Я даже попробую угадать, кому именно.

— Кому же?

— Как насчет преданной Крокет? Она наверняка была в курсе всех странностей своей хозяйки.

— А как же доктор О'Нил с его золотым зубом? Он кто?

— Племянник-джентльмен, кто же еще! Точно, это он. Но где же тетка спрятала деньги? Ты лучше меня разбираешься в старых дамах, Таппенс. Где, по-твоему, они обычно прячут вещи?

— Под матрасом, завернутыми в чулок и нижние юбки.

Томми кивнул.

— Думаю, ты права. Тем не менее она вряд ли так поступила бы, потому что в этом случае деньги были бы давно найдены, когда перебирали ее вещи. Меня беспокоит одно: пожилая дама ее возраста вряд ли стала бы вскрывать полы или рыть ямы в саду. И все же деньги явно спрятаны где-то в доме. Крокет их не нашла, но она точно знает, что деньги там, и как только они приберут дом к рукам, она и ее драгоценный племянник перевернут его вверх дном, пока не найдут то, что ищут. Мы должны их

опередить. Давай, Таппенс, пора нанести визит в «Ред-хаус».

Дверь им открыла Моника Дин. Матери и Крокет их представили как потенциальных покупателей, что легко объясняло, зачем Монике понадобилось водить их по всему дому и показывать участок. Томми пока не сказал ей, к каким выводам пришел, но то и дело о чем-то ее расспрашивал. Из одежды и личных вещей покойной что-то отдали верной Крокет, что-то раздали бедным семьям. Не было ничего такого, что не пересмотрели и не перетрясли.

— Скажите, а не оставила ваша тетушка какие-то бумаги?

— Письменный стол был набит ими. Кое-какие хранились в ящике стола в ее спальне. Но среди них не было ничего, что заслуживало бы внимания.

— Их выкинули?

— Нет. Моя мать никогда не выкидывает старых бумаг. Среди них были какие-то старинные рецепты. Она надеется когда-нибудь ими воспользоваться.

— Отлично, — одобрительно отозвался Томми. Затем, заметив старика, который трудился над клумбами в саду, спросил: — Скажите, он был садовником при жизни вашей тетки?

— Да, раньше он приходил три дня в неделю. Живет в деревне. Бедняга, сейчас от него почти никакой пользы... Теперь он приходит лишь раз

в неделю, слегка навести в саду порядок. Большее нам не по карману.

Томми подмигнул Таппенс, намекая, чтобы та не отпускала от себя Монику, а сам тем временем направился по лужайке туда, где трудился старый садовник. Сказав старику несколько любезных фраз, он поинтересовался, работал ли тот здесь при жизни прежней хозяйки, после чего как бы невзначай добавил:

— Вы ведь как-то раз закопали для нее сундук.

— Нет, сэр. Я не закапывал никаких сундуков. Да и вообще, с какой стати ей закапывать сундуки?

Томми покачал головой и, нахмурив брови, зашагал к дому. Оставалось лишь надеяться, что бумаги покойной прольют какой-то свет на загадку, которая упорно отказывалась отгадываться. Сам дом был старинный, но не настолько, чтобы в нем имелась потайная комната или тайный коридор.

Перед тем как им уходить, Моника принесла для них сверху большой картонный ящик, перевязанный веревкой.

— Я собрала все старые бумаги, — шепнула она. — Они в этой коробке. Я подумала, что вы могли бы взять их с собою и на досуге не торопясь просмотреть. Впрочем, я не уверена, что вы найдете в них что-то такое, что прольет свет на загадочные вещи, которые происходят в этом доме.

Ее слова прервал донесшийся сверху грохот. Томми со всех ног взлетел вверх по лестнице. В одной из комнат на полу лежали разбитый кувшин

и тазик для умывания. В самой комнате никого не было.

— Ага, призрак снова взялся за свои проделки, — с довольной улыбкой пробормотал он и в задумчивости спустился вниз. — Скажите, мисс Дин, — обратился он к хозяйке дома, — могу ли я поговорить с вашей горничной, мисс Крокет?

— Разумеется, я сейчас велю ей подойти к вам.

С этими словам Моника отправилась в кухню. Вернулась она оттуда с пожилой женщиной, которая, когда они приехали сюда, открыла им дверь.

— Мы собираемся купить этот дом, — с улыбкой сказал Томми. — Моя жена хотела бы спросить у вас, не пожелаете ли вы в таком случае остаться у нас?

На лице Крокет не отразилось никаких эмоций.

— Благодарю вас, сэр, — сказала она. — Я, если вы не против, подумаю над вашим предложением.

Томми повернулся к Монике.

— Я в восторге от дома, мисс Дин. Как я понимаю, имеется еще один покупатель. Мне известно, какую сумму он предложил за дом, и я с удовольствием дам еще сто сверх того. Кстати, я предлагаю вам очень хорошую цену.

Моника пробормотала в ответ что-то уклончивое. Бересфорды откланялись и ушли.

— Я был прав, — произнес Томми, когда они шли по дорожке. — Это дело рук Крокет. Ты заметила, что она была слегка запыхавшись? Это от того, что, разбив кувшин и тазик, она была вынуждена

сбежать вниз. Думаю, что иногда Крокет тайно пускала в дом своего племянника, и тот изображал этот полтергейст, пока сама она с невинным видом сидела вместе со всеми за столом. Вот увидишь, к концу дня доктор О'Нил явится с очередным предложением.

И точно. После ужина им принесли записку — разумеется, от Моники.

Только что приходил доктор О'Нил. Он готов увеличить сумму на сто пятьдесят фунтов.

— Похоже, что племянник человек состоятельный, — задумчиво произнес Томми. — Говорю тебе, Таппенс, куш, за которым он охотится, того стоит.

— О, если б мы только знали, где он спрятан!

— В таком случае давай возьмемся за «лопаты».

И они взялись перебирать бумаги из картонной коробки. Надо сказать, что задача была не из легких: бумаги были свалены грудой, без какого-либо порядка и логики. Каждые несколько минут они сравнивали свои находки.

— Что там у тебя, Таппенс?

— Две старых квитанции, три ничего не значащих письма, рецепт, как сохранить свежим молодой картофель, и еще один, как печь лимонные ватрушки. Что у тебя?

— Квитанция, стишок про весну, две газетных вырезки. «Зачем женщины покупают жемчуг — для вложения денег» и «Мужчина с четырьмя женами —

удивительная история». И снова рецепт — зайчатина, тушенная в горшочке.

— Нет, это сплошное расстройство! — вздохнула Таппенс, и они снова взялись за работу.

Наконец коробка была пуста. Они посмотрели друг на друга.

— Вот это я отложил в сторону, — сказал Томми, беря со стола половинный лист бумаги. — Он показался мне не таким, как все остальное. Хотя вряд ли он имеет какое-то отношение к тому, что мы ищем.

— Дай взглянуть!.. Ой, это такая смешная вещь... Господи, как же они называются? Анаграммы? Шарады? Вылетело из головы.

И она принялась читать вслух:

Мой первый ставишь на огонь,
Меня в него кладешь,
Второй — на деле первый он,
А третий не морозь.

— М-д-а-а, — критически протянул Томми. — По части рифм поэт слабоват.

— И что такого ты в этом нашел? Лично я ничего не вижу, — сказала Таппенс. — Лет пятьдесят назад коллекция подобных шарад была в каждом доме. Помогала скоротать долгие зимние вечера у камина.

— Я имею в виду не сам стишок. А то, что приписано ниже. К чему это здесь?

— «Лука, глава одиннадцатая, стих девятый», — прочла Таппенс. — Это какой-то текст.

— Да. Ты не находишь его странным? С какой стати старой религиозной женщине записывать это под стишком с шарадой?

— Да, действительно странно, — задумчиво согласилась Таппенс.

— Надеюсь, что ты, как истинная дочь священника, захватила с собой Библию?

— Представь себе, что да. Вижу, что ты этого не ожидал... Одну секунду.

Таппенс подбежала к чемодану, извлекла оттуда небольшой томик в красном переплете и, вернувшись с ним за стол, принялась быстро листать страницы.

— Ага, вот и оно. Евангелие от Луки, глава одиннадцатая, стих девятый... Ой, Томми, ты только взгляни.

Томми наклонился и посмотрел туда, куда показывал пальчик Таппенс.

— «Ищите, и найдете».

— Это оно! — воскликнула Таппенс. — Оно у нас в руках. Осталось только отгадать криптограмму, и сокровище наше. Вернее — Моники.

— Тогда давай возьмемся за криптограмму, как ты ее назвала. «Мой первый ставишь на огонь». Интересно, что бы это значило? Затем, «второй — на деле первый он». Это вообще полная абракадабра.

— На самом деле все просто, — мягко возразила Таппенс. — Нужен лишь навык, вот и всё. Давай я попробую.

Томми охотно ей уступил. Таппенс свернулась калачиком в кресле и, нахмурив брови, принялась что-то бормотать себе под нос.

— Да уж, на самом деле все просто, — пробормотал Томми, когда прошло полчаса.

— Не каркай! Просто мы не то поколение и не умеем разгадывать подобные вещи. Завтра, когда мы вернемся в город, я позвоню какой-нибудь старой перечнице, которая разгадает ее, даже не моргнув глазом. Нужен лишь навык, только и всего.

— В таком случае давай попробуем еще раз.

— На огонь, то есть на горячие угли, можно поставить не так уж много вещей, — сказала Таппенс. — Например, дрова или чайник. Или плеснуть воду, чтобы их залить.

— Мне кажется, в слове должен быть всего один слог. Как насчет дров?

— В дрова ничего не поставишь.

— Больше односложных слов нет, зато наверняка есть предметы, которые можно поставить на огонь, кроме чайника.

— Кастрюли, — задумчиво произнесла Таппенс. — Сковороды. Ты не вспомнишь никакое слово, которое можно одновременно поставить в огонь.

— Горшки, — предложил Томми. — Их обжигают в огне. Думаю, это уже горячо.

— Зато остальное не подходит... Блины? Нет, о черт!

Их головоломку прервала горничная, которая объявила, что ужин будет подан через несколько минут.

— Правда, миссис Ламли спрашивала, как вы предпочитаете картошку — жареную или в мундире? У нее есть немного и того, и другого.

— В мундире, — не задумываясь, ответила Таппенс. — Обожаю картошку... — Она не договорила и осталась сидеть, открыв рот.

— В чем дело, Таппенс? Ты увидела призрака?

— Томми! — выкрикнула Таппенс. — Ты еще не понял? Вот оно, нужное нам слово. Картошка! Мой первый ставишь на огонь — это горшок. В него меня кладешь. Второй — на деле первый он. Это буква А, первая буква алфавита. А третий — не морозь. Ну, конечно же, это пальцы на ногах![1]

— Ты права, Таппенс. Ты молодчина, все разгадала. Но, боюсь, мы лишь без толку потратили массу времени. И каков результат? Какое отношение имеет картошка к пропавшему кладу? Впрочем, секундочку... Что ты только что прочла, когда рылась в коробке? Какой-то рецепт про то, как хранить молодой картофель... Что, если в этом что-то есть?

---

[1] Шарада предполагает разгадать английское слово *potatoes* (картофель). Первая часть слова — *pot* (т. е. горшок). Целое, что кладут в горшок, — сама картошка (т. е. слово *potatoes* целиком). После слога *pot* следует буква *a* — первая буква английского алфавита. А последний слог — *toes* — по-английски значит «пальцы ног», «мыски».

Томми принялся судорожно рыться в куче бумаг.

— Ага, вот он... «Как хранить молодой картофель. Положите молодой картофель в жестянки и заройте его в саду. Даже в середине зимы у него будет вкус свежевыкопанного картофеля».

— Ура! — крикнула Таппенс. — Мы всё нашли. Клад зарыт в жестянке в саду!

— Но ведь я спрашивал у садовника, и он ответил, что ни разу там ничего не закапывал.

— Я знаю, но это лишь потому, что люди никогда не отвечают на ваш вопрос. Они отвечают на вопрос, который, как им кажется, вы им задали. Он знал, что никогда не закапывал там чего-то из ряда вон выходящего. Мы завтра сходим к нему и спросим, не закапывал ли он там картофель.

На следующий день был канун Рождества. Расспросив местных жителей, они нашли домик старого садовника. Задав ему несколько дежурных вопросов, Таппенс наконец перевела разговор на интересующую их тему.

— Как жаль, что на Рождество не подают молодой картофель, — заметила она. — Как хорош он был бы с индейкой! Скажите, в ваших краях его не пробовали закапывать в жестянках? Я слышала, что это помогает сохранить его совершенно свежим.

— Закапывают, отчего же не закапывать, — заявил старик. — Старая мисс Дин, бывшая хозяйка «Ред-хаус», закапывала каждое лето, а потом забывала откопать.

— Не иначе, как на клумбе рядом с домом?

— Нет, у стены, под фиговым деревом.

Получив нужную им информацию, они вскоре откланялись, а в качестве рождественского подарка оставили старику пять шиллингов.

— А теперь к Монике! — воскликнул Томми.

— Томми, ты начисто лишен актерского чутья. Предоставь это дело мне. У меня есть прекрасный план. Как, по-твоему, мы можем выпросить, занять или украсть лопату?

Так или иначе, но лопата нашлась, и поздним вечером можно было увидеть, как в сад рядом с домом крадучись пробираются две фигуры. Они быстро нашли указанное садовником место. Томми взялся за работу. Вскоре его лопата ударилась о металл, а еще несколько минут спустя из земли была извлечена большая жестянка из-под печенья. Крышка была заклеена лейкопластырем, но Таппенс при помощи ножа Томми сумела ее открыть. В следующее мгновение с ее губ сорвался стон. Жестянка была полна картофеля. Таппенс высыпала его на землю, чтобы убедиться, что жестянка пуста. Увы, ничего другого в ней не оказалось.

— Копай дальше, Томми.

Спустя какое-то время их поиски увенчались успехом. Из-под земли была извлечена вторая банка, которую вновь вскрыла Таппенс.

— Ну, что там? — взволнованно спросил Томми.

— Опять картофель.

— Черт! — выругался мужчина и взялся откапывать третью жестянку.

— Бог троицу любит, — утешила его Таппенс.

— Подозреваю, что вся эта затея закончится пшиком, — мрачно произнес Томми, продолжая, однако, копать.

Наконец из земли была извлечена третья жестянка.

— Снова карто... — Таппенс осеклась. — Ой, Томми! Ты только взгляни. Картофель лишь наверху. Ты посмотри...

С этими словами она приподняла старинную бархатную сумку.

— Живо домой! — крикнул Томми. — Холод собачий. И бери с собой сумку. Я же пока немного набросаю земли. И тысяча проклятий на твою голову, Таппенс, если только ты откроешь ее до того, как я вернусь.

— Обещаю не жульничать. Как я же я замерзла! — С этими словами женщина поспешила в гостиницу.

Ждать ей пришлось недолго. Томми вернулся буквально следом за ней, весь потный после своих трудов и пробежки назад.

— Итак, — произнес он. — Частные детективы сделали свое дело. Вскройте награбленное, миссис Бересфорд!

Внутри оказался сверток, закрученный в промасленный шелк, и тяжелая замшевая сумка. Первой они открыли сумку. Та оказалась полна золотых соверенов. Томми пересчитал монеты.

— Двести фунтов. Думаю, это все, что ей позволили взять. Разрежь сверток.

Таппенс выполнила его просьбу. Сверток был туго набит пачками банкнот. Вместе взятые, они составляли ровно двадцать тысяч фунтов.

— Да, Монике крупно повезло, что мы с тобой и богатые, и честные! — воскликнул Томми. — А что там завернуто в тисненую бумагу?

Таппенс развернула небольшой сверток. Внутри оказалась нитка превосходного жемчуга.

— Я плохо разбираюсь в таких вещах, — медленно произнес Томми. — Но почти уверен, что это ожерелье стоит никак не меньше пяти тысяч фунтов. Ты посмотри на эти жемчужины, какие они крупные! Теперь мне понятно, почему эта старушенция хранила газетную вырезку о том, что жемчуг — это вложение средств. Должно быть, она продала все свои ценные бумаги, а на часть вырученных денег купила жемчуг.

— Томми, разве это не прекрасно? Милая Моника, теперь она может выйти замуж за молодого человека и жить с ним счастливо, как и мы с тобою.

— Спасибо тебе, Таппенс, за такие слова. Ты действительно счастлива со мною?

— Представь себе, да, — ответила Таппенс. — Но я не собиралась тебе этого говорить. Оно само вырвалось. Сказалось волнение, Сочельник, одно, другое, третье...

— Если ты действительно меня любишь, — сказал Томми, — ты ответишь на один мой вопрос?

— Терпеть не могу такие капканы, — ответила Таппенс. — Но так и быть.

— Откуда ты знала, что Моника — дочь священника?

— Каюсь, здесь я слегка схитрила, — счастливо призналась Таппенс. — Я открыла ее письмо, в котором она просила принять ее. И мне вспомнилось, что у отца когда-то был викарий по фамилии Дин, а у того — маленькая дочь по имени Моника, лет на пять младше меня. Догадаться было нетрудно.

— Ты бессовестная! — заявил Томми. — Ага, кажется, часы бьют полночь. Счастливого Рождества, Таппенс!

— Счастливого Рождества, Томми. Пусть оно будет счастливым и для Моники. И всё благодаря нам. Я так рада за нее! Ей, бедняжке, раньше было не позавидовать. Знаешь, Томми, стоит мне об этом подумать, как у меня начинают щипать глаза.

— Дорогая моя Таппенс! — воскликнул Томми.

— Дорогой мой Томми! — воскликнула Таппенс. — Кажется, мы с тобою становимся сентиментальны.

— Рождество бывает лишь раз в году, — напыщенно изрек Томми. — Так говорили наши прабабушки, и мне кажется, в их словах до сих пор сохранилась доля истины.

Глава 22

Ботинки посла

— Мой дорогой, мой дорогой друг, — воскликнула Таппенс, размахивая густо намазанной маслом булкой.

Томми смотрел на нее минуты две, после чего по его физиономии расплылась широкая улыбка.

— Мы должны проявлять осторожность, — шепнул он.

— Верно, — довольно ответила Таппенс. — Ты угадал. Я – знаменитый доктор Форчун, а ты — суперинтендант Белл[1].

— А почему Реджинальд Форчун — это ты?

— Потому, что я люблю горячие булочки с маслом.

— Да, это приятная сторона, — согласился Томми. — Но есть и другая. Тебе придется осматривать разбитые в лепешку лица, не говоря уже о грудах мертвых тел.

Вместо ответа Таппенс бросила ему письмо. От удивления брови Томми полезли на лоб.

— Рэндольф Уилмотт, американский посол. Интересно, что ему нужно?

— Это мы узнаем завтра, в одиннадцать часов.

---

[1] Доктор Реджинальд Форчун и суперинтендант Белл — герои произведений английского писателя Генри Бейли (1878–1961).

Точно в назначенное время в кабинет «мистера Бланта» шагнул мистер Рэндольф Уилмотт, посол Соединенных Штатов Америки при британском королевском дворе, и, прочистив горло, заговорил в свойственной ему велеречивой манере:

— Я прибыл к вам, мистер Блант, кстати, надеюсь, что в вашем лице я разговариваю с самим мистером Блантом?

— Безусловно, — сказал Томми. — Я Теодор Блант, глава агентства.

— Я всегда предпочитаю иметь дело с главами департаментов, — заявил Уилмотт. — Мне так удобнее во всех отношениях. Как я только что намеревался сказать, мистер Блант, этот случай ужасно действует мне на нервы. Нет никакого смысла тревожить по его поводу Скотленд-Ярд. В любом случае, я от него не слишком пострадал, и возможно, просто имела место нелепая ошибка. Тем не менее я никак не могу взять в толк, почему она произошла. Я бы сказал, что в ней нет ничего криминального, и все-таки хотелось бы во всем разобраться. Терпеть не могу, когда мне непонятны причина и следствие чего бы то ни было.

— Совершенно с вами согласен, — поддакнул Томми.

Мистер Уилмотт тем временем продолжал. Он был многословен и вдавался в самые мелкие детали. Наконец Томми сумел вставить словечко.

— Я вас понял, — произнес он. — Ситуация такова. Неделю назад вы прибыли сюда лайнером

«Номадик». В какой-то момент ваш саквояж был перепутан с саквояжем другого джентльмена, по имени Ральф Уэстерхэм, чьи инициалы совпадают с вашими. Вы взяли его саквояж, он взял ваш. Мистер Уэстерхэм тотчас обнаружил ошибку и отправил вам в посольство ваш саквояж и забрал свой. Я верно изложил события?

— Все именно так и было. Наши саквояжи очень похожи, и на том, и на другом имелись одинаковые инициалы. В принципе нетрудно понять, что могла произойти ошибка. Я сам ничего не знал, пока мой камердинер не сообщил мне о ней, добавив, что мистер Уэстерхэм — это сенатор, которого я искренне уважаю, — вернул мой саквояж и прислал за своим.

— В таком случае, боюсь, я не понимаю...

— Сейчас поймете. Это только начало истории. Вчера я случайно встретился с сенатором Уэстерхэмом и шутки ради упомянул историю с саквояжами. К моему великому удивлению, он понятия не имел, о чем я говорю, а когда я объяснил ему, что к чему, всячески отрицал, что такая путаница имела место. Он не забирал по ошибке с корабля мой саквояж. Более того, в его багаже такового не было вообще.

— Какая удивительная история...

— Совершенно с вами согласен, мистер Блант. В ней с начала и до конца все совершенно непонятно. Ведь если кто-то решил украсть мой саквояж, то зачем ему было прибегать к этой путанице? В любом случае, мой саквояж украден не был, а,

напротив, был мне возвращен. С другой стороны, если его взяли по ошибке, то почему на втором стояли инициалы сенатора?.. Нет, этот случай в голове не укладывается. И все же, пусть даже любопытства ради, хочу в нем разобраться, ибо пока не вижу в нем ни крупицы смысла. Надеюсь, для вас он не слишком пустячный и вы от него не откажетесь?

— Ничуть. Я бы назвал это небольшой интригующей проблемой, которая, как вы только что сами сказали, может иметь массу самых простых объяснений, и, тем не менее, она не может не озадачивать. Во-первых, непонятна сама причина подмены, если таковая действительно имела место. Вы говорите, что из вашего саквояжа, когда вам ему вернули, не пропало никаких вещей?

— Мой камердинер говорит, что нет. Он наверняка это знает.

— Что же в нем было, позвольте вас спросить?

— Главным образом ботинки.

— Ботинки? — растерялся Томми.

— Именно, — подтвердил мистер Уилмотт. — Ботинки. Странно, не правда ли?

— Надеюсь, вы простите за мой вопрос, — сказал Томми. — Скажите, вы не носите за подкладкой ботинок или внутри каблуков никаких секретных бумаг или чего-то подобного?

Его вопрос, похоже, позабавил посетителя.

— Надеюсь, секретная дипломатия еще не дошла до этого.

— Только в книжках, — чуть виновато улыбнулся Томми. — Но поймите, мы же должны как-то объяснить эту путаницу... Кстати, а кто пришел за саквояжем — ну, за тем, который не ваш?

— По всей видимости, кто-то из слуг Уэстерхэма. Совершенно обычный человек, как я понимаю. По крайней мере, мой камердинер не заметил в нем ничего подозрительного.

— Скажите, а ваш саквояж до этого вскрывали?

— Этого я сказать не могу. Думаю, что нет. Может, вам стоит расспросить моего камердинера? Он наверняка расскажет вам об этом деле больше, чем я.

— Думаю, это лучшее из решений, мистер Уилмотт.

Посол чиркнул на визитной карточке несколько слов и протянул ее Томми.

— Смею предположить, что вы предпочтете приехать в посольство и расспросить его там? Если нет, я могу прислать его сюда к вам. Кстати, его имя Ричардс.

— Благодарю вас, мистер Уилмотт. Но я предпочел бы приехать в посольство.

Дипломат встал и посмотрел на часы.

— О боже, я опоздаю на встречу... Итак, до свидания, мистер Блант. Оставляю это дело целиком и полностью в ваших руках.

С этими словами он поспешил прочь. Томми посмотрел на Таппенс. Та, войдя в роль незаменимой мисс Робинсон, что-то записывала в блокноте.

— Ну, и что ты скажешь по этому поводу, моя старушка? — спросил Томми. — Ты заметила в этой истории, как только что выразился наш гость, хотя бы крупицу смысла?

— Никакой, — радостно призналась Таппенс.

— В любом случае, это только начало. Из чего следует, что смысл, если таковой имеется, спрятан где-то глубоко.

— Ты так думаешь?

— Это лишь общепризнанная гипотеза. Вспомни Шерлока Холмса, и как глубоко масло погрузилось в петрушку, то есть, я хотел сказать, наоборот[1]. Меня всегда снедало желание узнать об этом случае как можно больше. Надеюсь, Ватсон когда-нибудь извлечет его из своей записной книжки. Вот тогда я умру счастливым. А пока — давай за дело.

— Согласна, — пискнула Таппенс. — Какой он медлительный, наш уважаемый мистер Уилмотт, зато какой надежный...

— Она знает мужчин, — сказал Томми. — Вернее, он знает мужчин... Черт, нетрудно запутаться, когда ты берешься играть роль детектива-мужчины.

— О, мой дорогой друг, мой дорогой друг!

— Чуть больше чувства, Таппенс, и чуть меньше повторений.

---

[1] Упоминание об этом деле содержится в рассказе А. Конан Дойла «Шесть Наполеонов». В русском переводе оно опущено.

— Классическую фразу невозможно повторять слишком часто, — ответила Таппенс с чувством собственного достоинства.

— Лучше съешь горячую булочку, — участливо посоветовал Томми.

— Только не в одиннадцать часов утра. Спасибо. Какой, однако, глупый случай... Ботинки, это надо же! Но почему?

— А почему бы и нет? — отозвался Томми.

— Что-то здесь не так. Ботинки, — покачала головой Таппенс. — Всё не так. Кому нужны ботинки другого человека? Это просто какое-то безумие.

— Возможно, они просто перепутали саквояжи? — предположил Томми.

— Возможно. Но если бы кому-то понадобились бумаги, то взяли бы сумку с депешами. Ведь когда речь идет о послах, обычно думают лишь о разного рода документах.

— Ботинки оставляют следы, — задумчиво произнес Томми. — Что, если они хотели где-то проложить дорожку из следов Уилмотта?

Таппенс вышла из роли и задумалась над его словами, но в конце концов покачала головой.

— Это кажется совершенно невероятным, — сказала она. — Нет, думаю, нам придется смириться с тем фактом, что ботинки посла здесь ни при чем.

— Итак, — вздохнул Томми. — Наш следующий шаг — расспросить верного Ричардса. Возможно, он прольет хоть какой-то свет на эту историю.

Предъявив визитку посла, Томми был допущен под своды посольства, где его уже ждал, готовый дать показания, бледный молодой человек с приятными манерами и негромким голосом.

— Я Ричардс, сэр, камердинер мистера Уилмотта. Насколько я понимаю, вы желали видеть меня.

— Да, Ричардс. Мистер Уилмотт почтил меня сегодня утром своим визитом. В частности, он предложил, чтобы я приехал в посольство и задал вам несколько вопросов. Дело касается саквояжа.

— Я знаю, сэр, мистер Уилмотт очень расстроился по этому поводу. Хотя я не совсем понимаю почему, поскольку ничего не пропало. Я также понял, по словам человека, который пришел за вторым саквояжем, что тот принадлежит сенатору Уэстерхэму, но я мог ошибиться.

— Как выглядел этот человек?

— Средних лет, седоволосый, с хорошими манерами. Я бы сказал, весьма респектабельный. Как я понял, он камердинер сенатора Уэстерхэма. Он вернул саквояж мистера Уилмотта и забрал другой.

— Саквояж открывали?

— Который из двух, сэр?

— Тот, который был принесен с борта судна. Впрочем, мне интересно узнать и про другой, тот, который принадлежит мистеру Уилмотту. Как, по-вашему, его открывали?

— Я бы сказал, что нет. Он был все так же перехвачен ремнями, как и на судне. Предполагаю, что

джентльмен — кем бы он ни был — лишь слегка приподнял крышку и, поняв, что произошла ошибка, тотчас ее захлопнул.

— Ничего не пропало? Никаких мелочей?

— По-моему, нет... Сэр, я уверен, что ничего.

— А как насчет того, другого? Вы начали распаковывать его?

— Видите ли, сэр, я как раз открывал его в тот момент, когда прибыл посыльный сенатора Уэстерхэма. Я успел лишь расстегнуть ремни.

— Полностью вы его не открывали?

— Мы лишь вместе расстегнули замки, чтобы убедиться, что на этот раз нет никакой ошибки. Тот человек сказал, что всё в порядке, вернул на место ремни и унес саквояж с собой.

— И что было там внутри? Тоже ботинки?

— Нет, сэр, думаю, в основном туалетные принадлежности. Я точно заметил банку с солью для ванн.

Томми решил оставить эту тему.

— Скажите, а вы не замечали, чтобы во время плавания кто-то посторонний заходил в каюту вашего хозяина.

— Нет, сэр, не видел.

— То есть ничего подозрительного не было?.. Интересно, а что я сам имею под этим в виду? — спросил он самого себя с легкой улыбкой. — Ничего подозрительного — лишь слова!

Молодой человек перед ним задумался.

— Похоже, теперь я припоминаю...

— Да? — с интересом спросил Томми — И что же?

— Может, это никак не связано с этой историей. Но там была одна молодая особа...

— Вот как? Молодая особа? И что она делала?

— Едва не упала в обморок, сэр. Такая милая юная леди... Мисс Эйлин О'Хара. Изящная, невысокого роста, с темными волосами. Слегка экзотической наружности.

— И?.. — спросил Томми с возросшим интересом.

— Как я уже сказал, сэр, ей сделалось дурно. Рядом с каютой мистера Уилмотта. Она попросила меня позвать доктора. Я положил ее на диван, а сам вышел за доктором. Я не сразу его отыскал, а когда нашел и привел в каюту, то юная леди уже почти пришла в себя.

— О! — воскликнул Томми.

— Вы думаете, сэр, что...

— Здесь трудно сказать что-то определенное, — уклончиво ответил сыщик. — Скажите, мисс О'Хара путешествовала одна?

— Мне кажется, что да, сэр.

— И вы не видели ее с тех пор, как сошли на берег?

— Нет, сэр.

— Итак, — произнес Томми, проведя пару минут в задумчивости. — Думаю, на сегодня всё. Спасибо вам, Ричардс.

— Спасибо вам, сэр.

Вернувшись в детективное агентство, Томми пересказал жене разговор с Ричардсом. Та внимательно его выслушала.

— Что ты об этом думаешь, Таппенс?

— О мой дорогой друг, врачи всегда скептически смотрят на внезапный обморок. Это так удобно! И еще Эйлин, и вдобавок О'Хара... Звучит до невозможности по-ирландски, тебе не кажется?

— По крайней мере, есть за что зацепиться. Знаешь, что я намерен сделать? Дать о ней объявление в газету.

— Что?

— Да-да. Любая информация, касающаяся мисс Эйлин О'Хара, о которой известно, что она плыла на таком-то судне в такое-то время. Если она действительно Эйлин О'Хара, то откликнется сама, или же найдется кто-то, кто снабдит нас информацией о ней. Пока для нас это единственная надежда за что-то зацепиться.

— А ты не подумал, что можешь ее вспугнуть? Заставишь насторожиться?

— Что поделать, — вздохнул Томми. — Всегда приходится чем-то рисковать.

— Все равно я пока не вижу в этом смысла, — нахмурилась Таппенс. — Если банда жуликов на час-другой захватила саквояж дипломата, после чего вернула его владельцу, какая им была от этого выгода? Если только там не было бумаг, с которых они хотели снять копии, но мистер Уилмотт клянется, что в саквояже ничего подобного не было.

Томми смерил ее задумчивым взглядом.

— Ты очень хорошо все описала, Таппенс, — произнес он в конце концов. — И дала мне кое-какую идею.

Спустя два дня, когда его жена была на обеденном перерыве, Томми, в одиночку сидя в строгом кабинете мистера Теодора Бланта, был занят тем, что развивал свой ум чтением последнего сенсационного триллера.

Дверь в кабинет открылась, и на пороге вырос Альберт.

— К вам некая молодая особа, сэр, мисс Сайсли Марч. Говорит, что приехала к вам в ответ на объявление.

— Пригласи ее немедленно, — воскликнул Томми, засовывая роман в выдвижной ящик.

Спустя минуту Альберт распахнул для посетительницы дверь. Томми лишь успел заметить, что у нее светлые волосы и она очень даже хорошенькая, когда произошло нечто из ряда вон выходящее.

Дверь, в которую только что вышел Альберт, довольно грубо распахнулась настежь. В дверном проеме застыла довольно колоритная фигура — крупный, темноволосый мужчина испанской наружности в алом галстуке. Черты его лица были искажены гневом. В руке он держал сверкающий пистолет.

— Так вот он, кабинет этого мистера «Длинный Нос» Бланта! — произнес он на совершенном ан-

глийском. Вернее, злобно прорычал. — Руки вверх, а не то я стреляю!

Угроза, по всей видимости, была настоящей. Томми послушно поднял руки. Издав возглас ужаса, девушка прижалась к стене.

— Эта юная леди пойдет со мною, — заявил вошедший. — Да, да, моя дорогая. Ты видишь меня первый раз в жизни, но это ничего не значит. Я не позволю, чтобы мои планы рушились из-за какой-то девчонки вроде тебя. Я, кажется, припоминаю, что ты была среди пассажиров «Номадика». Ты, по всей видимости, совала свой нос в дела, которые тебя не касались, но в мои намерения не входит позволить тебе выболтать все этому мистеру Бланту. Какой, однако, сообразительный джентльмен этот мистер Блант со своими объявлениями... Но так уж получилось, что я слежу за колонками объявлений. Иначе откуда мне стало бы известно про его небольшую игру?

— Вы мне весьма интересны, — произнес Томми. — Прошу вас, продолжайте.

— Дерзость вам не поможет, мистер Блант. Отныне вы у меня на мушке. Бросайте это расследование, и мы не станем вас трогать. В противном случае — Бог вам в помощь. Смерть быстро настигает тех, кто срывает наши планы!

Томми ничего не ответил. Он смотрел вошедшему через плечо, как будто там маячил призрак. На самом же деле «мистер Блант» увидел нечто такое, что вызвало у него еще большие опасения, нежели

какой-то там призрак. До сих пор он не воспринимал Альберта как фактор в игре. Томми счел само собой разумеющимся, что парень уже столкнулся с загадочным незнакомцем, и теперь, по всей видимости, лежал, оглушенный рукояткой пистолета, на полу в вестибюле. Теперь же он увидел, что Альберт каким-то чудом ускользнул от внимания незваного гостя. Однако вместо того чтобы, на старый добрый английский манер, броситься за полицейским, Альберт решил действовать в одиночку. Дверь за спиной незнакомца бесшумно открылась, и в проеме вырос Альберт с мотком веревки на плече.

Из груди Томми вырвался сдавленный крик протеста, но, увы, слишком поздно. Сгорая от энтузиазма, парень набросил на голову незнакомцу веревочную петлю и дернул за конец веревки. Незнакомец покачнулся назад.

Произошло то, что должно было произойти. Грянул выстрел. Томми почувствовал, как мимо его уха со свистом пролетела пуля и впилась в штукатурку стены за его спиной.

— Попался, дружище! — довольный собой выкрикнул Альберт. — Сэр, я заарканил его! В свободное время я практиковался кидать лассо. Вы не могли бы мне помочь? Он вырывается.

Томми поспешил на помощь верному Альберту, мысленно заметив, что не следует давать помощнику слишком много свободного времени.

— Ты идиот! — заявил он. — Почему ты не побежал за полицейским? Из-за твоих дурацких игр

он едва не проделал дырку в моей голове... Черт, я ни разу в жизни не был на такой тонкий волосок от смерти, как сейчас!

— Я заарканил его в два счета, — повторил гордый собой Альберт. — Подумать только, что эти ребята умеют делать в прериях...

— О да, — согласился Томми. — Только мы с тобой не в прериях. Мы, если ты забыл, находимся в высокоцивилизованном городе. А теперь, мой дорогой сэр, — обратился он к поверженному противнику, — что прикажете с вами делать?

Ответом на его вопрос стал поток проклятий на иностранном языке.

— Тише! — сказал Томми. — Я не понимаю ни слова из того, что вы говорите, но почему-то почти уверен, что это не тот язык, на котором вы до этого разговаривали с дамой. Надеюсь, вы извините его, мисс... Простите, но в этой суматохе, боюсь, я забыл ваше имя.

— Марч, — ответила девушка. Она по-прежнему была бледна и тряслась от страха; тем не менее отошла от стены и встала рядом с Томми, глядя на поверженную фигуру незнакомца на полу. — Что вы намерены с ним сделать?

— Могу сбегать и привести полицейского, — предложил свою помощь Альберт. Но Томми, подняв глаза, заметил, как девушка слегка покачала головой, и понял намек.

— Давай на первый раз его отпустим, — произнес он. — Тем не менее я не откажу себе в удо-

вольствии спустить его с лестницы. Может, хотя бы это научит его хорошим манерам по отношению в даме.

С этими словами он снял веревку, подтащил жертву за ноги к двери и столкнул по лестнице вниз.

Последовала череда вскриков, а потом глухой удар. После чего, раскрасневшись, но сияя улыбкой, Томми вернулся в кабинет.

Девушка во все глаза смотрела на него.

— Вы сделали ему больно?

— Надеюсь, — ответил сыщик. — Но эти иностранцы имеют привычку кричать еще до того, как ушиблись, поэтому сказать точно не могу. Давайте вернемся ко мне в кабинет, мисс Марч, и возобновим наш прерванный разговор. Крайне сомнительно, что нас кто-то прервет во второй раз.

— Я на всякий случай буду держать наготове лассо, — пообещал верный Альберт.

— Нет, лучше убери его, — строго ответил Томми.

Следом за девушкой он прошел к себе в кабинет и занял место за столом. Мисс Марч, в свою очередь, села на стул лицом к нему.

— Я даже не знаю, с чего начать, — сказала она. — Как вы уже слышали от этого человека, я была в числе пассажиров «Номадика». Особа, о которой вы дали объявление, мисс О’Хара, тоже путешествовала этим рейсом.

— Именно, — ответил Томми. — Это нам уже известно. Но я подозреваю, что вам что-то известно о ее делах на борту судна. Иначе бы сей колоритный джентльмен вряд ли бы счел своим долгом вмешаться в наш разговор.

— Я расскажу вам все. Этим рейсом плыл американский посол. Однажды, когда проходила мимо его каюты, я увидела внутри женщину. Она была занята чем-то совершенно необычным; я даже остановилась, чтобы понаблюдать за ней. В руке у нее был мужской ботинок и...

— Ботинок? — взволнованно воскликнул Томми. — Извините, мисс Марч, я перебил вас. Продолжайте.

— Небольшими ножницами она разрезала подкладку, после чего засунула что-то внутрь. Правда, в следующее мгновение в коридоре показались врач и еще один человек. Она тотчас рухнула на кушетку и застонала. Я решила посмотреть, что будет дальше. Из разговора я поняла, что она притворилась, будто ей дурно. Я говорю «притворилась», потому что, когда заметила ее в первый раз, с нею все было в порядке

Томми кивнул.

— И?..

— Мне неприятно рассказывать вам следующую часть. Мне было любопытно. Кроме того, я начиталась всяких глупых книжек, и потому мне было интересно узнать, что она засунула в ботинок мистера Уилмотта — бомбу или отравленную иглу.

Понимаю, это звучит абсурдно, но я действительно так подумала. Как бы то ни было, в следующий раз, проходя мимо пустой каюты, я шмыгнула внутрь и проверила ботинок. Из-под подкладки я вытащила полоску бумаги. Я держала ее в руке, но в следующий миг до моего слуха донеслись шаги стюарда, и я поспешила вон из каюты, чтобы не быть пойманной. Сложенный листок бумаги был по-прежнему зажат у меня в руке. Вернувшись к себе в каюту, я изучила его. Вы не поверите, мистер Блант, но там ничего не было, кроме стиха из Библии.

— Стиха из Библии? — переспросил заинтригованный ее словами Томми.

— По крайней мере, я так тогда подумала. Понять я его не смогла, но подумала, что это работа какого-то религиозного маньяка. В любом случае, я не видела смысла возвращать его назад. Я хранила его до вчерашнего дня, когда сделала из него кораблик для моего племянника, который он пустил в плавание по ванне. По мере того как бумага намокала, на ней стал появляться какой-то странный рисунок. Тогда я выхватила ее из воды и разгладила. Благодаря воде на бумаге высветилось тайное сообщение. Что-то вроде чертежа, похожего на вход в гавань. А вскоре после этого мне на глаза попалось ваше объявление в газете.

Томми вскочил со стула.

— Но ведь это крайне важно! Теперь мне все понятно. Чертеж — это, по всей видимости, план обо-

ронительных сооружений гавани. И он был украден этой женщиной. Опасаясь, что за ней следят, она не решилась хранить его среди своих вещей, зато придумала, где его можно отлично спрятать. Позднее она получила в свои руки саквояж, в котором лежал ботинок, но, к своему разочарованию, обнаружила, что бумага исчезла. Скажите мне, мисс Марч, вы принесли эту бумагу с собой?

Девушка покачала головой.

— Она у меня на работе. Я держу салон красоты на Бонд-стрит. Видите ли, я представляю нью-йоркскую фирму «Цикламен», именно поэтому и ездила в Нью-Йорк. Я подумала, что бумага эта может быть важна, и потому, прежде чем идти к вам, заперла ее в сейфе на работе... Скажите, следует ли поставить в известность Скотленд-Ярд?

— Безусловно.

— В таком случае пойдемте ко мне, достанем ее из сейфа, после чего сразу отправимся в Скотленд-Ярд.

— Сегодня у меня много дел, — ответил Томми, вновь надевая профессиональную маску, и даже посмотрел на часы. — Епископ Лондонский хочет, чтобы я расследовал для него одно дело. Весьма любопытная проблема, касающаяся церковных одеяний и двух викариев...

— В таком случае, — сказала мисс Марч, вставая, — я пойду одна.

Томми поднял руку в знак протеста.

— Я только что собирался сказать, — произнес он, — что епископ может подождать. Я пошлю ему пару слов с Альбертом. Убежден, мисс Марч, что до тех пор пока бумага эта не будет передана в Скотленд-Ярд, вы подвергаете себя опасности.

— Вы действительно так считаете? — спросила девушка с сомнением в голосе.

— Не просто считаю. Я в этом уверен. Одну минутку...

Томми набросал в блокноте пару слов, затем вырвал лист и сложил. Взяв шляпу и трость, он сообщил девушке, что готов сопровождать ее. В приемной с важным видом протянул сложенный листок Альберту.

— Меня вызвали по срочному делу. Объясните это его преосвященству, когда он придет сюда. А здесь мои заметки по этому делу для мисс Робинсон.

— Отлично, сэр, — ответил, подыгрывая ему, Альберт. — А как насчет жемчугов герцогини?

Томми раздраженно махнул рукой.

— Они тоже подождут.

Вместе с мисс Марч он поспешил вниз. Где-то посередине лестницы им навстречу попалась Таппенс, которая поднималась вверх. Томми прошел мимо, удостоив ее резким замечанием:

— Опять опаздываете, мисс Робинсон. Меня вызывают по важному делу.

Таппенс застыла, раскрыв рот, и посмотрела им вслед. Затем, сделав удивленное лицо, поднялась в кабинет.

Не успели они выйти на улицу, как к ним подкатило такси. Томми уже было собрался сесть в него, но передумал.

— Вы любите ходить пешком, мисс Марч? — спросил он с серьезным видом.

— Да, а в чем дело? Не лучше ли было воспользоваться такси? Добрались бы гораздо быстрее.

— Наверное, вы не заметили, но таксист только что отказал пассажиру чуть дальше по улице. Он поджидал нас. Ваши враги не дремлют. Если вы не возражаете, нам лучше пройтись до Бонд-стрит пешком. На оживленной улице они не посмеют что-то против нас предпринять.

— Уговорили, — ответила девушка с сомнением в голосе.

И они зашагали в западном направлении. Улицы, как и сказал Томми, были полны народа, поэтому шли они медленно. Кроме того, Томми постоянно был начеку. Иногда он быстрым жестом оттаскивал девушку в сторонку, хотя лично она ничего подозрительного не замечала.

В какой-то момент, посмотрев на нее, сыщик проникся раскаянием.

— У вас чертовски усталый вид. Тот человек наверняка напугал вас... Давайте зайдем в это кафе и выпьем по чашке крепкого кофе. Думаю, вам не повредит глоток бренди.

Девушка с легкой улыбкой покачала головой.

— В таком случае пусть будет только кофе, — сказал Томми. — Думаю, можно рискнуть. Вряд ли он будет отравленным.

Посидев какое-то время в кафе, они отправились дальше чуть более бодрым шагом.

— Думаю, мы оторвались от них, — произнес Томми, глядя через плечо.

«Цикламен Лимитед» оказалось небольшим заведением на Бонд-стрит, с бледно-розовыми занавесками из тафты. Витрину украшали две баночки крема для лица и кусок мыла.

Сайсли Марч вошла первой, Томми — вслед за нею. Внутри помещение оказалось крошечным. Слева располагался стеклянный прилавок с туалетными принадлежностями. За прилавком сидела немолодая женщина с седыми волосами и хорошим цветом лица. Появление Сайсли она отметила легким кивком, после чего продолжила беседу с покупательницей, которую в данный момент обслуживала.

Покупательницей была невысокая темноволосая женщина. Она стояла к ним спиной, так что ее лица не было видно. По-английски она говорила медленно, тщательно подбирая слова. Справа был диван и два кресла, на столике перед ними — какие-то журналы. Там сидели двое мужчин — по всей видимости, скучающие мужья, ожидающие жен.

Сайсли Марч направилась прямо в дверь в конце помещения, которую она придержала для Томми. Не успел он войти, как покупательница у прилавка воскликнула:

— Мне кажется, это мой *amico*![1]

С этими словами она бросилась за ними следом и вставила между дверью и косяком ногу, чтобы дверь не закрылась. Одновременно вскочили на ноги «скучающие мужья». Один кинулся вслед за нею, другой подскочил к продавщице и грубо зажал ей рот, не давая крику сорваться с ее губ.

Тем временем события за дверью развивались с удивительной быстротой. Не успел Томми войти в комнату, как ему на голову накинули тряпку. В ноздри тотчас ударил противный, резкий запах. Впрочем, уже в следующий момент тряпка была сорвана, а тишину пронзил женский крик.

Томми заморгал и закашлялся, растерянно глядя на представшее его взгляду зрелище. Справа от него был загадочный незнакомец, что приходил к нему всего несколько часов назад. При этом один из скучавших в креслах мужчин деловито надевал на него наручники. Прямо перед ним Сайсли Марч отчаянно вырывалась из хватки женщины, которую продавщица только что обслуживала за прилавком. Затем эта женщина повернула голову, вуаль отстегнулась от шляпки и упала, и взору Томми предстали хорошо знакомые черты. Таппенс.

---

[1] Друг (*ит.*).

— Отлично сработано, старушка, — сказал Томми, шагнув ей навстречу. — Давай я тебе помогу. Я бы, мисс О'Хара, на вашем месте прекратил сопротивление. Или вы предпочитаете, чтобы я называл вас мисс Марч?

— Это инспектор Грейс, Томми, — сказала Таппенс. — Как только я прочла записку, которую ты мне оставил, я позвонила в Скотленд-Ярд, и когда пришла сюда, меня у входа уже ждал инспектор Грейс со своим помощником.

— Я рад, что этот джентльмен наконец-то в наших руках, — сказал инспектор, указывая на пленника. — Мы уже давно разыскиваем его. У нас не было оснований подозревать это заведение. Нам казалось, что это на самом деле салон красоты.

— Видите ли, — мягко пояснил Томми, — мы должны быть предельно осторожны. Зачем кому-то понадобился саквояж посла всего на час-другой? Хорошо, я задам тот же вопрос иначе. Допустим, важен был тот, второй саквояж. И кому-то было нужно, чтобы он на час-другой оказался у посла. Что еще немаловажно: багаж дипломатов, в отличие от багажа простых смертных, не подлежит унизительной процедуре таможенного досмотра. То есть тут однозначно идет речь о контрабанде. Но контрабанде чего? Чего-то явно небольшого. Первым делом я подумал о наркотиках.

Затем в моем кабинете была разыграна эта живописная комедия. Они прочли мое объявление в газете и решили сбить меня со следа, а если не получится, то вообще избавиться от меня. Но когда Альберт выкинул свой фокус с лассо, я заметил на лице моей очаровательной гостьи выражение неподдельной досады. Что совершенно не вписывалось в отведенную ей роль. По идее, нападение незнакомца было призвано укрепить мое доверие к ней. Я, как мог, сыграл роль доверчивого сыщика — глазом не моргнув проглотил ее совершенно неправдоподобную историю, позволил заманить себя сюда... Правда, я успел оставить инструкцию, как поступить в данной ситуации. Под разными причинами я оттягивал наш приход в это место, чтобы дать тебе достаточно времени.

Сайсли Марч посмотрела на него с каменным лицом.

— Вы с ума сошли. Что вы рассчитываете здесь найти?

— Если вспомнить слова Ричардса о том, что он видел банку с солью для ванн, как вы отнесетесь к тому, инспектор, если мы начнем с нее?

— Весьма здравая мысль, сэр.

С этими словами он взял одну из изящных розовых жестянок и высыпал ее содержимое на стол. Девушка рассмеялась.

— Подлинные кристаллы, говорите? — сказал Томми. — Обычная сода.

— Посмотри в сейфе, — подсказала Таппенс.

В углу стоял небольшой сейф. Ключ от него был в замке. Томми открыл дверцу и тотчас довольно вскрикнул. Задняя часть сейфа представляла собой углубление в стене, до отказа набитое банками с солью для ванн. Бесконечными рядами банок. Взяв одну из них, Томми открыл крышку. Сверху лежало несколько крупинок розовых кристаллов. Под ними оказался тонкий белый порошок.

Инспектор издал радостный возглас.

— Так я и думал, сэр. Ставлю на десять к одному, что это чистый кокаин. Мы знали, что поставщик находится где-то здесь, поближе к Вест Энду, но никак не могли вычислить, где именно. Поздравляю, отличная работа, сэр.

— Скорее, это триумф «Блестящих сыщиков Бланта», — сказал Томми, обращаясь к Таппенс, когда они вместе вышли на улицу. — Как это здорово, однако, иметь жену! Благодаря твоим постоянным наставлениям я наконец научился отличать натуральных блондинок от крашеных. Чтобы я купился на золотые кудри, те должны быть натуральными. Сейчас мы с тобой сочиним отчет о проделанной работе послу. Необходимо проинформировать его, что расследование этого случая завершено. А теперь, мой дорогой друг, как насчет чая и бессчетного количества горячих булочек с маслом?

Глава 23

Человек, который был номером шестнадцать

Томми и Таппенс уединились с шефом в его личном кабинете. Его похвальный отзыв об их работе был теплым и искренним.

— Вы поработали превосходно. Благодаря вашим стараниям нам в руки попались как минимум пять весьма интересных персонажей, от которых мы, в свою очередь, получили весьма ценную информацию. Тем временем мне стало известно из надежного источника, что в штаб-квартире в Москве царит переполох, потому что один из их агентов не дал о себе знать. Думаю, что, несмотря на все наши меры предосторожности, они заподозрили что-то неладное, причем не где-нибудь, а в том, что я назову распределительным центром, а именно в «Международном детективном бюро» мистера Теодора Бланта.

— Ну что ж, — сказал Томми, — рано или поздно, но они должны были столкнуться с нами, сэр.

— Как вы только что сказали, к этому все и шло. Тем не менее я до известной степени тревожусь за миссис Бересфорд.

— Я могу о ней позаботиться, — сказал Томми.

— Я могу о себе позаботиться, — сказала Таппенс одновременно с ним.

— Хм, — произнес мистер Картер. — Вас двоих всегда отличала чрезмерная самоуверенность. Объясняется ли такая удачливость вашей сверхчеловеческой находчивостью, или же имеет место некий процент удачи, это я затрудняюсь сказать. Но удача, как вам известно, вещь изменчивая... Впрочем, в мои планы не входит обсуждать этот вопрос. Хорошо зная миссис Бересфорд, я смею предположить, что ее бесполезно даже просить держаться подальше от всеобщего внимания в течение последующей пары недель. Я прав?

Таппенс энергично встряхнула головой.

— В таком случае мне лишь остается сообщить вам имеющуюся у меня информацию. У нас есть все основания полагать, что Москва отрядила в нашу страну специального агента. Нам неизвестно, под каким именем он путешествует, равно как и когда прибудет сюда. Зато мы кое-что про него знаем. Во время войны этот человек доставил нам массу неприятностей. Он был прямо-таки вездесущ и появлялся там, где мы его не ждали. По рождению он русский, но наделен поразительными языковыми способностями и при желании может выдать себя за человека полдюжины национальностей, в том числе и за англичанина. Кроме того, он мастер перевоплощения. И конечно же, у него есть мозги. Это он придумал так называемый пароль «номер шестнадцать».

Когда и как он объявится здесь, мне неизвестно. Тем не менее я почти уверен, что он объявится.

А еще нам известно, что он лично не знаком с настоящим Теодором Блантом. Думаю, этот человек придет к вам в офис под каким-либо предлогом и попробует проверить вас при помощи пароля. Первый, как вы знаете, это упоминание цифры шестнадцать. На что полагается дать ответ в виде предложения, содержащего цифру. Второй, как нам только что стало известно, — это вопрос, пересекали ли вы когда-нибудь Ла-Манш. Ответ на него таков: «Я был в Берлине тринадцатого числа прошлого месяца». Насколько нам известно, это всё. Я предлагаю, чтобы вы оба ответили правильно и постарались завоевать его доверие. Поддерживайте обман как только можете. Но даже если вам покажется, что он проникся к вам доверием, не теряйте бдительности. Наш «друг» — человек на редкость проницательный и умеет вести двойную игру, причем лучше вас. Однако в любом случае я возлагаю на вас надежды. Начиная с этого дня я принимаю повышенные меры безопасности. Прошлым вечером в вашем кабинете был установлен диктофон, и мои люди, которые будут находиться в комнате внизу, смогут слышать все, что говорится в вашем кабинете. Таким образом, я буду в курсе событий, и если вдруг что-то произойдет, смогу предпринять все необходимые меры для вашей с женою безопасности, а также получу в свои руки того, за кем давно охочусь.

Получив еще ряд инструкций и обговорив общую линию действий, молодые супруги покинули

кабинет и как можно быстрее вернулись к себе, в бюро «Блестящих сыщиков Бланта».

— Уже поздно, — сказал Томми, глядя на часы. — Двенадцать часов. Как долго мы пробыли у шефа! Надеюсь, мы не пропустили какой-нибудь особенно интересный случай.

— В целом, — заметила Таппенс, — мы поработали неплохо. Я тут на днях анализировала результаты. Мы раскрыли четыре загадочных убийства, разоблачили банду фальшивомонетчиков, затем другую — контрабандистов...

— То есть две банды, — подвел итог Томми. — Да-да! Чему я несказанно рад. «Банда» — это звучит так профессионально...

Тем временем Таппенс продолжила перечислять, загибая пальцы.

— Похищение драгоценностей; в двух случаях жертва сумела избежать насильственной смерти; затем случай с пропавшей дамой, которая решила сбросить вес; познакомились с молодой девушкой; раскрыли тайну алиби; и — увы! — один случай, когда мы выставили себя круглыми дураками. Но в целом очень даже неплохо. Я бы сказала, что ума нам не занимать.

— Ты всегда так говоришь, — заметил Томми. — Несмотря ни на что. У меня же такое чувство, что пару раз нам просто крупно повезло.

— Ерунда! — заявила Таппенс. — Все дело в клеточках серого вещества.

— Черт, все-таки однажды мне повезло, — сказал Томми. — Когда Альберт набросил на преступника лассо. Но ты так говоришь, Таппенс, будто все это позади.

— Так оно и есть, — сказала Таппенс и выразительно понизила голос до полушепота. — Это наше последнее дело. Как только мы схватим этого супершпиона, великие детективы уйдут на покой и станут или разводить пчел, или выращивать кабачки[1]. Так уж заведено.

— Устала?

— Пожалуй, да. Кроме того, до сих пор нам сопутствовала удача, а она — вещь изменчивая.

— Ага, кто-то заговорил об удаче! — торжествующим тоном воскликнул Томми.

В этот момент они свернули ко входу в здание, в котором располагалось «Международное детективное агентство», и потому Таппенс не ответила. Альберт, как всегда, был на боевом посту в приемной. Борясь с бездельем, он балансировал — вернее, пытался балансировать — на носу линейкой.

Удостоив его неодобрительным взглядом, «мистер Блант» прошел к себе в кабинет. Здесь он снял пальто и шляпу, после чего открыл шкаф, на полках которого выстроились ряды книг классиков детективного жанра.

---

[1] Пчел разводил Шерлок Холмс, а кабачки (позже) выращивал Эркюль Пуаро.

— Выбор сужается, — пробормотал Томми. — С кого же мне брать пример сегодня?

Из задумчивости его вывел голос Таппенс, в котором прозвучала необычная нота. Мистер Бересфорд обернулся.

— Томми, — заявила она, — какое сегодня число?

— Секундочку... Кажется, одиннадцатое. А почему ты спрашиваешь?

— Посмотри на календарь.

На стене висел отрывной календарь — у таких обычно каждый день отрывают листок. Воскресенье, шестнадцатое число, гласил он. С утра же был понедельник.

— Клянусь Юпитером, стра́нно! Не иначе как Альберт оторвал лишние страницы. Какой, однако, неаккуратный малый!

— Вряд ли это он, — сказала Таппенс. — Но можно спросить.

Альберт, будучи призван дать объяснения, похоже, сам был удивлен. Он клялся и божился, что оторвал всего один листок — со вчерашним днем. Его заявление имело вещественное доказательство в виде листка, который был найден в камине, в то время как все остальные были выброшены в корзину для мусора.

— Какой аккуратный и методичный преступник, — заметил Томми. — Кто был здесь сегодня утром, Альберт? Какой-нибудь клиент?

— Всего один, сэр.

— И кто же он?

— Вообще-то это была она. Сестра милосердия. Очень расстроенная. Спрашивала про вас. Сказала, что дождется вашего возвращения. Я посадил ее в комнату клерков, потому что там теплее.

— Оттуда ей ничего не стоило войти сюда, и ты не мог этого видеть. И давно она ушла?

— Примерно полчаса назад. Сказала, что зайдет во второй половине дня. Такая милая и добрая. Прямо-таки материнского вида...

— Материнского... марш отсюда, Альберт!

Парень с оскорбленным видом удалился.

— Странное, однако, начало, — сказал Томми. — Что ей здесь понадобилось? Как-то мне это не нравится... Надеюсь, в камине не спрятана бомба или что-то в этом роде?

Убедившись, что никакой бомбы нет, он уселся за стол и обратился к Таппенс:

— *Mon ami*[1], мы имеем дело с серьезнейшим случаем. Надеюсь, ты помнишь дело человека, которое было номером четвертым? Его я раздавил, как яичную скорлупу, в Доломитовых Альпах — при помощи сильной взрывчатки, *bien entendu*[2]. Но он не погиб! О нет, они никогда не погибают, эти супербандиты. Это тот самый человек, даже более того, если можно так выразиться. Он номер четыре

[1] Мой друг (*фр.*).

[2] Разумеется (*фр.*).

в квадрате; иными словами, теперь он номер шестнадцать. Ты меня поняла, друг мой?

— О да, отлично, — отозвалась Таппенс. — Ты великий Эркюль Пуаро.

— Именно. Никаких усов, зато масса серого вещества.

— У меня такое чувство, — сказала Таппенс, — что это конкретное приключение удостоится названия «Триумф Гастингса».

— Никогда! — возразил Томми. — Так не бывает. Однажды друг-идиот — навсегда друг-идиот. В таких вещах есть свой этикет. Кстати, *mon ami*, вы не могли бы сделать пробор посередине, не сбоку? Нынешний эффект несимметричен и производит удручающее впечатление.

На столе у Томми прозвенел звонок. Он тоже нажал на кнопку. В кабинет шагнул Альберт с визиткой в руках.

— Князь Владировский, — прочел Томми себе под нос и посмотрел на Таппенс. — Интересно... Пусть он войдет, Альберт.

Вошедший был среднего роста, осанистый, со светлой бородкой, на вид лет тридцати пяти.

— Мистер Блант? — спросил он; его английский был идеальным. — Мне рекомендовали вас как профессионала высочайшего уровня. Скажите, вы не согласились бы взяться за мой случай?

— Если вы соблаговолите ввести меня в курс дела...

— Безусловно. Дело касается дочери моего друга, девушки шестнадцати лет. Надеюсь, вы понимаете, что нам не нужен скандал...

— Мой дорогой друг, — заявил Томми. — Наше бюро успешно работает вот уже шестнадцать лет благодаря тому, что мы неукоснительно следуем этому принципу.

Как ему показалось, глаза князя вспыхнули блеском. Если так оно и было, то длилось всего мгновение.

— Насколько я понимаю, у вас есть филиалы по ту сторону Ла-Манша.

— О да! Кстати, — и он четко и выразительно проговорил нужную фразу, — я сам был в Берлине тринадцатого числа прошлого месяца.

— В таком случае, — сказал незнакомец, — нам нет необходимости прибегать к вымыслу. Давайте забудем про дочь моего друга. Вам известно, кто я – по крайней мере, насколько я понимаю, вас предупредили о моем визите.

С этими словами он кивнул на отрывной календарь на стене.

— Вы правы, — отозвался Томми.

— Мои друзья, я прибыл сюда, чтобы заняться расследованием. Что здесь у вас происходило?

— Измена, — произнесла Таппенс, не в силах больше хранить молчание.

Русский переключил внимание на нее и удивленно выгнул брови.

— Ага, вот как? Так я и думал... Это Сергей?

— Нам так кажется, — ответила Таппенс, даже не моргнув глазом.

— Что ж, меня это не удивляет. Но, скажите, сами вы не под подозрением?

— Мы так не думаем. Видите ли, мы ведем немало серьезных дел...

Русский кивнул.

— Что ж, весьма мудро с вашей стороны. Тем не менее мне лучше не приходить сюда второй раз. В данный момент я остановился в «Блитце». Я возьму Маризу... ведь это, как понимаю, Мариза?

Таппенс кивнула.

— Под каким именем она известна здесь?

— Мисс Робинсон.

— Хорошо, мисс Робинсон, вы вернетесь со мною в «Блитц» и там отобедаете в моей компании. Затем мы все встретимся в три часа в штабе. У вас есть вопросы? — спросил он, глядя на Томми.

— Никаких, все предельно понятно, — ответил тот, ломая голову над тем, где находится этот штаб. Тем не менее он догадался, что это тот самый штаб, чье местонахождение и надеялся раскрыть мистер Картер.

Таппенс встала и надела длинное черное пальто с леопардовым воротником, после чего объявила, что готова сопровождать князя.

Они вместе вышли из бюро. Томми остался в кабинете, раздираемый противоречивыми чувствами. Что, если испортился диктофон? Или загадочная сестра милосердия каким-то образом догадалась

о наличии подслушивающего устройства и вывела его из строя?

Он схватил телефон и набрал некий номер. Сначала его встретило молчание в трубке, затем знакомый голос ответил.

— Все отлично. Сейчас буду в «Блитце».

Спустя пять минут Томми и мистер Картер встретились в Пальмовом дворике «Блитца». Мистер Картер излучал уверенность и оптимизм.

— Вы все проделали блестяще. Князь с дамой сейчас в ресторане. Там двое моих людей, действуют под видом официантов. Подозревает он что-либо или нет — а я склоняюсь к тому, что нет, — он в наших руках. Наверху два моих агента не спускают глаз с его номера, а другие готовы следовать за ним по пятам, куда бы он ни пошел. Так что не переживайте за вашу жену. Мы постоянно будем держать ее в поле зрения. Я не намерен рисковать ее жизнью.

Время от времени к ним подходил доложить обстановку то один, то другой из секретных агентов. В первый раз это был официант, который принял у них заказ на коктейли, второй — модный молодой человек с отсутствующим взглядом.

— Они выходят, — сказал мистер Картер. — Давайте на всякий случай зайдем за колонну, вдруг они захотят здесь присесть. Но мне почему-то кажется, что он поведет ее к себе в номер... Так я и думал.

Со своего наблюдательного поста Томми увидел, как русский и Таппенс пересекли вестибюль и вошли в лифт.

Спустя несколько минут Томми заерзал.

— Как вы думаете, сэр, ну то есть одни, в номере...

— Там внутри мой человек — прячется за диваном. Не волнуйтесь, мой друг.

К Картеру через весь вестибюль подошел один из официантов.

— Получил сигнал, сэр, что они поднялись наверх, но в номере так и не появились. Так и нужно?

— Что? — Картер резко развернулся. — Я собственными глазами видел, как они вошли в лифт. Всего, — он посмотрел на часы, — четыре с половиной минуты назад. Говорите, они еще не появились?..

Он поспешил к лифту, который минуту назад спустился вниз, и заговорил с лифтером в униформе.

— Вы только что доставили наверх, на второй этаж, джентльмена со светлой бородкой в сопровождении молодой дамы.

— Не на второй, а на третий, как сказал джентльмен.

— Ой! — Шеф заскочил в лифт и жестом велел Томми следовать его примеру. — Везите нас на третий этаж, пожалуйста. Ничего не понимаю, — пробормотал он себе под нос. — Но главное — спокойствие. Каждый выход из отеля под наблю-

дением. На третьем этаже тоже есть мой человек. Скажу больше — на каждом этаже. Я постарался прикрыть все тылы.

Дверь лифта открылась, и они, выбежав из него, помчались по коридору третьего этажа. На полпути им навстречу попался агент, одетый официантом.

— Всё в порядке, шеф, они в триста восемнадцатом номере.

Картер облегченно вздохнул.

— Понял. А там нет второго выхода?

— Это люкс, но из него в коридор выходят две эти двери — по одной в каждой комнате. Чтобы попасть на лестницу или к лифтам, они будут вынуждены пройти мимо нас.

— Ну что ж, тогда всё хорошо. Позвоните вниз и узнайте, на чье имя заказан номер.

Официант вернулся через пару минут.

— На имя миссис Кортланд ван Снайдер из Детройта.

— У меня появились вопросы. Эта миссис ван Снайдер, она или сообщница, или... — Мистер Картер не договорил. — Прислушайтесь, внутри что-нибудь слышно? — внезапно спросил он.

— Ни звука. Но двери плотно подогнаны. Из-за них при всем желании мало что услышишь.

Мистер Картер быстро принял решение.

— Что-то мне это совсем не нравится. Мы должны попасть внутрь. У вас есть дубликат ключа?

— Разумеется, сэр.

— Позовите Эванса и Клайдсли.

Как только подоспела помощь, они все вместе приблизились к двери номера и бесшумно повернули в замке ключ.

Дверь открылась, и они оказались в небольшой прихожей. Справа — открытая дверь в ванную комнату, прямо перед ними — гостиная. Дверь слева была закрыта, и из-за нее доносился какой-то слабый звук, похожий на астматическую одышку. Мистер Картер распахнул дверь и вошел.

Комната оказалась спальней с огромной двуспальной кроватью, застеленной розовым с золотом покрывалом. На ней, связанная по рукам и ногам, с кляпом во рту, выпучив от боли и гнева глаза, лежала немолодая, модно одетая женщина.

По знаку мистера Картера его агенты быстро проверили весь номер, но в спальню вошли только Томми и шеф. Наклонившись над пленницей, чтобы развязать на ней узлы, Картер озадаченно обвел взглядом комнату. Не считая огромного количества поистине американского багажа, та была совершенно пуста. Ни русского, ни Таппенс.

Через минуту к нему подлетел официант и доложил, что во второй комнате тоже никого. Томми выглянул в окно, однако тотчас вернулся и покачал головой. Балкона в номере не было — за окном вниз к тротуару уходила лишь отвесная стена.

— Вы уверены, что они вошли именно в этот номер? — властно осведомился Картер.

— Разумеется. Кроме того... — агент кивнул в сторону женщины на кровати.

С помощью перочинного ножа Картер перерезал душивший ее шарф. Тем не менее тотчас же стало ясно, что, несмотря на все ее страдания, миссис Кортланд ван Снайдер сохранила дар речи.

Как только она дала выход своему возмущению, мистер Картер довольно мягко спросил:

— Если вы не возражаете, мы бы хотели услышать от вас, что, собственно, произошло, причем с самого начала.

— Думаю, я подам на отель в суд. Это же безобразие! Я искала пузырек с микстурой от простуды, когда на меня сзади накинулся какой-то мужчина и разбил у меня под носом какой-то флакон. Не успела я и глазом моргнуть, как потеряла сознание. А когда пришла в себя, оказалось, что я, связанная по рукам и ногам, лежу на кровати, и один Бог ведает, что случилось с моими драгоценностями... Думаю, он унес их с собой.

— Ваши драгоценности в целости и сохранности, — сухо заметил мистер Картер. Он огляделся по сторонам и поднял с пола какой-то предмет. — Вы стояли там же, где я сейчас, когда этот мужчина напал на вас?

— Именно здесь, — подтвердила миссис ван Снайдер.

В руках у мистера Картера был осколок стекла. Он понюхал его и протянул Томми.

— Этилхлорид, — пробормотал он. — Моментально отключает сознание. Правда, ненадолго, секунды на две-три. Когда вы очнулись, этот че-

ловек наверняка еще находился в комнате. Разве не так, миссис ван Снайдер?

— А что я вам только что сказала?.. О, я едва не сошла с ума, видя, как он уносит ноги, в то время как я сама была не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой.

— Уносит ноги? — резко спросил мистер Картер. — И куда же?

— Вон в ту дверь, — она указала на дверь на противоположной стене. — С ним еще была девушка... Правда, она плохо держалась на ногах. Не иначе тоже получила дозу.

Картер вопросительно посмотрел на своих подручных.

— Эта дверь ведет в соседний номер. Предполагается, что она с обеих сторон закрыта на засов.

Мистер Картер внимательно осмотрел дверь, после чего выпрямился и повернулся к даме на кровати.

— Миссис ван Снайдер, — негромко сказал он, — вы по-прежнему утверждаете, что тот человек вышел через эту дверь?

— Разумеется, через нее. Почему бы нет?

— Потому что дверь закрыта с этой стороны, — сухо заметил мистер Картер. И в подтверждение своих слов подергал за ручку.

На лице миссис ван Снайдер возникло неподдельное изумление.

— Если только никто не закрыл дверь следом за ним, — сказал мистер Картер, — он никак не мог

уйти через эту дверь. — И повернулся к Эвансу, который только что вошел в комнату. — Насколько я понимаю, в соседнем номере их нет? Есть здесь еще какие-нибудь двери?

— Нет, сэр, однозначно никаких.

Картер еще раз внимательно осмотрелся по сторонам. Открыл вместительный платяной шкаф, заглянул под кровать, в каминную трубу и за шторы. Затем его, похоже, осенило. Невзирая на пронзительные протесты миссис ван Снайдер, он открыл огромный сундук и быстро перекопал его содержимое.

Внезапно Томми, который до этого внимательно рассматривал дверь между номерами, воскликнул:

— Подойдите сюда, сэр! Посмотрите вот сюда. Они действительно ушли через эту дверь.

Язычок задвижки был очень хитро подпилен, очень близко к углублению, так что сочленение было едва заметно.

— Дверь не открывается, потому что заперта с обеих сторон, — пояснил Томми.

В следующее мгновение они снова были в коридоре. Официант запасным ключом открыл дверь в соседний люкс. Никаких постояльцев в нем не было. Подойдя к двери, соединявшей оба номера, они поняли, что задвижка подпилена и здесь. Сама дверь была заперта, а ключ вынут из скважины. Увы, при всем этом в номере не было никаких признаков пребывания бородатого русского и Таппенс.

Не считая двери между номерами, там была лишь одна дверь, выходившая в коридор.

— Но ведь я наверняка увидел бы, как они выходили! — воскликнул официант. — Я не мог не заметить их. Могу поклясться на чем угодно, что в коридоре их не было!

— Проклятье! — воскликнул Томми. — Не могли же они раствориться в воздухе!

Картер вновь был само спокойствие, зато его мозг активно работал.

— Позвоните вниз и узнайте, кто последним занимал этот люкс и когда.

Оставив Клайдсли охранять второй люкс, Эванс бросился выполнять его поручение. Вскоре он поднял голову от телефона.

— Некий молодой инвалид-француз, месье Поль де Варе. С ним была сиделка-медсестра. Они съехали сегодня утром.

С губ переодетого официантом агента сорвался испуганный возглас, а сам он побледнел как мел.

— Инвалид и сиделка, — пролепетал он. — Они попались мне навстречу в коридоре. Мне и в голову не могло прийти... Я их столько раз видел раньше!

— Ты уверен, что это были те же самые люди? — вскричал мистер Картер. — Ты уверен, приятель? Ты хорошо на них посмотрел?

Агент покачал головой.

— Я на них даже не взглянул. Как вы понимаете, я ждал появления других — мужчины со светлой бородой и девушки.

— Разумеется, — простонал мистер Картер. — На это они и рассчитывали...

Внезапно вскрикнув, Томми наклонился и вытащил из-под дивана небольшой черный сверток. Как только он его развернул, из него выпала пара вещей. Сама внешняя обертка оказалась длинным черным пальто, в котором в тот день была Таппенс. Внутри оказалось ее платье и длинная светлая борода.

— Теперь все ясно, — сердито произнес Томми. — Таппенс у них в руках. Этот русский дьявол ушел от нас, а сиделка и этот инвалид — его сообщники. Они поселились здесь заранее, за день или два, чтобы персонал отеля привык к их присутствию. В ресторане он понял, что попал в западню, и решил осуществить собственный план. Возможно, рассчитывал на то, что соседний люкс будет пуст, потому что именно тогда он подпилил замки. В любом случае ему удалось нейтрализовать обитательницу номера и Таппенс. Он привел ее сюда, переодел в мужскую одежду, изменил собственную внешность и как ни в чем не бывало вышел вон. Одежду для этого маскарада он наверняка приготовил заранее. Что мне непонятно, как ему удалось подчинить себе Таппенс...

— А вот мне понятно, — произнес мистер Картер. С этими словами он поднял с пола небольшой металлический предмет. — Это часть иглы для подкожных инъекций. Он ввел ей наркотик.

— О боже! — простонал Томми. — И он сбежал от нас!

— Этого мы не знаем, — быстро возразил Картер. — Смею напомнить, что все выходы под наблюдением.

— Да, но ждут мужчину и молодую женщину, а не сиделку с мальчишкой-инвалидом... Они уже наверняка покинули отель.

Кстати, так и оказалось. По словам портье, сиделка и ее пациент уехали на такси всего пять минут назад.

— Послушайте, Бересфорд, — сказал Картер. — Ради Бога, возьмите себя в руки. Вы же знаете, я ни перед чем не остановлюсь, чтобы найти вашу жену. Сейчас я возвращаюсь к себе в кабинет. Не пройдет и пяти минут, как к ее поискам будет подключен каждый агент в моем распоряжении. Они от нас не уйдут.

— Вы уверены, сэр? Этот русский — настоящий дьявол. Посмотрите, с какой ловкостью он провернул это дело... Нет-нет, я не сомневаюсь, что вы сделаете все возможное. Только боюсь, что уже слишком поздно. К сожалению, пока что удача на их стороне.

Выйдя из отеля «Блитц», Томми зашагал по улице, почти не замечая, куда идет. Его как будто парализовало. Где искать? Что делать?

Дойдя до Грин-парк, он рухнул на скамейку. И почти не заметил, как на противоположный ко-

нец сел кто-то еще. Каково же было его удивление, когда рядом раздался хорошо знакомый голос:

— Если вы не против, я позволю себе смелость...

Томми поднял глаза.

— Привет, Альберт, — глухо сказал он.

— Я все знаю, сэр, но только вы не слишком переживайте...

— Не переживайте, — усмехнулся Бересфорд. — Легко сказать...

— Но вы сами подумайте, сэр! «Блестящие сыщики Бланта». Они всегда на коне. Заранее прошу меня извинить за мои слова, но я случайно подслушал, как и вы и ваша *миссус* спорили сегодня утром про месье Пуаро и его серое вещество. Так вот, сэр, почему бы вам не пустить в ход ваше? И тогда посмотрим, что можно будет сделать.

— Эх, дружище, в книгах пустить в ход клеточки серого вещества куда легче, чем в жизни...

— И все же, — стоял на своем Альберт. — Я не верю, что наша *миссус* даст себя обезвредить. Да вы и сами знаете, какая она. Она как та резиновая кость, которые покупают собачкам. Сколько ее ни грызи, ей все нипочем.

— Альберт, — произнес Томми, — ты меня взбодрил.

— В таком случае, почему бы не пустить в ход серые клеточки?

— Какой ты, однако, упрямый, Альберт... Ну что же, до сих пор мы с успехом пользовались этим приемом. Так попробуем еще разок. Давай аккуратно

разложим по полочкам имеющиеся у нас факты. В десять минут третьего наш шпион входит в лифт. Спустя пять минут мы разговариваем с лифтером, и, услышав, что он нам сказал, спешим на третий этаж. Примерно в девятнадцать минут третьего мы входим в номер люкс миссис ван Снайдер. Итак, какой важный факт бросается нам в глаза?

Оба умолкли, ожидая, как какой-нибудь важный факт бросится в глаза если не одному, то другому. Увы. Этого не случилось.

— Скажите, а был в номере сундук? — спросил Альберт с задорным блеском в глазах.

— *Mon ami*, — сказал Томми, — ты плохо представляешь себе психологию американской женщины, только что вернувшейся из Парижа. Я бы сказал, там было около девятнадцати сундуков.

— Я это к чему спросил, сэр. Сундук — удобная вещь, если у вас есть труп, от которого нужно избавиться... Нет-нет, я не хотел сказать, что она мертва.

— Мы осмотрели лишь два из них, самые большие, в которые при желании можно спрятать тело. Какой следующий факт в нашем хронологическом порядке?

— Вы пропустили один — когда *миссус* и этот тип, одетый сиделкой, прошли мимо официанта в коридоре.

— Это, по идее, произошло до того, как мы подошли к лифту, — сказал Томми. — Они лишь

чудом не столкнулись с нами. Да, быстрая работа. Я даже...

Он не договорил.

— В чем дело, сэр?

— Тсс, *mon ami*, мне в голову пришла одна мысль — грандиозная, я бы сказал, какая рано или поздно приходила в голову Эркюлю Пуаро. Что, если... О боже, надеюсь, я успею вовремя!

С этими словами он бросился вон из парка; Альберт — за ним по пятам, на бегу вопрошая:

— Что случилось, сэр? Я ничего не понимаю!

— Ничего страшного, — ответил Томми. — Не понимаешь — и не надо. Гастингс никогда не понимал. Не будь твои серые клеточки качеством пониже моих, какое удовольствие я получал бы от этой игры... Черт, я несу какую-то околесицу, но не могу ничего поделать. Ты хороший парень, Альберт. Ты знаешь, чего стоит Таппенс, а она стоит дюжины таких, как мы с тобой.

Рассуждая на бегу и задыхаясь, Томми вновь оказался в вестибюле отеля «Блитц». Здесь ему на глаза попался Эванс. Бересфорд тотчас отвел его в сторону, чтобы быстро сказать несколько слов. Вдвоем они вошли в лифт. Альберт вскочил вслед за ними.

— Третий этаж, — сказал Томми.

Рядом с дверью номер 318 они остановились. Эванс достал ключ и решительно вставил его в скважину. Без всякого предупреждения все трое вошли в спальню миссис ван Снайдер.

Дама по-прежнему лежала на кровати — правда, на этот раз неглиже. Она удивленно уставилась на вошедших.

— Извините, что мы вошли без стука, — с приятной улыбкой произнес Томми. — Я ищу мою жену. Не могли бы вы встать с кровати?

— Мне кажется, вы сошли с ума! — выкрикнула миссис ван Снайдер.

Томми, наклонив голову, задумчиво посмотрел на нее.

— Весьма артистично, — произнес он. — Но этого мало. Мы проверили под кроватью, но не заглянули внутрь. Помню, ребенком я сам любил там прятаться. Горизонтально, поперек кровати, под подголовным валиком. А вот этот сундук... как удобно в нем вынести тело! Но мы слишком быстро к вам нагрянули. Вы лишь успели опоить Таппенс зельем и спрятать ее под валиком, а также дать вашим сообщникам из соседнего номера возможность связать вас и заткнуть вам рот. Признаюсь честно, на тот момент мы клюнули на вашу историю.

Однако если призадуматься и разложить все по полочкам — то следует признать, что невозможно опоить зельем молодую женщину, переодеть ее в мальчишескую одежду, связать по рукам и ногам другую женщину и изменить собственную внешность — и все это за пять минут... Просто физически невозможно.

Сиделка с мальчиком были отвлекающим маневром. Предполагалось, что мы бросимся по их следу, а миссис ван Снайдер примем за несчастную жертву бандитов... Эванс, будь добр, помоги даме подняться с постели. Кстати, ты вооружен? Отлично.

Несмотря на все ее громкие протесты, миссис ван Снайдер была поднята со своего ложа. Томми сорвал простыни с матраца.

Там, поперек изголовья, лежала Таппенс — глаза закрыты, лицо воскового оттенка. На какой-то миг Томми охватил ужас, но затем он увидел, что грудь ее чуть заметно поднимается и опускается. Таппенс была под действием наркотика, однако жива.

Бересфорд повернулся к Альберту и Эвансу.

— А теперь, господа, — театрально произнес он, — заключительный удар!

Быстрым движением он схватил миссис ван Снайдер за ее причудливо уложенные волосы. Те остались у него в руке

— Так я и думал! — воскликнул Томми. — Номер шестнадцать...

Примерно через полчаса Таппенс открыла глаза и увидела склонившихся над ней доктора и Томми.

На события следующей четверти часа мы накинем завесу пристойности. Скажем лишь, что по истечении этого времени доктор отбыл, предварительно заверив Томми, что всё в порядке.

— *Mon ami*, Гастингс, — нежно произнес сыщик, — как я рад, что вы живы...

— Мы поймали номера шестнадцатого?

— В очередной раз я смял его, как яичную скорлупу. Иными словами, он в руках у Картера. Спасибо клеточкам серого вещества... Кстати, я поднимаю Альберту жалованье.

— Расскажи мне об этом!

Томми с чувством описал ей последние события, правда, опустив при этом кое-какие подробности.

— Ты, наверное, страшно за меня испугался? — еле слышно спросила Таппенс.

— Я бы так не сказал. Никогда нельзя терять голову.

— Врунишка! — заявила она. — На тебе до сих пор лица нет.

— Согласен, я немного поволновался, дорогая. И предлагаю поставить на этом деле точку. Что ты скажешь?

— Совершенно с тобой согласна.

Томми облегченно вздохнул.

— Я надеялся, что ты проявишь благоразумие. После такого шока...

— Это не шок. Кстати, против шока я ничего не имею.

— Крепкая, как резиновая кость, — прошептал Томми.

— У меня есть дело получше, — продолжала Таппенс. — Нечто гораздо более увлекательное. Что-то такое, чего я никогда не делала раньше.

Томми с опаской посмотрел на нее.

— Даже не смей думать, Таппенс. Я запрещаю.

— А как ты мне это запретишь, если это закон природы?

— Таппенс, ты это о чем?

— О нашем ребенке, конечно, — ответила Таппенс. — О таких вещах больше не говорят шепотом. О них кричат во всеуслышание. О нашем будущем малыше. Томми, согласись, что это замечательно!

Оглавление

Глава 1. Фея в доме 5

Глава 2. Чудо чаепития 15

Глава 3. Дело розовой жемчужины 31

Глава 4. Дело розовой жемчужины *(продолжение)* 50

Глава 5. Приключение зловещего незнакомца 58

Глава 6. Приключение зловещего незнакомца *(продолжение)* 72

Глава 7. Перехитрить короля 82

Глава 8. Джентльмен, одетый в костюм из газеты 92

Глава 9. Дело пропавшей леди 104

Глава 10. Мнимый слепой 125

Глава 11. Полицейский в тумане 142

Глава 12. Полицейский в тумане *(продолжение)* 155

Глава 13. Хрустун 168

Глава 14. Хрустун *(продолжение)* 176

Глава 15. Загадка Саннингдейла 190

Глава 16. Загадка Саннингдейла *(продолжение)* 200

Глава 17. Дом затаившейся смерти 211

Глава 18. Дом затаившейся смерти *(продолжение)* 222
Глава 19. Неопровержимое алиби 240
Глава 20. Дочь священника 268
Глава 21. «Ред-хаус» 277
Глава 22. Ботинки посла 294
Глава 23. Человек, который был
номером шестнадцать 320

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

АГАТА КРИСТИ. СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Агата Кристи

ПАРТНЕРЫ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Ответственный редактор *В. Хорос*
Редактор *В. Лебедев*
Художественный редактор *Р. Фахрутдинов*
Технический редактор *Г. Романова*
Компьютерная верстка *Д. Глазков*
Корректор *Г. Москаленко*

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-66-86; 8 (495) 956-39-21.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86; 8 (495) 956-39-21.
Тауар белгісі: «Э»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 05.11.2015. Формат 70×100 1/32.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,26.
Тираж 4000 экз. Заказ № 11945.

Отпечатано в ООО «Тульская типография».
300026, г. Тула, пр. Ленина, 109.

В электронном виде книги издательства вы можете купить на www.litres.ru

ЛитРес: один клик до книг

16+

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж
International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department for their orders.

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, *обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2115/2117/2118; 411-68-99, доб. 2762/1234.*

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса:
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карлинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел.: (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО«РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.
В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.
В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев,пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

Полный ассортимент продукции Издательства «Э» можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

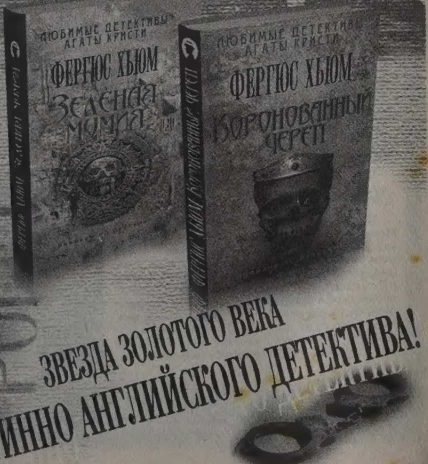
Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.

ISBN 978-5-699-84282-7

9 785699 842827 >

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

Романами **Хьюма** зачитывалась Агата Кристи, именно они вдохновили Конан Дойля на создание цикла о Шерлоке Холмсе. Автору удалось нащупать безошибочную формулу бестселлера: острый детективный сюжет с убийством, расследованием, а также изображением как высших слоев общества, так и его дна. Дебютный роман «Тайна хэнсомского кэба» имел грандиозный успех и разошелся неслыханным для своего времени тиражом от 500 000 до 750 000 экземпляров. Всего за 47 лет творчества Хьюм поставил уникальный рекорд: он опубликовал более 140 произведений детективного жанра.



ЗВЕЗДА ЗОЛОТОГО ВЕКА
ИСТИННО АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА!

2015-041

Энн Перри — необычная писательница. Сегодня — гордость и слава английского детектива, в юности она была осуждена за соучастие в убийстве. Это, конечно, придало неоднозначность её популярности... Но успех — циничная штука: её читатели по всему миру уверены: в убийствах она разбирается точно. И читателей этих всё больше и больше: в мире продано *более 27 миллионов книг* Энн Перри.

Любимый детектив Английской королевы

Энн Перри

«Призрак с Кейтер-стрит»

В респектабельном районе Лондона, где живёт семья Эллисон, и слыхом не слыхивали о серийных убийцах и жутких преступлениях. И когда на Кейтер-стрит, буквально по соседству с их домом, одна за другой начинают гибнуть молодые девушки, весь квартал приходит в ужас, а вместе со всеми и Шарлотта Эллисон, средняя дочь в семье. Постепенно она приходит к выводу, что это дело рук не грабителя и не отчаявшегося бедняка из трущоб — здесь таких не бывает. Похоже, убийца — кто-то из их круга, живущий здесь же...

«Чужое лицо»

Инспектор лондонской полиции Уильям Монк пришел в себя в больнице — и понял, что не помнит абсолютно ничего. Ни почему он оказался здесь, ни что служит в полиции, ни даже своего имени; все это ему рассказал его начальник. Окрепнув физически, Монк вышел на службу и с головой окунулся в работу. Но вот какие дела он вел, Уильям тоже не помнил. И признаться в потере памяти не мог — иначе был бы объявлен непригодным к сыскной профессии...

ЭТО НАДО ПРОЧЕСТЬ!
Авторская серия Энн Перри
Викторианский детектив! Мировой бестселлер!

2015-032

«Сладкая парочк[illegible] – Томми и Таппенс Бересфорд – снова в деле. Им предстоит масса веселых и захватывающих приключений. К тому же каждая глава этого ироничного детектива представляет собой пародию на рассказы о самых популярных литературных сыщиках в истории мирового детектива.

$3.49 +TAX

www.agathachristie.com

ISBN 978-5-699-84282-7

9 785699 842827 >